

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский государственный университет геосистем и технологий»
(СГУГиТ)

ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ

XXI Международный научный конгресс

Сборник материалов в 8 т.

Т. 5

Международная конференция

**«ЭЛЕКТРОННОЕ ГЕОПРОСТРАНСТВО:
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНОЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»**

Новосибирск
СГУГиТ
2025

Ответственные за выпуск:

Кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой правовых и социальных наук
СГУГиТ, г. Новосибирск

Е. В. Сотникова

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой юриспруденции СГУГиТ,
г. Новосибирск

И. Б. Данилов

Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций СГУГиТ, г. Новосибирск

С. С. Жданов

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры СГУГиТ,
г. Новосибирск

Е. И. Теплухин

С26 Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XXI Международный научный конгресс, 21–22 мая 2025 г., Новосибирск : сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». – Новосибирск : СГУГиТ, 2025. – 104 с. – ISSN 2618-981X. – Текст : непосредственный.

DOI 10.33764/2618-981X-2025-5

В сборнике опубликованы материалы XXI Международного научного конгресса «Интерэкспо ГЕО-Сибирь», представленные на Международной конференции «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение».

Печатается по решению редакционно-издательского совета СГУГиТ

Материалы публикуются в авторской редакции

Издание может содержать сведения об иностранных агентах

УДК 528

© СГУГиТ, 2025

С. С. Жданов^{1,2}✉

Репрезентация Новороссии в травелоге Н. С. Всеволожского

¹ Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные образы Новороссии, которые представлены в травелоге «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах» Н.С. Всеволожского. Проанализированы исторические и современные автору темпоральные слои новороссийского пространства. Зафиксированы оппозиции «энтропийность – упорядоченность», «фронтирность – европейскость», «провинциальность – столичность» в характеристике изображенной пространственности. В качестве важного элемента новороссийского пространства исторической памяти определен темпоральный слой екатерининской эпохи, связанной с такими образами персониферы, как Екатерина Великая, Потемкин, Суворов. В целом, следует сделать вывод о схожести репрезентации Новороссии в тексте Всеволожского с образами данного пространства в травелогах других русских авторов первой половины XIX века, например, в произведениях П.И. Сумарокова, И.М. Долгорукого.

Ключевые слова: пространство, Малороссия, Новороссия, Одесса, Херсон, Харьков, травелог Н. С. Всеволожского, лиминальность, имагология, русская литература

S. S. Zhdeanov^{1,2}✉

Representation of Novorossiia in the travelogue by N.S. Vsevolozhsky

¹Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with spatial images of Novorossiia, which are presented in the travelogue “Journey through Southern Russia, Crimea and Odessa to Constantinople, Asia Minor, North Africa, Malta, Sicily, Italy, South Africa and Paris in 1836 and 1837” by N.S. Vsevolozhsky. Temporal layers of Novorossiia space, historical and actual for the author, are analyzed. The oppositions "entropy – order", "frontier – Europeanness", "provinciality – metropolitan" are fixed in the characterization of the depicted spatiality. The temporal layer of the Catherine era associated with such images of the personosphere as Catherine the Great, Potemkin, and Suvorov are identified as an important element of the Novorossiia historical memory space. In general, it should be concluded that the representation of Novorossiia in Vsevolozhsky's text is similar to the images of this space in travelogues of other Russian authors of the first half of the 19th century, for example, in the works of P.I. Sumarokov, I.V. Dolgoruky.

Keywords: space, Little Russia, Novorossiia, Odessa, Kherson, Kharkov, travelogue by N.S. Vsevolozhsky, liminality, imagology, Russian literature

Введение

Представленные в отечественных травелогах XIX века репрезентации пространства Малороссии, а также Новороссии, не раз становились объектом исследования в работах, имеющих прямое или опосредованное отношение к имагологии как дисциплине, занимающейся изучением образов Своего и Чужого в различных (в том числе литературных) текстах. Действительно, сама природа травелогов, связанная с фиксацией пространственности, выступает "благодатной" основой подобного анализа, позволяя вычленить семиотическое ядро и периферию описаний Малороссии/Новороссии, проследить черты формирующихся малороссийского и новороссийского текстов. Примерами работ, затрагивающих проблематику украинскости / новороссийскости, служат монография А.В. Марчукова [1], статьи В.С. Киселева и Т.А. Васильевой [2], С.С. Жданова [3]. Ряд исследований посвящен репрезентациям отдельных городов – Киева [4], Одессы [5], Севастополя [6], Кременчуга [7]. Можно также вспомнить работу Д.В. Шаталова по образу украинского казачества [8].

При этом следует отметить, что в исследованиях по украинскости и новороссийскости практически не привлекался текст Н.С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах». Данный травелог, насколько нам известно, вообще малоизучен в отечественной гуманитаристике. Так, работы Е.П. Кудрявцевой, обращающейся к этому тексту, сфокусированы на его "турецком" [9; 10], а статья О.Б. Лебедевой – на "итальянском" фрагменте [11]. В вышеупомянутом исследовании А.С. Панова, посвященном образу Одессы [5], текст Всеволожского выступает одним из нескольких анализируемых травелогов. В нашей же совместной статье с П.В. Алексеевым и В.С. Шарыповой акцент сделан на ориенталистской проблематике «Путешествия...» [12].

Данное исследование мыслится дополняющим и частично расширяющим содержание вышеупомянутой совместной статьи и имеет своей целью подробный анализ репрезентации пространства Новороссии в тексте Всеволожского, включающее выделение основных локусов Новороссии в сопоставлении с контекстом описаний последней в русских травелогах первой половины XIX века. Материалом исследования служит "новороссийский" фрагмент первого тома «Путешествия чрез Южную Россию, Крым и Одессу...» (за исключением крымских эпизодов).

Методы и материалы

В статье использованы имагологический подход к проблематике пространства, а также сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит травелог Н.С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах», опубликованный в 1839 году.

Результаты и обсуждение

Пространство своего "внутреннего" маршрута Всеволожский обозначает как Южную Россию, при этом последняя является промежуточным пространством на пути нарратора в Константинополь и дальше в Рим («Судьба велит ехать в Константинополь! Велит ехать в Рим!» [13, с. 70] – здесь и далее орфография и пунктуация цитируемых текстов приближены к современным – *авт.*) и поэтому не описана подробно. Относительное исключение составляют особо вынесенные в заглавие то-посы Крыма и Одессы.

Этот маршрут проходит через земли Малороссии и Новороссии. Но описаний первой мы в тексте практически не встретим. В тексте отмечена лишь граница перехода от великороссийского (полностью Своего) в малороссийское (частично Свое) пространство, которая проходит условно где-то между Белгородом и Харьковом. Причем Белгород уже отмечен лиминальностью. Здесь нарратор встречает в транзитном сублокусе почтового двора «двух Малороссиян», которых он «насилу разбудил и расшевелил» и «которые лениво начали мне запрягать лошадей» [13, с. 11]. Тем самым пространство Белгорода предуготовляет пространство Малороссии, поскольку типажной характеристикой малороссиянина выступает лень как следствие благодатного климата "полуденной России", не предполагающей столь больших человеческих усилий для поддержания жизни как в более северных землях Великороссии. Сравните с характеристикой в одном из ключевых книг «малороссийского» текста русской литературы – левшинских «Письмах из Малороссии»: «Благодастворенный воздух и плодородный земли давали бы жителям здешним право называться любимыми детьми природы; ежели бы она многих из них не лишила нужнейшей к благосостоянию человека добродетели – трудолюбия» [14, с. 70]. В тексте И.М. Долгорукого труд малороссийских крестьян и вовсе подан в гипертрофировано-иронической манере как нечто, возможно, и тяжелое, но весьма неторопливое: «Пахарь в здешней стороне дерет землю плугом и возит его на 6 волах, а иногда и более. Тяжкая работа! Земледелие полезно, благородно и необходимо, но спина от него болит; и так извиним беспечность земледельца» [15, с. 59]; «Хохол... охотно сносит... всякий труд, только нужно его погонять беспрестанно; ибо он очень ленив: на одной минуте пять раз и вол, и он заснут и проснутся» [15, с. 243]. Более того, автор уравнивает образы трудящегося крестьянина и его вола: «Вол есть живое изображение Хохла, который также... ленив» [15, с. 59]. Сочетание мотивов лени и благодатного климата мы встречаем и в описании малороссийского ("пост-белгородского") пространства у Всеволожского: «по всему разбросана какая-то нега, какая-то лень; уж начинаешь чувствовать влияние умеренного климата» [13, с. 11].

Попадание в новое пространство актуализирует также мотив тотальной инакости, которая, однако, пронизана ксенофлией: «Здесь чувствуешь уж совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, все принимает другой вид; женщины не лучше, но как-то веселее; вообще все гостеприимнее» [13, с. 11]. Этот же мотив веселости встречаем у Левшина: «изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли и счастливый

климат Малороссии делают жителей здешних веселыми и склонными к забавам» [14, с. 69]. Сходный мотив попадания в иное (в том числе веселое) пространство в Харьковщине имеется и в тексте П.И. Сумарокова: «что означает в селе Липцах, последней к Харькову станции, сия крутая перемена во всем, что только взору не представляется? Вот белеются униженные мазанки; вот поселяне с обритыми головами, разъезжают на волах, и вот открытые шинки винной продажи. В опрятной и веселенькой хате нахожу я, иные лица, иные обыкновение, иное на хозяевах одяние, иное устройство и слышу иной языке. Не ужель тут положен пределе Империи? Не в другое ли въезжаю я государство? – Нет! Империя все продолжается; а отсюда начинается край, называемый Малороссией.» [16, с. 45]. Пространство между Белгородом и Харьковым, в рамках которого фигурируют Липцы, также отмечено как граница между Великороссией и Малороссией и в тексте Долгорукого: «Наконец въехали мы в пределы Украйны, Зачал приходить мне на память Пан Хмельницкий и Мазепа. <...> Везде без исключения мазанки, нет других жил. Появились Хохлы. В 28 верстах от Харькова деревня Липцы ими населена. Увидели мы образчики плодородного климата: на воздухе рождаются арбузы без всякого садовнического присмотра <...> Туда в своих нарядах и в пестрых юбках из ковров ходят бабы очищать сей плод от побочных растений» [15, с. 46]

В то же время описание собственно Малороссии в тексте Всеволожского фактически отсутствует. Репрезентацию Харькова "поглощает" образы энтропийных сублокусов города некой «вонючей ямы», в которой застряла карета автора, а также почты, где наблюдается «непорядок» [13, с. 12], что мотивирует отказ нарратора от описания локуса и скорый отъезд: «я решился скорее из него выехать, не отдохнув и не видав никого» [13, с. 13]. Отсутствие визуального описания путешествия подчеркнуто образом ночной поездки, которая, однако, сглаживает за счет аудиальности (соловьиных песен) негативные ольфакторный и визуальный ряд Харьковщины: «соловьи пели повсюду. Я от роду не слыхивал такого множества вдруг поющих ночных соловьев! <...> Эта ночная, усладительная гармония помирила меня с харьковским приключением» [13, с. 13].

Соответственно, малороссийское пространство представляет собой фактически лакуну в нарративе, за которой сразу следует попадание в Новороссию. Всеволожский сообщает, что, заснув по дороге из Харькова, «проснулся только в Константинограде» [13, с. 13], который являлся, по сути, лиминальным локусом на границе Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерний, периодически меняющим свою административную привязку, а в тексте Всеволожского лишь названным, но не описанным. Аналогично неописанным выступает и уездный город Екатеринославской губернии Новомосковск (а позже и Каховка). Краткая репрезентация дана лишь идиллическому локусу дороги из Константинограда в Новомосковск: «прекрасные места, среди грушевых и вишневых деревьев в полном цвете» [13, с. 13]. В комплиментарных тонах охарактеризован и локус степи между Екатеринославом и Никоподем, маркированной мотивами изобилия, водности и орнито-образами с последней связанными: «Дорога лежит по степи; тучные пажити и высокая трава довольно показывали богатый грунт земли. Драхва и даже стрепеты прогуливались смирно» [13, с. 14], т.е. у Всеволожского мы не встречаем описаний

мортально-энтропийных степей, как в "новороссийских" фрагментах текстов Сумарокова («неприятная и со всех стороне открытая степь» [16, с. 82]) или Долгорукого («Николаевская ужасная степь» [15, с. 105]). Максимально негативным маркером локуса дороги является мотив связанной с ретардацией движения скуки, относящийся к отрезку пути из Берислава: «по песчаной, скучной дороге дотащился до Перекопа!» [13, с. 18]. Сравните с негативно-экспрессивным описанием путешествия Сумарокова: из Бериславля он попадает «в Ногайскую страну», которая «еще более печалит своею плоскостию, единообразностию, необитаемостью и безводием. На ней нигде не видно, ни засеянных нив, ни земледельцев, ни пасомага скота. Поля покрыты погорелою травою, и сие расстояние 75 верст до Перекопа, имеющее на себе две слободки являет совершенную пустыню» [16, с. 82–83].

В тексте же Всеволожского степь – это локус изобилия, а также пространство исторической памяти, которая связана с сублокусами курганов, которые нарратор «часто» встречает «на Екатеринославской, Херсонской и Крымской степях» [13, с. 19] и приводит разные версии их назначения в прошлом, маркируя номадностью эти сублокусы и образы, установленных на них «каменных уродливых истуканов» с «чертами лиц» «Скифских кочующих народов, или Половцев и Печенегов, от них происшедших» [13, с. 20]. Связанных с курганами кочевников Всеволожский обозначает привычным ему термином «Орда» [13, с. 21]. Наконец, "ориентальная" степь отмечена экзотическим (нерусским, по нарратору) образом миража, для которого автор не может подобрать слова в родном языке: «В степи, не доезжая Перекопа, увидел я в первый раз в моей жизни замечательное явление природы: это *mirage* (мираж). Употребляю здесь Французское название, потому что на Русском языке его, кажется мне, нет, или я его не знаю» [13, с. 21].

Однако некоторые урбанистические локусы Новороссии удостаиваются авторского описания. Первый из них – губернский город Екатеринослав – описан в рамках двух темпоральных слоев. Его пространство исторической памяти связано закономерно с персониферой екатерининской эпохи. Это, во-первых, образ самой Екатерины, которая обозначена как основательница города («построен Великою Екатериною») и сублокуса местной «соборной церкви», а во-вторых, австрийского императора Иосифа Второго, присутствовавшего при заложении «первого камня» этого сооружения в 1787 году [13, с. 13], что, кстати, отмечено и в травелогe Сумарокова [16, с. 69]. Тем самым локус маркирован как пространство потенций, связанных со значительностью. Но в современном темпоральном слое Екатеринослав кодируется как город нереализованных потенций, который, кроме «довольно красивого и обширного дома», выстроенного генерал-губернатором графом Воронцовым, не имеет «ничего» «особенно примечательного» и «никогда не сделается достойным громозвучного имени своего» [13, с. 14]. Сравните со сходным пассажем у Сумарокова о несоответствии того, «какое назначалось ему [Екатеринославу – *авт.*] пышное бытие» и его «немощью и упадком», поразившим город «в самом начале своем» [16, с. 68]. Это несоответствие Всеволожский объясняет географическим положением локуса, делающим его глухой провинцией: «Теперь границы Государства со всех сторон от него удалились; ничего нет в нем такого, что привлекало бы населяться, не взирая на пять установленных в нем ярмарок. Как центр гу-

бернии, содержащий в себе присутственные места, он удерживает еще чиновников, а дела окружных жителей привлекают несколько людей и торговцев» [13, с. 14]. Аналогичный мотив неудачного расположения встречаю у Сумарокова: «Я не понимал, почто на столь безвыгодном месте, при самом пределе Губернии, тут, где никакая главная дорога не пролегает, и где торг процветать не может, учрежден был прежде Губернский город» [16, с. 78]. Непривлекательность провинциального Екатеринослава для жизни отмечена и М.П. Ждановым: «В Екатеринославле живут только служащие чиновники, немногие купцы и Евреи-ремесленники» [17, с. 129].

Образу двух других новороссийских городов – Никополя и Берислава – представлены прежде всего пространством исторической памяти. Первый из них связывается в тексте с пространством Запорожской Сечи как относившееся к ней «местечко» «Никитин рог», служившее казакам «перевозом» [13, с. 16]: «Подъезжая рано по утру к Никополю, я невольно вспомнил о Запорожских казаках» [13, с. 15]. Подчеркнем, что в отличие от травелогов Сумарокова, где исторический образ Запорожской Сечи представлен негативно, как «вредоносное гнездо» [16, с. 163], и Ф.Н. Глинки, ставящего Запорожцев в ряд «живших грабежом народов» [18, с. 9] (все это есть отголосок недавнего еще ко времени написания текстов противостояния империи и казацкой вольницы), Всеволожский не делает различий между «запорожскими казаками и Украинскими», маркируя обе общности мотивом «бессмертной славы» [13, с. 16], что сближает данную трактовку образа казаков с левшинской версией исторического "козацкого" топоса Малороссии как «воинственного и независимого от России государства» [9, с. 58]. В тексте же Глинки войска Хмельницкого и Запорожской сечи оказываются имплицитно противопоставлены друг другу ввиду «нелегитимного насилия» последних [19, с. 73]. По Всеволожскому, отпадение Запорожья и Украины является историческим несчастьем, постигшим единую семью русского народа: «Отпадшие в несчастные времена для России, сыны отечества нашего, они основали здесь собственное правление» [13, с. 16]. Соответственно, казацкая вольница и переменчивость в выборе союзников у автора оправдывается исторической необходимостью существования небольшого лиминального образования между сильных держав, а также «приверженностью к православной Греческой Церкви, к родной земле и свободе»: «Мы видим их то под покровительством Польских Королей, то союзниками Крымских Ханов, Молдавских Господарей и Князей Трансильванских; то ласкаемых вспомосуществуемых Турецкими Султанами <...> Претерпевая неслыханные утеснения от Польши, они ей однакож долго и верно служили; по непрестанное тиранство Поляков, угнетение веры, лишение свободы, вывели их из терпения. <...> небольшой народ, живущий посреди степей, окруженный со всех сторон сильными державами, беспрепятственно воюя, то с тою, то с другою, мог удержаться, и не быть совершенно истреблен <...> находясь между Польшею и Крымом, он служил оплотом и сторожевым войском Полякам противу Крымцев; в случае же сильного угнетения от своих властелинов, восставал и вместе с Татарами врывался и пустошил Польшу. Начальники их, по обстоятельствам приставая то к той, то к другой стороне, уверены были всегда иметь союзника; бесстрашно плавая на малых лодках по Черному морю, придерживаясь берегов, они опустошали Анатолию, неоднократно брали и грабили

Требизонд, Синоп, сражались даже против Турецких кораблей...» [13, с. 16–17]. Здесь также большое значение придается локусам днепровских порогов и островов как естественных укрытий: «когда же превосходные силы неприятелей принуждали их к отступлению, они уходили за свои пороги и скрывались между островами Днепра, где их преследовать большим судам было трудно или совсем невозможно. Те же самые острова служили им убежищем от Татар» [13, с. 18]. Поскольку Всеволожский мыслит с позиций исторической общерусскости пространства-«отечества», он не делает различий между Запорожской Сечью, Украиной и Россией, которые сливаются в единый топос, маркируемый образами героев-защитников: «Имена их [запорожских и украинских – *авт.*] героев: Конашевича, Сагайдачного, Сулимы, Наливайки, наконец бессмертного Богдана Хмельницкого и других, останется в Истории, наравне с именами всех славных избавителей своего отечества» [13, с. 16]. В то же время заметим, что во всей этой персонифицированной среде особо выделен образ «бессмертного Хмельницкого» как главного героя культурно-пространственных противостояний во имя русского единства, который, «разбив Поляков во многих кровопролитных битвах, успел наконец склонить Царя Алексея Михайловича принять Малороссию под его покровительство. С этого времени, вся Украина, древнее наше достояние, Киев, Чернигов, Переяславль и проч., на веки присоединились к старым родичам и единоверцам своим Россиянам» [13, с. 17]. Как видим, локус Никополя в тексте важен не сам по себе, а как триггер для пространной культурно-исторической ремарки.

Через гетерогенное историческое пространство маркирован и образ Берислава. Здесь, как представляется, Всеволожский смешивает весьма вольно сразу несколько локусов, считая, что за время своего исторического существования Берислав сначала был «Миллетополем», поскольку, по одной из приводимых автором версий, был основан «Миллезиянами», затем был переименован «Россиянами» в Белою Вежу, а «Татарами» в Кизикермень [13, с. 18] (из всего этого верным является лишь преемственность Кызы-Кермена в Берислав). Впрочем, в «татарское» происхождение города нарратор не вдаётся, маркируя локус прежде всего как принадлежащий «Запорожцам» [13, с. 18]. В отличие от Всеволожского Сумароков фиксирует турецкость Берислава, построенного «на развалинах древнего *Кизекерменя*, в котором Турки содержали всегда свой гарнизон» и «памятником существования» которого «служат» «видимые ныне следы бывшей каменной крепости, ровов, многих домов» [20, с. 25]. Более того, во время своего первого крымского путешествия Сумароков застает период пост-екатерининского переименования новороссийских локусов, сообщая, что Бериславлю «ныне возвращено первое его наименование Кизекермень» [20, с. 25]. Кроме того, в «бериславском» фрагменте текста Всеволожского представлен пласт екатерининской эпохи, связанный с локусом собора, который «замечателен», «находился в Запорожской Сечи и весь срублен из толстых дубовых брусьев» и был перевезен Потемкиным в Берислав [13, с. 17]. О современной Всеволожскому репрезентации города фактически ничего не сказано, лишь охарактеризованы его окрестности в ремарке, что «местоположение его красиво» [13, с. 18]. Сравните с сумароковским описанием Берислава, где присутствует не только фиксация «изрядного местоположения», но и упомянуто жалкое положение

современного автору города: «В Кизекермене нет ни единого порядочного дома, и онный будучи составлен из лачужек более походит на необширную деревню» [20, с. 25]. Также в окрестностях Никополя и Берислава отмечены «богатые села», маркированных в том числе образом Потемкина: «Многие из них принадлежали Князю Потемкину, а ныне составляют поместья богатого банкира Штиглица» [13, с. 18].

Связью с екатерининской персониферой охарактеризован и локус Очакова, переносящий читателя вслед за нарратором в пространство исторического прошлого: это образы самой Екатерины Великой, беспокоившейся из-за отсутствия «известия из армии своей, осаждавшей Очаков при наступлении Декабрских морозов», ее фаворита военачальника «Князя Потемкина, потерявшего всех лошадей», а также «единственного, непобедимого Суворова» [13, с. 85]. Образ последнего прочно связан в сознании авторов травелогов той эпохи (не только Всеволожского, но и Сумарокова, Долгорукого, с локусом Кинбурнской косы, где полководец «атаковал, разбил и истребил» турецких воинов «до последнего» [13, с. 85]. При этом сумароковский текст демонстрирует наибольшую степень экспрессивности, отсылая читателя в онирическое пространства битвы за косу: «Я проходил тою косою, где бессмертный Князь Италийский, Граф Суворов с хладнокровием допустил Турок из Очакова сделать *важный* десант, дал время им укрепиться и, отдыхая в это время, насмехался их предприятию; но потом, когда окончилась их высадка и окопы их были поделаны, то он напал на оные превосходящие его силы столь поразительно, что все те дерзнувшие противустать сему Герою Музульманы погибли у ног Россов без исключения. Здесь-то ужасная смерть во всей ярости своей ополчалась, и здесь-то дымящиеся ручьи человеческой крови впадали в Лиманские вода, оставляя багровые по ним следы» [20, с. 205]. Долгорукий же наиболее сдержан в описании, напрямую не называя имя Суворова и делая акцент не на самой битве, а на ее геополитические последствия: «С пристани глядя, я вечную намять проворчал тому непобедимому витязю нашего края, который прославил себя на этой косе и своей тут победой отворил, можно сказать, путь к Очакову и ко всем счастливым подвигам нашего войска, умножившим его славу в Европе» [15, с. 128–129]. Как часто случается с локусами битв, их вид "провоцирует" нарратора на попадание в онирическое пространство, позволяющее за счет воображения "оживить" картины прошлого, что демонстрирует и текст «Путешествия чрез Южную Россию...» относительно сражения за Очаков: «я... воображал, как в день Чудотворца Николая, 6-го Декабря, Русские герои штурмовали крепость, преодолели все препятствия, торжествовали и успокоили Великую» [13, с. 85]. О современном же Очакове автор не сообщает ничего.

В отличие от репрезентаций иных новороссийских городов образ Одессы представлен как современным нарратору темпоральным слоем, так и историческим пространством. Последнее связано с генезисом Одессы из «бедной Татарской деревеньке» Гаджибей, «при которой находилось небольшое Турецкое укрепление» [13, с. 87]. Своего рода демиургом города обозначен «Адмирал О. М. де Рибас», которому данное место показалось «удобным» «для построения города и пристани» [13, с. 87]. Здесь в тексте актуализированы мотивы, которые мы встречаем при репрезентации Одессы, как в первом "крымском" травелог Сумарокова, так и у Всево-

ложского: во-первых, соперничество с Херсоном («Нездоровое местоположение Херсона и множество неудобств тамошней пристани дали... мысль заменить этот город Одессою»; «Может статься, и желание превзойти услугою Г -на Синельникова, который строил Херсон и получил за то богатое награждение, входило в расчеты де Рибаса» [13, с. 87]; «Со времени появления Одессы, сей город, обратя к себе всю торговлю, лишил Херсона славы и совершенно его унизил» [20, с. 24]; сравните также с текстом Долгорукого: «Одесса похитила его [Николаева – *авт.*] добычи; так точно и Николаев вселил в забвение Херсон» [15, с. 114]), во-вторых, приход русских на земли Бессарабии в ходе русско-турецких войн («Мир с Портою Оттоманскою, 1792-года, распространил границы Империи от Буга до Днестра» [13, с. 87]; «Вступил в Бессарабию, бывшее незадолго пред сим владение Порты, которая, сближая от победоносного нашего оружия внутрь себя свои пределы, уступила в последнюю войну всю сию область России и перенесла отсюда за Днестр свои границы» [20, с. 190]), в-третьих, близость богатых хлебом украинских земель, вошедших в состав Российской империи в результате раздела Польши, что сразу маркирует Одессу как медиационное торговое пространство («почти в то же время присоединено было от Польши древнее наше достояние, нынешние Подольская и Волынская губернии, прилегающие почти к Черному морю, и после этого явилась необходимость открыть торговле удобное место к сбыту пшеницы и других произведений, без переправы чрез Буг» [13, с. 87–88]; «приближение его [Гаджибея-Одессы – *авт.*] к Польской Украине и способность торговли со многими державами, все это обещало *тут* знаменитый порт» [20, с. 213]). Отмечена и роль Екатерины II, которая «утвердила» доклад адмирала «и поручила ему строение города» [13, с. 87], а также в 1796 году дала название городу, даровав «ему некоторые привилегии» [13, с. 88]. Следующей фазой роста Одессы Всеволожский обозначает правление Александра I, до которого она «еще мало подвигалась к цветущему состоянию» [13, с. 88]. Ослабление Порты в начале XIX века, в результате которого «Черное море освободилось от владычества Турецкого и сделалось общою собственностью Европы», подано как фактор роста города, который сосредоточил в себе «большую часть» «торговых оборотов» [13, с. 88]. На тот момент Одесса маркирована Всеволожским энтропийностью, дикостью, малочисленностью населения, нехваткой домов и складов, отсутствием питьевой воды, т.е. это все еще пространство фронта, которое необходимо упорядочивать: «В этом году народонаселение Одессы простиралось до 8 тысяч человек; домов еще было мало, и те маленькие, беспокойные, дурно построенные; магазинов для складки товаров, так же как и публичных зданий, вовсе не существовало. Карантин, худо устроенный; окрестности города дикие и пустые; в городе для продовольствия почти ничего; о роскоши стола не могли иметь и мысли, когда не было даже чистой воды» [13, с. 89–90].

Соответственно, в качестве упорядочивателей пространства выступают генерал-губернаторы. Сначала это Дюк де Ришелье, который «посвятил все свое старание, всю деятельность свою на улучшение средств и положения города. Он выпросил новые льготы, доходы от винной продажи и десятую часть таможенного сбора в пользу Одессы; исходатайствовал у Монарха капитал для раздачи строящимся и

поселяющимся там в виде займа по 6 процентов. Город со своей стороны застроил пристань, новый и обширный карантин, положил основание огромному собору, Католической церкви, госпиталю, театру, словом, почти всем заведениям, которые ныне ставят Одессу наравне с богатейшими городами в Европе» [13, с. 90]. Как видим, Одесса в тексте Всеволожского отмечена европейскостью и вообще космополитичностью, что также распространяется на пространство ее окрестностей как осваиваемого фронта: «там, на обширной степи, поселились колонии Славян, Болгар, Венгров и Немцев, добровольно выходящих в Россию» [13, с. 90].

Продолжателем упорядочивания выступает фигура графа Воронцова, которому «было предоставлено распространить, усовершенствовать, и можно сказать переобразовать начатое Дюком» [13, с. 91]. Соответственно, согласно автору, благодаря усилиям последнего генерал-губернатора Одесса преобразуется; ее характеристика становится полностью противоположной начальной, включая мотив упорядоченности (улицы, «все вымощенные камнем», усаженные «тенистыми» деревьями; карантин, доведенный «до совершенства»; «заведение искусственных минеральных вод» [13, с. 91]); визуальной привлекательности и масштабности («Вид Одессы с моря прелестен» [13, с. 86]; «неимоверно до какой красоты достигла... Одесса»; «множество прекрасных домов, в два и три этажа, складочные магазины для товаров всякого рода»; «прекрасный публичный сад, наполненный всякого рода растениями»; «красивые площади», «улицы широкие» [13, с. 91]; «разнообразные картины моря и... великолепного города удивительно привлекательны» [13, с. 93]), многочисленности и оживленности («город считает уже около 50 тысяч жителей» [13, с. 91]; «живость»; «люди всех наций» [13, с. 93]), изобилия и дешевизны («как-им, час от часу возрастающим, благоденствием пользуется» город [13, с. 91]; «вы найдете здесь для удовлетворения роскоши и даже прихоти все, что только вздумаете пожелать, и гораздо дешевле, чем где-нибудь в других городах России»), свободы («ныне Одесса вольная пристань» [13, с. 92]), новизны («новостью» [13, с. 93]). Это город активной торговли, богатства и денег, поступающих как морем, так и сушей: «В 1803 году <...> из 900 кораблей, вошедших в Черное море, 336 прибыли в Одессу, <...> и все нагрузились пшеницею; а ее почти всю доставили из Подольской, Волынской, Киевской и Херсонской губерний. <...> более половины... суммы заплачено было звонкою монетою: Голландскими червонцами и Испанскими пиастрами, привозимыми через Броды или на самих кораблях» [13, с. 89]. Усиливаются также мотивы европейскости Одессы, что актуализировано в целом ряде локусов (улицы вымощены камнем, «большой частью» привезенным «из Мальты»; карантин «далеко превосходит Марсельский» [13, с. 91]; вдоль улиц насажены «Итальянские тополя»; «Магазины здешние, напоминающие лучшие Петербургские щегольскою наружностью, наполнены товарами всякого рода»; «прекрасный Итальянский театр» [13, с. 92]; «совершенно Европейский» город [13, с. 93]) и вообще ее космополитичности, выраженной в разнотипной антропности: «Я видел здесь людей всех наций: Греков, Итальянцев, Немцев, Французов, Жидов (их здесь много), Армян и толпу Украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях» [13, с. 93]. В тоже время сохраняющаяся в "бэкграунде" одесского семиотического кода фронтальность порождает оксюморонный образ центра

на периферии, в данном случае на границе цивилизованной Европы и дикой (для нарратора) Азии: Одесса маркирована как край «просвещенного мира» [13, с. 95].

Мотив дикости сохраняется и в описании окрестностей города. Так, в репрезентации демиприродного упорядоченного локуса дачи г-на Рено, которая «очень живописна» и включает «прекрасный домик» «на берегу моря», упоминается, что «сады, еще столь редкие в Одессе, делают ее бесценною» [13, с. 99]. Другим упорядоченным демиприродным локусом выступает «прелестная» дача г-на Стурдзы: «сад хорошо разбит в Английском вкусе и множество цветковых кустов и растений дают ей вид самый приятный» [13, с. 100]. Кроме того, в репрезентации одесских дачных локусов содержится отсылка к пространству исторической памяти: Всеволожский упоминает дачу своего «приятеля», графа П.А. Разумовского, которая «без хозяина», «теперь запущена» [13, с. 100].

Заключение

В целом, можно говорить о схожести репрезентации Новороссии в тексте Всеволожского с образами данного пространства в травелогах других русских авторов первой половины XIX века, в частности в произведениях Сумарокова, Долгорукого, до некоторой степени Жданова. При этом по сравнению с репрезентациями вышеупомянутых авторов пространственные описания Всеволожского Южной России отличаются известной лаконичностью, не составляя фокус его интереса как путешественника. Изображение малороссийского пространства фактически отсутствует, хотя формально упомянуты такие топонимы, как Харьков, Киев, Чернигов, Переяславль, Подольская, Волынская и Киевская губернии, Украина, но это сделано лишь мельком и в основном в связи с "новороссийским" контекстом.

Репрезентация Новороссии также весьма фрагментарна. Херсон и Херсонская губерния, через которые путь автора не пролегал, закономерно охарактеризованы в нескольких словах. Но и посещенные Всеволожским Новомосковск, Каховка остаются лишь условными точками маршрута путешественника, обозначенными, но практически никак не описанными.

Локусы Никополя и Берислава представлены практически только с точки зрения их пространства исторической памяти. При этом актуализировано значимый для нарратора образ пространства Запорожской Сечи, который, однако, частично слит с образом иных украинских территорий как лиминального топоса, маркированного мотивами православной веры, политической свободы и борьбы за эти веру и свободу против враждебного окружения (прежде всего Польши, Османской империи и ее крымских вассалов), а также воссоединения с Россией. Отметим также характерную "аполлогию" запорожского казачества, образ которого сливается с образом казачества Украйны, центром персониферы которой выступает образ Хмельницкого, т.е. Всеволожский не акцентирует моменты разногласия между Запорожской Сечью и Московским царством, а наоборот, показывает казачество достаточно монолитным в его стремлении к объединению с великороссийскими землями. Это в целом напоминает левшинскую репрезентацию "козацкого" независимого государства, тогда как, например, в травелоге Глинки образы казаков Запорожья и войска Хмельницкого разведены.

Важным элементом новороссийского пространства исторической памяти является слой екатерининской эпохи, связанной с такими образами персониферы, как Екатерина Великая, Потемкин, Суворов. Связью с ними, например, маркирована репрезентация Очакова, чье современное состояние автор не изображает. Акцент на екатерининскую эпоху сделан и в описании Екатеринослава, построенном на контрасте между многообещающим основанием (в прошлом) и провинциальным, непримечательным настоящим, чья антропность представлено в основном чиновниками и торговцами. Также подчеркнуто невыгодное географическое положение локуса.

В целом можно говорить о том, что исторический слой новороссийской пространственности является доминирующим в репрезентации урбанистического (да и степного) пространства, но в то же время объем и подробность изображения пространства исторической памяти в тексте Всеволожского уступает описаниям Новороссии в произведениях как Сумарокова, так и Долгорукого.

Наиболее подробно описанным топосом Новороссии на фоне прочих урбанистических локусов в травелоге Всеволожского выступает Одесса, образ которой дан в генезисе и являет противоположность екатеринославскому – от незавидного прошлого к блестящему настоящему. автором выделены как "до-одесский", турецкий темпоральный слой (образ Гаджибея), так и собственно одесский, русско-имперский, чья история подана как постепенное упорядочивание энтропийного пространства благодаря усилиям "демиургов" и разбита на два значимых периода: начальный, екатерининский (связанный с образами императрицы Екатерины II и адмирала де Рибаса) и александровский (маркированный образами императора Александра I, генерал-губернаторов де Ришелье и Воронцова). В связи с этим отметим достаточно частотный для репрезентации Новороссии у разных отечественных авторов мотив "внутренней" конкуренции крупных новороссийских городов между собой, в которой первенство отдается Одессе в сравнении с Николаевым и Херсоном.

В отличие от репрезентации у Всеволожского иных новороссийских городов большое внимание уделено изображению современного состояния Одессы, которая отмечена позитивными мотивами упорядоченности, привлекательности, масштабности, новизны, многолюдности, богатства и торговли, свободы. Структура одесского локуса довольно сложна, поскольку содержит гетерогенный культурный код, отличается известной космополитичностью, которая возникает за счет медиационности локуса на пересечении Востока и Запада, Севера и Юга. При этом особо подчеркнут мотив европейскости Одессы, которая соперничает не только с провинциальным Херсоном, но и с Петербургом и Марселем, что порождает оксюморонную пространственную характеристику центра на южной периферии (империи и вообще просвещенной Европы) и в известной степени корреспондируется с кодом Петербурга как центра на северной периферии.

Наконец, наряду с образами урбанистического пространства Новороссии в тексте Всеволожского присутствуют репрезентации природных и демиприродных локусов, которые, однако, занимают периферийное место по отношению к городским. Единственное известное исключение составляет изображение природного

пространства дикой степи. Но и оно, во-первых, весьма неподробно и маркирована мотивами водности и изобилия (в нем нет мотивов энтропийности и смертности, свойственных репрезентации степи в текстах других авторов), а во-вторых, в основном сфокусировано на описании сублокусов курганов как пространства исторической памяти и номадности, восходящей к скифской эпохе.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Марчуков А. В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М.: Регнум, 2011. – 294 с.
2. Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 2 (4). – С. 20–42. – DOI: 10.17223/24099554/4/2
3. Жданов С. С. Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 9. – С. 239–268. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-239-268.
4. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: диссертация ... доктора философии по русской литературе. – Тарту, 2010. – 213 с.
5. Панов А. С. Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2016. – № 2 (4). – С. 110–119.
6. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Севастополь и его ближайшая округа в сочинениях московских путешественников по Крыму конца XVIII–первой половины XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 1. – С. 48–77.
7. Жданов С. С. «Нехай же москвичи к провинциям суровы...»: образ Кременчуга в травелоге И.М. Долгорукого // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы XIV Міжнароднай навукова- практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Рэспубліка Беларусь, Мінск, 26 верасня 2024 г. – Мінск: БДУ, 2024. – С. 31–37. – EDN: QIYIFN
8. Шаталов Д. В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 9. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2014. – С. 224–240.
9. Кудрявцева Е. П. Турецкая дипломатия в первой половине XIX в. // Вестник МГИМО-Университета. – 2008. – № 2 (2). – С. 31–39.
10. Кудрявцева Е. П. Христианское население Константинополя в первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2020. – Т. 2. – № 2 (6). – С. 59–68.
11. Лебедева О. Б. «Дворец обрушился... Очнулося преданье» (легенда о королеве Иоанне в русской словесности XIX в.) // Образы Италии в русской словесности XVIII-XX вв: сборник статей. – Томск: ТГУ, 2009. – С. 420–444.
12. Алексеев П. В., Жданов С. С., Шарыпова В. С. «Полуденная Россия» в ориентальном

травелог Н.С. Всеволожского // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – С. 82–92. – DOI: 10.33764/2618-981X-2024-5-82-92.

13. Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. – Т. 1. – М.: Типография Августа Семена, 1839. – 495 с.

14. Левшин А. И. Письма из Малороссии. – Харьков: Университетская типография, 1816. – 206 с.

15. Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. – М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1870. – 355 с.

16. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. – Ч. I. – СПб.: Императорская типография, 1803. – 276 с.

17. Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской. – СПб.: Издание В. Полякова, 1843. – 212 с.

18. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. – Ч. 1. – М.: Типография С. Селивановского, 1815. – 242 с.

19. Жданов С. С. Пространственные образы Западной Украины в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – С. 68–81. – DOI: 10.33764/2618-981X-2024-5-68-81.

20. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. – М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. – 238 с.

© С. С. Жданов, 2025

С. С. Жданов^{1,2}, Н. В. Федотова^{2,3}

Американская городская образность в очерке «Вокруг света» Н. Г. Гарина-Михайловского

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация

² Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

³ Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные образы американских городов (Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорка), представленные в путевом очерке «Вокруг света» Н.Г. Гарина-Михайловского. Установлено, что американская пространственность в тексте маркирована мотивами чужести, денег, богатства, рекламы, техники, гигантизма, каменности и железности, индустриальности, света, движения, цивилизованности, утилитарной целерациональности, скуки, отсутствия культуры и истории и в то же время известной притягательности. Также установлено локальная актуализация взаимоисключающих на первый взгляд элементов в оппозициях «свобода – несвобода», «безжизненность – естественность», «привлекательность – непривлекательность». В целом для текста характерна большая степень обобщения, тяготение к абстракции, в рамках которой американскость выступает как особая форма организации антропоного пространства.

Ключевые слова: пространство, образ города, Америка, Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорк, травелог Н.Г. Гарина-Михайловского, имагология, русская литература

S. S. Zhdanov^{1,2}, N. V. Fedotova^{2,3}

American city imagery in the sketch “Around the world” by N.G. Garin-Mikhailovsky

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with spatial images of American cities (San Francisco, Chicago and New York), presented in the travel essay "Around the World" by N.G. Garin-Mikhailovsky. It is established that American spatiality in the text is marked by motives of otherness, money, wealth, advertising, technology, gigantism, stoniness and ironness, industrialness, light, movement, civility, utilitarian purposeful rationality, boredom, lack of culture and history, and at the same time a certain attraction. The local actualization of mutually exclusive elements in the oppositions "freedom – unfreedom", "lifelessness – naturalness", "attractiveness – unattractiveness" are also revealed. In general, the text is characterized by a high degree of generalization, a tendency towards abstraction, in which Americanness acts as a special form of anthropic space organization.

Keywords: space, city image, America, San-Francisco, Chicago, New York, travelogue by N.G. Garin-Mikhailovsky, imagology, Russian literature

Введение

Тексты Н.Г. Гарина-Михайловского не раз становились материалом исследования в работах, посвященных как репрезентациям Дальнего Востока [1–4], так и семиотике города [5]. В то же время, представленное в них пространство Соединенных Штатов Америки и, в частности, их городская образность, которая сама по себе является весьма перспективным направлением анализа в литературоведческой имагологии [6–8], изучено гораздо слабее. Нам известна лишь одна работа С.А. Голубкова, где упоминаются образы американских городов в очерке «Вокруг света» Гарина-Михайловского [9]. Однако там они не также не составляли предметный фокус научного внимания. Соответственно, наше исследование призвано закрыть данную лакуну.

Методы и материалы

В статье использованы имагологический подход к проблематике пространства, а также сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит очерк «Вокруг света» Н.Г. Гарина-Михайловского (главы «Сан-Франциско», «Американец об Америке», «Из конца в конец Америки», «В Атлантическом океане»).

Результаты и обсуждение

Жанровая форма очерка, которая, согласно С.А. Голубкову, предоставляет «возможность для фиксации мимолетных впечатлений и своеобразной социальной диагностики [9, с. 65], обусловила особенности репрезентации пространства Соединенных Штатов Америки в произведении Гарина-Михайловского. Основными урбанистическими центрами, описываемыми в тексте, являются Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорк. При этом американские города в травелогe изображаются весьма схематично и избирательно, в рамках отдельных локусов, которые часто остаются безымянными, что придает повествованию характер обобщения и переносит читателя от уровня конкретного пейзажного описания на уровень абстрактной американскости, которую в то же время можно рассматривать как особый способ организации антропоного пространства.

Типажный американский городской локус маркирован, по Гарину-Михайловскому, мотивом неевропейскости как особой формы чужести, где европейское выступает в качестве Своего или частичного Своего (по большей части освоенного Чужого): «Американский город так не похож на наш европейский» [10, с. 405]. Причем тема чужести возникает в повествовании еще в сцене приближения к Америке, когда корабль берет курс на Сан-Франциско: «Все такой же он [океан – авт.] синий, может быть, еще синее и прозрачнее, но теперь холоднее уже, и что-то злобное в нем, чуждое нам. Стоя у борта, уносишься мыслью от него к Сан-Франциско» [10, с. 403]. Как видим, американское пространство метонимически (через топос океана) связывается с негативным мотивным рядом злобы, холода, неприветливости, беспокойства: «Холодно, как в Севастополе в декабре, и чем ближе к Сан-Франциско, тем холоднее <...> дует холодный ветер, и беспокойнее океан» [10, с. 403]. Мотив холода актуализирован и в сцене

прощания с Америкой – отплытия из Нью-Йорка: «Свистит уныло холодный ветер» [10, с. 426]. Объединяющим для пространства Сан-Франциско и Нью-Йорка также является образ тумана. Нарратор, попадая в США через Сан-Франциско, наблюдает «видневшийся в утреннем тумане город» [10, с. 404]. Покидая же Америку через нью-йоркский порт, автор упоминает один из знаковых локусов Нью-Йорка – скрывающуюся «в дымке тумана» статую Свободы [10, с. 428]. При этом образ самого города контекстуально сливается с образом тумана: «Скрывается в тумане громадный, как этот туман, Нью-Йорк» [10, с. 426]).

Вообще, репрезентация Сан-Франциско закономерно связана с морской водностью, актуализированной в локусах «мыса тюленей» и порта с его визуальными и ольфакторными образами больших океанских кораблей и «запаха пеньки, смолы, моря» [10, с. 404]. Также наблюдается распространение морской образности на все антропоное городское пространство, где людские толпы метафорически уподоблены морским волнам: «Сан-Франциско – центр с постоянным приливом населения всего океанского побережья» [10, с. 407].

Важен для репрезентации этого урбанистического топоса, как, впрочем, и для всего американского пространства в целом, мотив гигантизма, фиксируемый в описании множества локусов, например, порта, в связи с которым Гарин-Михайловский упоминает образы «гигантов»-кораблей [10, с. 404] и «громадного сарая» таможни [10, с. 405]. Образ последней остраничен путем сравнения с «крытым двором громадной корчмы» [10, с. 405]. Наряду с мотивом гигантизма, порт маркирован также мотивом закрытости/запертости/отсутствия визуального простора, т.е. своего рода ловушки в которую попадает нарратор: «все теперь исчезло. Мы уперлись с одной стороны в гору, закрывающую город, а с других сторон окружены, как лесом, мачтами таких же гигантов...» [10, с. 404].

Отметим и смешение природного и неприродного элементов в репрезентации порта, где, с одной стороны, возникает образ горы, а с другой – кораблей, мачты которых, однако, перенимают часть природной образности, сравниваются с лесом. Мотив гигантизма и примыкающий к нему мотив множественности артефактов и людей) актуализирован в описаниях и иных локусов Сан-Франциско: «громадные, на оранжереи похожие, прачечные» [10, с. 404]; «дома в десятки этажей», «гиганты», которых «в перспективе улицы столько, сколько хватает глаза, а в них множество громадных магазинов, лавок, контор, ресторанов» [10, с. 406]; «Двор его [отеля «Палас» – авт.] больше любой площади, но и то и другое могло бы быть еще больше» [10, с. 405]; «отель в 17 этажей», где «множество кабинетов, подъемных лестниц, непрерывная вереница входящих, выходящих, деловые свидания, дамы друг с другом, кавалер с дамой, целое общество, собравшееся пикником <...> В своих номерах мы находим множество визитных карточек» [10, с. 406–407]; «громадные дома»; «клубов множество, каждый американец — член какого-нибудь клуба» [10, с. 408]; «громадная сводчатая зала» ювелирного магазина [10, с. 409]; «План банка напоминает наш русский для внешней торговли банк на Морской. Но, конечно, в масштабе, в несколько раз увеличенном и притом в десять этажей <...> Вот целый ряд кладовых со всевозможными автоматическими приспособлениями» [10, с. 409]; «громадные филантропиче-

ские учреждения» [10, с. 414]. Американский гигантизм подается как фетишизируемая самоцель. За умножением, увеличением по горизонтали и вертикали, погоней за все большими числами теряются смыслы Города и Дома как места проживания людей: «Вот дом в 27 этажей; почему не в 57?» [10, с. 409]. Заметим, что мотив гигантизма, несмотря на наполненность города толпами людей, в тот же время порождает антиатропный мотив пожирания/поглощения людей, где город из человеческого топоса превращается в место, подавляющее своими размерами и суетой человечность, что продемонстрировано в изображении локуса «громадного отеля», который «всех поглощает», «все исчезают за его таинственными волнующимися портьерами» [10, с. 407]. Вероятно, эта имманентная антиатропность Сан-Франциско, его несоразмерность человеческим масштабам актуализирует мотив кажимости, ирреальности города, объекты которого выглядят не тем, чем они есть. Таможня напоминает корчму, мачты – лес, прачечные – оранжереи.

В целом, кажимость Сан-Франциско – это мотив его чужести, отличности от Своего, под которым подразумевается европейскость: «Американский город так не похож на наш европейский» [10, с. 405]. Следовательно, тот же гигантизм есть частное проявление американского пространства как техносферы, место приложения технических сил по изменению антропного топоса. Характерным образом подчеркнуты мотив каменности/бетонности и железности/стальности Сан-Франциско: «весь каменный, закованный в железо и сталь» [10, с. 405]; «корпус» домов – «железо, облицовка – камень»; дома, «закованные в железо и камень» [10, с. 406]. Кажимость в этой техносфере обусловлена еще и несообразностью технического элемента повседневному опыту русского нарратора, привыкшего к европейскому образу города, в результате чего сферы технического и волшебного тесно смыкаются в американском пространстве: «так полон он разного рода техническими чудесами» [10, с. 405]. Индустриальность и техничность Сан-Франциско подчеркнуты в описаниях многоярусных (как варианта вертикального гигантизма) локусов местных дорог («Вот мчится по улице электрический трамвай; там, под вторым этажом, несется паровой; такой же – с другой стороны; еще один – под улицей» [10, с. 405]) и банка с его «автоматическими приспособлениями»: «против воров, против пожаров: каждая кладовая может мгновенно наполниться водой, весь банк может мгновенно осветиться огнями, каждая отворенная не в урочное время дверь производит резкую тревогу во всем банке. И если отворенная дверь затворится, новая тревога. Оставшийся внутри вызывает новую, тоже автоматическую тревогу, и нужен какой-то секрет, чтобы выйти назад. Словом, вся техника призвана на помощь, чтобы оберечь все эти груды наваленного во всех этих этажах золота» [10, с. 409–410]. Наконец, мотив электричества как части техносферы меняет образ антропного пространства, что проявляется в репрезентациях как городского отеля («Никогда, ни на мгновение, ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздники вот уже двадцать четыре года не запирающийся отель»), так и всего Сан-Франциско как места постоянного движения: «...мы идем по залитым огнями улицам с таким движением, как и днем: Сан-Франциско <...> никогда не спит» [10, с. 407]. Ср. также с ремаркой о про-

никновении техносферы даже в американскую глубинку: «Мы проезжаем необитаемыми пустынями, но и здесь телефоны и электрический свет на самой маленькой станции» [10, с. 422]. В целом чужесть сан-францисского пространства с его техническими чудесами столь поражают нарратора, что лишают способности к удивлению, осознанию этой чужести из-за невозможности соотнести со Своим: «на первое время теряешь способность воспринимать и удивляться» [10, с. 405]. Наряду с гигантизмом и техничностью, конституэнтами американскости как Чужого обозначено отсутствие «разнообразия», т.е., видимо, визуальной гетерогенности, а также пространства исторической памяти, неисторичность и сиюминутность жизни Сан-Франциско («так в нем отсутствует вчерашний день, разнообразие» [10, с. 405]).

Впрочем, отсутствие разнообразия может быть понято и как бедность смыслами, т.е. ограниченность человеческих устремлений, поскольку существование жителя Сан-Франциско, да и американца в принципе, изображается через связь с мотивом денег, накапливаемого капитала. Отсюда, например, актуализация мотива скуки в репрезентации портового локуса, где Гариным-Михайловским отмечены «какая-то деловая проза и скука» [10, с. 404]. Вся суэта, все постоянное движение американского города подчинено фетишу богатства. Мотив денег возникает в повествовании с момента попадания нарратора в американское пространство. Так, на таможне, где все «быстро, коротко, деловито» [10, с. 405], т.е. по-американски, русский путешественник уплачивает «очень большую» пошлину «за все японские безделушки: сумма пошлины равняется стоимости вещей» [10, с. 405]. В дорогом отеле, где «лучший ресторан», происходят «деловые свидания» и «весь торговый мир в одиннадцать часов утра пьет свой кок-мартин» [10, с. 406], что свидетельствует о пунктуальности как подчиненности жизни деловому графику. Нанятый путешественниками гид-«чичероне» из Сан-Франциско зарабатывает «12 тысяч долларов в год (24 тысячи рублей) за свое комисионерство», что по русским меркам «жалованье министра», а по американским – «среднее жалованье» [10, с. 406]. В данном фрагменте американский город показан как город возможностей, а именно возможность заработать денег. Мотив денег определяет сущность как «дома с неприличными развлечениями» [10, с. 407], так и вполне благопристойных ювелирного магазина и банка. Причем в локусе магазина образы известных личностей трансформируется в рекламный симулякр, т.е. антропность расчеловечивается, красота, ум, слава становятся таким же товаром, как телесность в борделе, только на метафорическом уровне: «на белом фоне в человеческий рост фигуры – красивые женщины, писатели, люди истории. Все эти лепные фигуры усыпаны бриллиантами с ног до головы – крупными прекрасными бриллиантами. Перед этим ослепительным поражающим блеском ничто вся эта груда бриллиантовых брошек, колец, браслетов, лежащих под стеклами прилавков. Смотришь ошеломленный; первый вопрос, когда возвращается способность говорить: – Что же стоят эти стены? – Три миллиона долларов – шесть миллионов рублей. И какое множество здесь этих магазинов, и сколько богатств в них!» [10, с. 409]. Отметим вновь актуализированный мотив ошеломления нарратора от столкновения с реальностью чужого города. Мотив

рекламы (как двигателя товарно-денежных отношений) выражен и в образе визитных карточек, подсовываемых гостям отеля, с целью продажи неприличных увеселений.

При этом мотивы денег и техничность/индустриальности, причем больших денег и развитой техники, соответствующих американскому гигантизму, в травелоге Гарина-Михайловского амбивалентны. С одной стороны, они порождают мотив комфортности американской городской жизни с ее роскошью и удобствами, что выражено в изображении локусов «красивой улицы» [10, с. 408], сублокуса номеров в дорогом отеле («Яркая чистота комнат, светлая ясеневая мебель, зеркала, широкие кровати, камин...» [10, с. 405]), частного клуба, маркируемых уютом и визуальной привлекательностью («Клуб Фрезера – очень красивое снаружи и очень уютное внутри здание: общие комнаты, комната для еды, для игр, для гимнастики, для занятий, великолепная библиотека» [10, с. 408]), т.е. комфортность есть производная от богатства и техничности Америки: «эта одна улица [в Сан-Франциско – авт.] с поразительной техникой, с многомиллионной стоимостью ее домов, со всем, что заключается в них, богаче всего, что я видел в Японии, Китае и Корее вместе взятых. Это действительно родина колоссальных, нигде в других странах не виданных богатств [как видим с мотивом денег оказывается связан и мотив гигантизма – авт.] <...> богатство и техника – первое, что так ярко здесь в Америке бросается в глаза. <...> богатства эти громадному большинству дают уже возможность устраивать жизнь как можно лучше, и нищеты почти нет здесь» [10, с. 414].

С другой – мотив денег обнажает кажимость американской жизни на более глубоком уровне, где успех может быть быстротечен, а обман в погоне за деньгами как мерилom успеха, что соответствует доведенной до крайности протестантской этики американцев, становится нормой жизни. Согласно автору, если жизнь основана на мираже денег, то сделать ее прочной, настоящей неспособны никакие чудеса техники, никакие сталь и бетон, привлекательность и уют: «Страшнее богатые люди, пользующиеся доверием, кредитом, те, которые, не взламывая, одним росчерком пера могут вынуть все богатства банка. Сегодня богаты они – и богатства банка к их услугам, а завтра они бедны – и богатства банка нет, несмотря на весь гений современной техники» [10, с. 410].

Кроме того, американское стремление к деньгам актуализирует мотивы войны и несвободы/ограничений, противоположные тем принципам, которые декларировались при создании США. В связи с этим мотив техники становится антиантропным, подавляющим человека в пространстве меркантилизма и перепроизводства товаров, борьбы за рынки сбыта: «страна работает, возделывается по последнему слову техники земля, строятся дома, фабрики, города, стучат машины, и рынки переполняются товарами, и надо искать новых и новых рынков. Если нельзя найти мирно, надо завоевывать их. <...> и вот та Америка, которая благодаря своей свободе только и достигла апогея, заводит теперь эти войска, облагается пошлинами, ограничивает переселенцев, имеющих менее пятисот долларов не пускает, – ...Америка начинает ограждать себя стеной разных, и несвободных, и неравноправных мер. Теперь вы пошли еще дальше: вы начинаете

свои завоевания, словом, выбрасываете совсем уже другое знамя» [10, с. 410]. В связи с этим в негативном контексте нарратором оценивается напрямую не названная доктрина Монро: «Америка для американцев, собственно, такой же регресс, как и везде, Может быть, торжество реакции тем более сильное, чем ближе конец ее и с ним начало новой жизни...» [10, с. 410], что подразумевает противоположную по смыслу авторскую установку на космополитизм, открытость, объединение людей разных культур, надежду на трансформацию мира. Впрочем, Гарин-Михайловский не делает окончательный выбор в пользу отрицательной или положительной оценки стремления Америки к деньгам, представляя в том числе американскую точку зрения на этот вопрос, основанную на протестантском этосе денег, дополненном этосом труда как подтверждения (бого)избранности человека и смягченным типично англосаксонским филантропическим началом: богатства США «достаточны, чтобы дать место у себя слабым, неспособным, отработавшимся. И все это на почве труда с исключительно эгоистичной целью накопления, при строгом до жестокости разделении двух сфер – коммерческой и благотворительной» [10, с. 414].

Наряду с этим основными мотивами, в пространстве Сан-Франциско представлены также ряд побочных, но не менее типажных мотивов, связанных с оценкой американской антропности. Это, например, отмеченный еще П.П. Свиньным [7, с. 98] мотив уважения американских мужчин к женщине: «С нами дама, и мы все без шляп и все стоим: это Америка, и мы уже знаем, что женщине здесь всегда, везде и во всем первое место. Двенадцатилетняя девочка может свободно путешествовать днем и ночью из конца в конец своей страны под покровительством всех мужчин ее родины» [10, с. 405]. Безопасность как мотив так же прочно укрепился в американской пространственности, как и техносферная цивилизованность/прогрессивность.

Наряду с цивилизованностью, Сан-Франциско, как традиционно и вся Америка, маркирован мотивом недостаточного культурного развития. Вкусы американцев в сфере искусства описаны как непритязательные, наивные, которые, с другой стороны, противопоставлены в данном аспекте русскости как рафинированности, но при этом безжизненности, неискренности: «Оперетку неуклюже, но весело разыгрывают американцы, и публика хохочет и довольна. Непосредственность публики, ее оживление, битком набитый театр далеко оставляют за собою безжизненную игру в пустом наполовину театре у нас <...> хохочут громко, от души всякой политической остроте или остроте на злобу дня» [10, с. 407]. В данном случае Старый Свет противопоставлен Новому Свету через оппозицию «естественность – искусственность». Более того, если в пространстве отеля американскость выступает в том числе как продажная распущенность, то в театральной сфере, наоборот, подчеркнуты пуританские настроения: «Бросается в глаза пуританизм в постановке, избегают скабрёзностей, канканов» [10, с. 407].

Следует отметить, что репрезентация Сан-Франциско наиболее сложная с точки зрения количества и полноты связанных с ним характеристик. Другие два американских города – Чикаго и Нью-Йорк – описаны более отрывочно, и их характеристики, по сути, повторяют сказанное о Сан-Франциско.

В этом плане наиболее монолитен образ Чикаго, который сконцентрирован в изображении локуса технически совершенных боен, где «ежедневно убивают несколько тысяч крупного скота и до 15 тысяч свиней» [10, с. 423], как идеального конвейера смерти, доведенного в своей смертности и антииндивидуальности до гротеска. Саркастической иронией пронизана сцена убийства свиней, которые не понимают до последнего своей участи и продолжают питаться, пока не будут освежеваны и превращены в товар: «К стене под навес в небольшое, загороженное с трех сторон пространство, привлекаемые едой, спешат свиньи. Там их одну за другой подхватывает за ногу крюк и вздергивает на громадное колесо. Уже подхваченная, свинья все еще ест и старается не замечать невзгуду, но, вздернутая наверх, она уже вопит благим матом. <...> На помосте стоит джентльмен <...> По мере прохождения мимо него свиньи, все тем же движением, спокойным, ровным, без напряжения, он вонзает ей в горло свой длинный нож. Несколько мгновений после этого свинья, все двигаясь вперед, бьется еще торопливо, вместе с черной кровью изрыгая последние звуки. Но она уже погружается в кипяток, а через несколько шагов дальше опять поднимается кверху, попадая в новые руки, эти руки мгновенно снимают с нее щетину, и уже непрерывной вереницей тянутся ряды белых свиных туш. В одном месте разрезают им животы, в другом отрезают задние ноги, в третьем середину, передние ноги, голову. Мы спускаемся из одного этажа в другой, и на наших глазах ходившая во дворе свинья уже в виде всевозможных консерв, сосисок и колбас поступает в магазины, в громадные укупорочные, откуда и рассылаются во все концы Америки» [10, с. 423–424]. Здесь американская бездушная целерациональная деловитость, проявленная еще в локусе сан-францисской таможни, составляет резкий контраст с мучениями живых тварей. Более того, смертность не только технизирована, но и эстетизирована на американский манер: «джентльмены верхом на красивых высоких лошадях» загоняют на убой скот длинными бичами; забойщик свиней также охарактеризован как «джентльмен, весь в белом, розовый, бритый, с белым колпаком, с длинным острым ножом в руках» [10, с. 423]. В пространстве чикагских боен как воплощения темной стороны американскости телесность животного и человека очищается от жизни, что актуализировано в атрибуте белого цвета – цвета смерти и одновременно чистоты – в образах белых свиных туш и белого одеяния забойщика. Последний также обезличен через телесность, безэмоциональность и механистичность поведения, уподоблен машине и выступает частью конвейера смерти: «Так отвратительно впечатление от всего этого, от ужасного запаха, что долго еще после того смотришь на все с точки зрения этих боен, этого равнодушия, этой вереницы движущихся мертвых белых трупов, а в центре их – фигура, распространяющая всюду эту смерть, вся в белом, спокойная и удовлетворенная, с длинным острым ножом, – Оль райт!» [10, с. 424].

Резюмирующий сцену англицизм «оль райт» фиксирует целерациональность и упорядоченность пространства, где убийство возведено в закон, рутину, и отсылает читателя к сан-францисскому «оль райт», сказанному на американской таможне [10, с. 405], где с русского путешественника сдирают пошлину,

подобно тому как со свиней сдирают кожу. Тот же «оль райт» в негативной коннотации встречаем уже в изображении нью-йоркского топоса при характеристике приехавшим французом местной элиты, которая, соответственно, по своей сути мало отлична от таможенника из Сан-Франциско или чикагского свинобоя: «ничего пошлее нет этой нью-йоркской аристократии – ни вкуса, ни оригинальности: что это за костюмы, что за опера? Какая-то солдатская выправка, каждое движение заученное, – тяжело пахнет потом... И все "оль райт"» [10, с. 425].

В целом нью-йоркская образность представлена шире, чем чикагская, но сводится к повторению мотивов, отмеченных нами в характеристике Сан-Франциско, но иногда в более негативном варианте. Так, мотив американского гигантизма («громадный» «Нью-Йорк со своими шестью миллионами жителей, со своим семидесятиверстным пространством, со своими узкими и высокими до неба домами» [10, с. 426]) в случае Нью-Йорка подается как чрезмерный и поэтому не осознаваемый созерцателем, выходящим за его возможности и не производящим впечатления по сравнению с Сан-Франциско: «все-таки самое сильное впечатление произвел на меня Сан-Франциско. Нью-Йорк в пятнадцать раз больше, в нем дома в 36 этажей, но именно вследствие его необъятности общее впечатление теряется. Больше представляешь себе, чем чувствуешь, всю эту громаду» [10, с. 424].

Мотивы денег/роскоши/богатства также акцентирован в нью-йоркском пространстве. Например, при изображении местного ресторана отмечены «роскошные туалеты» посетителей-американцев [10, с. 425]. Также в целом Нью-Йорк маркирован «роскошью» [10, с. 426]. Подчеркнута и дороговизна нью-йоркской жизни: «Завтрак, обед, ужин, номер, кеб, театр, мелкие расходы – и почти ста рублей нет в день. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что Нью-Йорк – самое дорогое в мире место» [10, с. 425]. Америка в целом названа «царством богатства» и «страной рекламы», ее «господство на мировом рынке..., законодательство и власть ее в экономической области становится и понятнее и неизбежнее» [10, с. 427]. Отметим также, что именно нью-йоркское пространство актуализирует обобщенные выводы об Америке, т.е. воплощает в себе типично американское, вбирающее в себя значения других американских топосов. Наличие больших денег противопоставляет американского буржуа европейскому: «здесь рантьеру из Европы делать нечего, и надо очень и очень много свободных денег, чтобы путешествовать с удобствами по Америке» [10, с. 426]. Оно же позволяет американским нуворишам входить в круг европейской элиты, проникать в пространство Старого Света: «У них много денег <...> у нас в Париже они в моде, и считается дозволенным жениться человеку из Сен-Жерменского отеля на такой... Прикрываясь оригинальностью и модой, эти господа женитьбой поправляют дела. А как падки американцы до титулов!» [10, с. 426].

В этом противопоставлении элит Старого и Нового Света кроется мотив новизны («новая, как с иголки, богатая Америка» [10, с. 427]), который соединяется с мотивом неисторичности, отсутствия исторического прошлого, характерного для американского пространства: «вчерашнего дня у них нет» [10, с. 424]; здесь «скучно за прошлым», «нет вчерашнего дня; ...американец – человек без тени,

которая не успела еще вырасти» [10, с. 427]. Здесь метафора отсутствия тени означает отсутствие историко-культурного бэкграунда. Американец как типаж — это новый человек без европейской культуры, своего рода национальное воплощение *tabula rasa*. Американская элита стремится через брак с европейцами, через приобщение к титулам (=истории) Европы приобрести, т.е. купить себе историю. Соответственно, мотивы денег и неисторичности Америки здесь соединяются.

Отсюда также подчеркивание некультурности как нью-йоркцев, так и американцев в целом. В изображении нью-йоркской акцентирована их телесность в глуттоническом локусе ресторана: «Там лучше можно было рассмотреть <...> их белоснежные, хорошо вымытые шеи и руки, их румяные, здоровые и красивые лица. Наконец, их завидный аппетит, с каким они ели громадные, сочные от крови бифштексы. Их прекрасные белые зубы ярко сверкали, и энергично работали их челюсти» [10, с. 425]. Эта телесность не просто напоминает телесность забойщиков скота из Чикаго, но напрямую выводится генетическая связь между ними: «это все дочери тех мясников, свиней которых мы видели с вами в Чикаго» [10, с. 425]. Таким образом, показывается, что под флером нью-йоркской роскоши скрывается все тот же филистер-обыватель: «Они так же необразованны и невоспитанны, как их свиньи» [10, с. 425]. Опять же мотив денег смыкается с мотивом отсутствия культуры, прозаичности существования: «ничего пошлее нет этой нью-йоркской аристократии» [10, с. 425]; «в Америке много денег, но мало поэзии, мало искусства <...> вся сущность Америки в туго набитых карманах выбившихся в люди мясников»; «мало философии у этих деловых людей»; «известная ремесленность чувствуется и шокирует» [10, с. 427].

В свою очередь, некультурность как мотив американского антропного пространства тесно связан с мотивами развитой техники и вообще механистичности здешней жизни: «даже в искусстве их — техника все того же мясника, который одна за другой колет свиней с спокойствием и верностью машины» [10, с. 427]. Соответственно, мотив американской техники амбивалентен. Нью-Йорк маркирован «чудесами техники» [10, с. 426]. Америка в целом — «царство богатства и техники, единственных в мире» [10, с. 427], сто придает пространству свойства привлекательности, чудесности, уникальности. С другой стороны, механистичность проникает во все сферы американской антропности, острая и расчеловечивая ее, уподобляя механизму чикагских боен: «в Америке столько машин, что она сама не что иное, как одна большая машина, машина, которая делает свою неумолимую работу, как бойни в Чикаго; что, и так и слышится после каждого взмаха, верного и спокойного, любимое в Америке: «All right». Будь это певец, мясник, дама. Он заколот, тот взял ноту, принял позу, та вымыла шею, руки, грудь, съела кровяной бифштекс, надела великолепное декольте...» [10, с. 427]. Механистическая дисциплинированность как следование установленному порядку «оль райта» подчеркнута и в пространстве нью-йоркского театра, впрочем, скорее в положительном смысле: «В театре меня поразила дисциплина толпы после окончания спектакля <...> платье свое я получил гораздо скорее, чем у себя на родине, где десятки капельдинеров, и давки никакой не было. Без всяких по-

лицейских толпа так педантично соблюдала права друг друга, что и в голову не приходило ринуться впереди других. Такой же порядок царил и при разъезде. Чувствовалась в этой толпе дисциплина культуры» [10, с. 425–426].

Таким образом, Гарин-Михайловской далек от однозначности в оценке американской пространственности. В травелогe мотивы отсутствия прошлого у США и укорененности в настоящем темпоральном слое сочетаются с мотивом светлого будущего, ожидающего Америку как страну свободы/возможностей: «все это наживное и второстепенное в сравнении с тем, что уже есть; и то, что есть, красноречиво говорит, что и остальное так же пышно и быстро расцветет, как уже расцвели здесь общественная жизнь, свобода женщин и мужчин, как расцвели техника и экономическое благосостояние этой великой страны» [10, с. 427]. Неслучайно заканчивается американский фрагмент текста образом статуи Свободы, воплощающей привлекательность американского топоса: «Вот назади скрывается уже в дымке тумана громадная, манящая к себе статуя Свободы. Прощай, Америка! Буду счастлив, если удастся еще раз увидеть тебя!» [10, с. 428].

Заключение

В целом, можно утверждать, что репрезентация американского пространства в тексте Гарин-Михайловский отличается большей степенью обобщения, когда нарратор от локальных частных особенностей переходит к заключениям об Америке вообще. Это в то же время придает цельности изображению городов США, а именно Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорка, из которых наиболее полно описано первый тоpos. Изображение локусов в рамках данных локусов также типизированы. В травелогe, как правило, мы имеем дело с описанными общими чертами локусами американских центральной улицы, порта, дорогих магазина и отеля, банка, клуба, театра, бойни и т.п.

В целом для репрезентации городской пространственности США автор прибегает к мотивам гигантизма (по вертикали и горизонтали), богатства, денег, рекламы, роскоши, порядка/дисциплины, движения, ярко выраженной и тесно связанной с глоттонией телесности, развитой техники/индустриальности, светлости/яркости, высокого уровня технической цивилизации, при одновременно низком уровне духовной культуры (искусства, философии), т.е. материальное довлеет над идеальным здесь, что порождает мотив скучности. Оценки этого мотивного ряда амбивалентны. Пространство американского города (и Америки в целом) и манит, и отталкивает иностранцев, посторонних наблюдателей, с позиции которых в тексте в основном выступают русский нарратор и его французский спутник. Гипертрофированное богатство, граничащая с чудом техничность и гигантизм города делают его в глазах путешественника уникальным, запоминающимся, привлекательным, но и отталкивают своей чужестой, подавляющей воображение созерцателя непохожестью на Свое, европейское начало, противопоставляя пространства Старого и Нового Света. При этом позиция нарратора подчеркнута европоцентрична, хотя присутствуют отдельные сравнения американскости со специфической русскостью, прежде всего в театральной сфере, где американский театр отмечен большой естественностью, наивностью по сравне-

нию с русским, отмеченным рафинированностью.

Наиболее привлекательным из трех локальных городских вариантов изображен Сан-Франциско, а наименее – Чикаго, образ которого усечен и гипертрофирован остранным описанием локуса боен как торжества телесности, смертности и механистичности. Далее этот мотив машины-конвейера переносится на репрезентацию страны в целом (Америки в качестве страны-машины) и ее антропности (американцев в качестве деталей социальной машины). Образ Сан-Франциско также описан наиболее подробно, содержа весь мотивный ряд, характерный для американской пространственности. Общий облик города маркирован устремленной вверх вертикальностью, каменностью/бетонностью и железностью/стальностью. Образ Нью-Йорка представляет собой увеличенный в масштабах образ Сан-Франциско, менее детализированный и актуализирующий рефлексия автора по поводу топоса Америки в целом.

Новизна США как воплощения Нового Света актуализирует мотив новизны, т.е. новой земли без истории, без прошлого, что способствует проявлению, с одной стороны, мотива укорененности Америки в настоящем и земном, а с другой – мотива стремления заимствовать это прошлой, инокультурный бэкграунд, приобщиться к европейскому началу как Чужому посредством купли истории, титула и т.п. В то же время наряду с куктами денег и труда (протестантскими по своей природе) Гарин-Михайловский подмечает в американском пространстве мотив свободы/широких возможностей, что означает наличие мотива (светлого) будущего США, т.е. из трех привычных для автора-европейца-русского темпоральных слове в тексте присутствуют два – настоящее и будущее – при доминировании первого из них. В то же время, в соответствии с логикой амбивалентности нарратива, мотивам свободы и возможностей противопоставлены мотивы запертости, закрытости, которые воплощаются на уровне ощущений в локусах порта, таможни, а на идеальном уровне – в доктрине Монро, ограничениях свободы перемещения, эмиграции. Здесь проявляется и мотив милитаристичности американского пространства как новой империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ключикова Е. А. Образ Кореи в путевом дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» // Казанская наука. – 2019. – № 2. – С. 18–21.
2. Сахатский А. Г., Сюй С. Приграничное социокультурное пространство России и Китая конца XIX века в оценках, представленных в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского "По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову" // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Владивосток: ДФУ, 2016. – С. 149–154.
3. ЩербакOVA О. И. Амурская земля глазами Н. Г. Гарина-Михайловского // Лосевские чтения – 2011: материалы региональной научно-практической конференции. – Благовещенск: БГПУ. 2011. – С. 49–57.
4. Николаева Е. Г. Желтугинская республика, или Амурская Калифорния в очерках и мемуарах русских путешественников XIX века (Я-Й, Н.Г. Гарин-Михайловский, М.В. Грулев) // Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. – Новосибирск: НГПУ, 2016. – С. 92–126.

5. Перепелкин М. А. Семиотика города в очерках Н.Г. Гарина-Михайловского "В сутолоке провинциальной жизни" // Семиотические исследования. – 2023. – Т. 3, № 1. – С. 48–54. – DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-48-54.
6. Головкин Э. М. Жанр путешествия в литературе первой половины XX века: образ Нью-Йорка в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского. Молодые ученые: сборник докладов. Вып. 22. – Благовещенск: БГПУ, 2022. – С. 170–173.
7. Жданов С. С., Федотова Н. В. Образ Нью-Йорка в путевой прозе П.П. Свиньина // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – С. 97–104. – DOI: 10.33764/2618-981X-2024-5-97-104.
8. Федотова Н. В. Образ американских городов в travelogue «По Америке. Поездка в Канаду и Соединенные Штаты» П.С. Алексеева // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции. – Ижевск: УГУ, 2023. – С. 306–309.
9. Голубков С. А. Горизонты пространственного мировидения писателя Н.Г. Гарина-Михайловского // Семиотические исследования. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 61–68. – DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68.
10. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1958. – 720 с.

© С. С. Жданов, Н. В. Федотова, 2025

С. С. Жданов^{1,2}✉

Рецепция межнациональных отношений в Сибири в травелоге «Из Пекина в Петербург» А. Рида

¹ Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,

г. Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности рецепции межнациональных отношений в Сибири на материале травелога А. Рида «Из Пекина в Петербург». Отмечены влияние на автора идеи ориентализма и колониализма, его ярко выраженная пробританская (а также про-англосаксонская и прозападная) позиция. Соответственно, для текста характерны оценочность, иерархичность при восприятии национально-этнических элементов. На нарратив также влияет историко-политический контекст «большой игры» между Российской и Британской империями. Население Сибири маркировано преимущественно русскостью/славянскостью, к которой примешивается «азиатский элемент» (согласно автору, монгольский/бурятский и татарский). Акцентирован преимущественно мирный тип колонизации Сибири и частичной русификации местного населения, братский и семейный характер отношений русских к иным народам, что противопоставляется британскому военному подходу к колониям и тенденции к несмешиванию британцев с представителями иных национальностей. В качестве существенной части нарратива Рида выявлено разграничение автором сибиряков и жителей европейской России.

Ключевые слова: межнациональные отношения, национальная идентичность, Сибирь, Россия, Британия, Китай, Монголия, травелог А. Рида, лиминальность, фронтир

S. S. Zhdanov¹✉

Reception of inter-ethnic relations in Siberia in the travelogue “From Peking to Petersburg” by A. Reid

¹Gorno-Altai State University, Gorno-Altairsk, Russian Federation

²Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the reception of interethnic relations in Siberia based on the material of A. Reed's travelogue “From Beijing to Petersburg”. The influence of the idea of orientalism and colonialism on the author is noted, as well as his pronounced pro-British (as well as pro-Anglo-Saxon and pro-Western) position. Accordingly, the text is characterized by evaluativeness, hierarchical perception of national and ethnic elements. The narrative is also influenced by the historical and political context of the “great game” between the Russian and British empires. The population of Siberia is marked primarily by Russianness/Slavicness, to which an “Asian element” is mixed (according to the author, Mongolian/Buryat and Tatar). The predominantly peaceful type of Siberia colonization and partial Russification of the local population, the fraternal and family nature of Russians' relations with other peoples are emphasized, which is contrasted with the British military approach to colonies and the tendency to not mix the British with representatives of other nationalities. As a significant

part of Reed's narrative, the author's distinction between Siberians and residents of European Russia is revealed.

Keywords: interethnic relations, national identity, Siberia, Russia, Britain, China, Mongolia, travelogue by A Reid, liminality, frontier

Введение

Травелог и иностранных путешественников по Сибири являются источником ценной имагологической информации, позволяющей выявить сложную динамику Своего и Чужого в текстах, установить характеристики, на основании которых выстраивается отношение нарратора к описываемой реальности. Следует заметить, что сибирская образность в подобного рода произведениях не раз становилась предметом анализа в отечественной гуманитаристике [1–10]. В то же время слабо изученным в контексте указанной проблематики остается травелог А. Рида «Из Пекина в Петербург», отражающий дорожные впечатления автора, британского журналиста [11, р. 86], в ходе путешествия по территории двух империй – Китайской и Российской – в конце XIX века. Хотя отдельные элементы текста Рида проанализированы в статье А.А. Сенюхина [8], они не составляют основной фокус исследовательского внимания.

Таким образом, наше исследование отличается достаточно значительной научной новизной и призвано заполнить имеющуюся лакуну в изучении сибирского текста в его иностранном изводе. Целью статьи является анализ межнациональных отношений в Сибири, представленных в указанном травелоге.

Методы и материалы

В статье использованы сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит травелог А. Рида «Из Пекина в Петербург», опубликованный в 1899 году.

Результаты и обсуждение

В предисловии к книге Рид высказывает свое намерение как путешественника, «интересующегося политическими перспективами в Азии» (“interested in the political outlook in Asia”) «проследовать старыми путями континентальной торговли и оценить новые возможности новой Транссибирской магистрали» (“to traverse the old routes of overland trade, and to judge of the uses and possibilities of the new Trans-Siberian Railway”) [12, р. V]. Таким образом, автором задается геополитический контекст, в котором разворачивается нарратив, в рамках которого Азия выступает точкой приложения сил различных империй. При этом Рид сосредоточен прежде всего на наблюдении за тремя акторами азиатского пространства – Россией, Британией и Китаем.

Собственно говоря, Китай в актуальном для нарратора темпоральном слое рассматривается не столько как субъект, как объект геополитике. Если изначально русско-китайские отношения, по Риду, строились на позиции России, что «Китай – более сильная держава» («the stronger power») [12, р. 279], то ко второй половине XIX века Китай начинает, в том числе в результате вмешательства Британии и Франции,

а затем и Японии, слабеет, и баланс смещается в пользу Российской империи, которая начинает распространять свое влияние на лиминальные территории района Амура. В качестве свидетельства слабости Китая приводится также строительство Транссибирской магистрали через Маньчжурию: «когда Китай согласился позволить Транссибирской магистрали пройти через Маньчжурию, он практически отдал Маньчжурию» (“when China agreed to allow the Trans-Siberian Railway to pass through Manchuria she practically gave away Manchuria”) [12, p. 172]. Китай также называется «беспомощной империей» (“helpless empire”), на границах которой проявляется «полная мощь Российской империи» (“the full strength of the Empire of Russia”), оказывающей «давление» (“pressing”) на соседа [12, p. 282]. В своих наблюдениях Рид выступает с точки зрения Запада, и прежде всего Британской империи, угрозу власти которой в мире автор видит в лице России, могущей поглотить ослабленный Китай: «если у России будет возможность поднять, обучить и дисциплинировать армии, которые будут собраны из 300 000 000 китайцев, она, скорее всего, не просто захватит Азию, но и сможет доминировать на Европейском континенте» (“if Russia has the opportunity to raise, drill, and discipline the armies to be gathered from among 300,000,000 Chinamen, she ought not merely to overrun Asia, but ought to be able to dominate the Continent of Europe”) [12, p. 283]. Как уже говорилось выше, Рид, занимающий строго пробританскую позицию, не столько сочувствует ослабленным китайцам, сколько желает ослабления России, чтобы последняя не мешала англосаксонским планам по освоению китайской территории: «Вопрос дня – это будущее Китая и то, будет ли эта страна реформирована англосаксами или присоединена славянской расой» (“The question of the day is the future of China, and whether that country is to be reformed by the Anglo-Saxon or incorporated by the Slavonic race”) [12, p. 258]. Кроме пробританской, позиция автора также может быть определена как проанглосаксонская. Рид выступает за союз наций, которые он обозначает в качестве представителей англосаксонского ядра (Британии и США) и которые должны ослабить влияние России в Азии: «две нации, в связи с которыми Россия должна в основном беспокоиться – Великобритания и Соединенные Штаты» (“the two nations with which Russia must chiefly concern herself – Great Britain and the United States”) [12, p. 263].

Наконец, в контексте «большой игры» Маньчжурия и Монголия рассматриваются автором как лиминальные территории – медиационное пространство между Россией и Китаем, тогда как Сибирь есть медиационное пространство между «старой», европейской Россией и Азией, что порождает, таким образом, ступенчатый переход от европейскости к азиатскости: «Сибирь должна быть заселена русскими. Для достижения этой цели потребуются пятьдесят лет <...> ее влияние распространится как на Маньчжурию, так и на Монголию, приближаясь к воротам Пекина» (“Siberia must be filled with Russian people. It would take fifty years to achieve that end, <...> her influence would spread through both Manchuria and Mongolia, approaching the gates of Peking”) [12, p. 263]; «новая империя, чье растущее величие угрожает вобрать в себя и китайцев, и монголов, если ничего не будет сделано с этим» (“the new empire whose growing greatness threatens to absorb both China man and Mongol, unless something be done”) [12, p. 257].

В этом плане позиция нарратора вбирает в себя концентрически разрастающиеся сферы британоцентризма, европоцентризма и западноцентризма как проявления чужести Восточному/азиатскому миру, куда автор относит и Россию («Россию следует воспринимать как самую значительную из азиатских держав» – “Russia must be taken as the most considerable of Asiatic powers” [12, p. 264]). Эксцентричность этой позиции артикулируется в ремарке о русских любезностях, где нарратор самомаркируется, конструируя видение себя глазами русских: «любезности, оказанные мне, были любезностями вежливых людей по отношению к незнакомцу, даже если в какой-то момент этот незнакомец мог оказаться врагом» (“the courtesies offered to me were the courtesies of a polite people to a stranger, even if at some time that stranger might be an enemy”) [12, p. 210–211], т.е. он выступает в роли незнакомца/чужака и вероятного врага.

Соответственно, национально-этнический (этнографический) элемент в нарративе представлен слабее политического, но связан с последним. В тексте происходит частичное наложение терминов, означающих государственные образования и этнические общности. Так, Рид использует термин “power” (держава, государство, но и власть, могущество) (“The son of Jenghis Khan, having completed the conquest of China, and having consolidated his power in Central Asia” [12, p. 85]; «the famous Kubla Khan consolidated the Mongol power in China, and extended it into Thibet» [12, p. 86]; “China and Russia are the only two powers of which they [Mongols – авт.] know, and they understand that the latter is a very strong and effective power” [12, p. 91]; “the conveyance of Russian troops through Chinese territory in the event of a war between Russia and a European Power would obviously be a breach of Chinese neutrality” [12, p. 172]; “Russia must be taken as the most considerable of Asiatic powers” [12, p. 264]; “China was the stronger power” [12, p. 279]; “Turning to the relations of China with other powers, and dealing with the present state of these relations only, we find that the only non-English speaking powers materially concerned are Japan, France, and Germany” [12, p. 280]; “it may be better for Japan to remain an insular power” [12, p. 281] etc.). Также используется слово “empire”(империя): “the Chinese Empire” [12, p. 2]; “this great empire” [12, p. 45]; “the Mongol Empire” [12, p. 85]; “the Russian Empire”, “our empire” (of Britons) [12, p. 163]; “the oldest empire of the world” [12, p. 256–257]; “the new empire”, “a great and growing empire” [12, p. 257]; “the British Empire” [12, p. 265] etc. Как видно из примеров, маркер национальности – эксплицитно или имплицитно – соотносится в тексте с обозначением государств.

Что касается обозначений национальной идентичности, то здесь автор прибегает к слову “race” (раса, но и народ), чьи значения бывает порой трудно разграничить при переводе. Так, Рид упоминает “Chinese race” [12, p. VI, p. 46], “native races in India” [12, p. 54], “Asiatic races”, “non-European races”, “some Indian races”, “any Asiatic race” [12, p. 56]; “quiet race of harmless and unarmed shepherds” (Mongols) [12, p. 87]; “Mongol race” [12, p. 109]; “partly civilized races” [12, p. 110]; “Anglo-Saxon race” [12, p. 163]; “English-speaking races” [12, p. 266]; “half-Mongol, half-Tartar races”, “native races” [12, p. 270]; “various races of southern Central Asia” [12, p. 271]; “Japanese race” [12, p. 281]. Вероятно, для этих случаев ближе «народ/народы» как варианты перевода. В ином месте автор выражается несколько двусмысленно, так

что непонятно, различает ли он китайцев и монголов, а также русских и славян или в данном контексте смешивает эти понятия: «мое взаимодействие было с китайцами и русскими, с монголами и славянами – двумя народами (?), которые, взятые вместе, вероятно, будут представлять наибольший интерес для Британии на долгие годы вперед» (“my intercourse was with Chinese and Russians, with Mongols and Slavs, the two races that taken together are likely to be of most interest to Britain for many years to come”) [12, p. 110], т.е. “race” у Рида может применяться к обозначениям более общего уровня, чем народ/этнос, что видно также из словосочетания “Anglo-Saxon race”. В другом же месте “race” вводится в форме множественного числа, подразумевая, что англосаксы не единый народ, а несколько народов: “Anglo-Saxon races” [12, p. 264]. Однозначно, однако, что слова «русский» и «славянин» Рид использует как синонимы: “that country [China – авт.] is to be reformed by the Anglo-Saxon or incorporated by the Slavonic race” [12, p. 258]; “The Slavonic race is in a position absolutely the reverse of that” [12, p. 264]. Знак равенства между русскими и славянами в контексте травелога означает, что автор игнорирует наличие других/разных славян. Кроме того, автор прибегает к словам “people”, “nationality” и “nation” в значениях «народ/нация»: “Chinese people” [12, p. 43]; “people of China” [12, p. 46]; “British people”, “other nations” [12, p. 49]; “people of Mongolia” [12, p. 85]; “Mongol people” [12, p. 108]; “Russian nationality” [12, p. 118]; “two nations” [12, p. 127]; “many nationalities” [12, p. 201]; “armed nations” [12, p. 257]; “The saving point in Russia is that the nation is a homogeneous and a loyal nation” [12, p. 274]; “some nation other than China” [12, p. 282]; “France and Germany – nations” [12, p. 283]; “men of all nationalities” [12, p. 285]; “European nations” [12, p. 287]; “Anglo-Saxon nations”, “English-speaking nations” [12, p. 283]; “the Mongolian and the Slavonic peoples” [12, p. 293].

Гораздо реже Рид прибегает к обозначению культурной общности, используя слово “civilization” (цивилизация, но и культура, а также уровень жизни, образованности) и производные от него, которые, однако, также может сочетаться с маркерами национальности: “British civilization” [12, p. 50]; “These Buriats <...> are <...> more civilized than the Mongols proper” [12, p. 91]; “The civilization of Britain is too old” [12, p. 225]; “In St. Petersburg you have the great mechanical modern city, designed <...> as <...> the gate at which the civilization of Europe might enter” [12, p. 255]; “Anglo-Saxon civilization” [12, p. 293]. При анализе данного словоупотребления виден западнцентризм Рида, поскольку образцом цивилизации признается прежде всего западный мир, в который автор включает, по крайней мере, по некоторым показателям и Россию, репрезентация которой в травелоге имеет, однако, и черты Востока. Поэтому автор, исходя из своей оценочной позиции, где британскость образует эталон сравнения, вынужден оправдывать перед читателем недостатки цивилизованности описываемого пространства: «люди бродили из одного класса вагонов в другой таким образом, который был бы недопустим ни в одной стране Западной Европы» (“people loafed about from one class of carriage to another in a way that would not be tolerated in any country of Western Europe” (скорее положительная оценка демократичности пространства Транссибирской магистрали); «вы не должны применять ко всему русскому те же стандарты, которые вы применили бы ко всему английскому. <...> обычаи страны санкционируют определенные дей-

ствия, которые, с точки зрения нашей нынешней общественной морали, мы бы назвали незаконными (“You must not... apply to all things Russian the same standard that you would apply to all things English. <...> the customs of the country have sanctioned certain pickings that from our present standard of public morals we would call misappropriations”) [12, p. 219] (ироническая оценка).

Соответственно, повествование приобретает черты ориентализма, что важно учитывать при анализе собственно «сибирского» фрагмента текста «Из Пекина в Петербург». Так, попадание в Кяхту, маркируется как резкий переход в пространство европейскости из восточного топоса монгольской степи, при этом это также лиминальный пункт попадание из Монголии в Сибирь: «Перемена была поразительной <...> мы перенеслись прямо из монгольской жизни <...> в город с тщательно проложенными дорогами, чистыми побеленными домами, европейскими магазинами и лавчонками, улицами, площадями, общественными садами, школами и играющими школьниками» (“The change was startling, <...> we rode direct from Mongolian life <...> into a city of carefully made roads, of clean whitewashed houses, of European shops and stores, of streets, and squares, and public gardens, and schools, and school- children at play” [12, p. 121]. В то же время Кяхта как сибирский топос характеризуется смешением национальных элементов, состоя, по замечанию нарратора, из трех частей: собственно русского города с официальной администрацией; во-вторых, из китайского города, отделенного от русского пространства невидимой линий, поскольку граница с Монголией здесь не демаркирована, неосязема, хотя и обозначена китайскостью поселения (“an imaginary frontier-line there is a Chinese town(Mei-Mechan), in Mongol territory” [12, p. 123–124]); в-третьих, из смешанного в национальном отношении городка, где живут русские, но также китайцы, монголы и «смешанные расы в значительном количестве» (“mixed races in considerable numbers”) [12, p. 124]. Далее Рид отмечает, что в Чайна-тауне китайские торговцы говорили на ломаном русском (“a kind of pidgin Russian”) [12, p. 128–129]. С другой стороны, русские коммерсанты хотя не говорили на английском, некоторые их жены, а также все их дети знали этот язык [12, p. 129], некоторые учились в Европе и Америке, что усиливает космополитичный мотив в репрезентации Кяхты. «В деревенских лавках» сибирского фронта «успешный китаец конкурировал за товар с русским евреем» (“in the village stores the useful Chinaman competed for custom with the Russian Jew”) [12, p. 134].

При этом следует отметить, что основной фокус внимания нарратора сосредоточен на русских, проживающих в Сибири. Остальные этносы упоминаются им мимоходом, что выводится на эксплицитный уровень самим автором как избирательность внимания западного путешественника, ориентированного на Свое, т.е. проявление западноцентризма: «когда путешествуешь исключительно по азиатской стране <...> интерес европейского путешественника <...> вскоре становится несколько ограниченным. Обычный европеец... не вполне контактирует с азиатами, и если во время своего путешествия он не может часто общаться с европейцами также, как с азиатами, он... устает от азиатских типов и перестает наблюдать» (“when travels exclusively in an Asiatic country <....>, the interest for the European traveller <...> soon becomes somewhat limited. The ordinary European... is not quite in

touch with the Asiatic, and unless on his journey he can mix frequently with Europeans as well as with Asiatics, he probably becomes wearied of Asiatic types; and he ceases to observe» [12, p. 200]. На сибирском отрезке путешествия и далее Рид имеет дело, как подчеркнуто, с «европейским обществом» «славянского», т.е. русского в его системе обозначений, «типа» (“European society” “of the Slavonic type”) [12, p. 200].

Лиминальность России еще более усиливается в репрезентации сибирского пространства как фронтирного топоса. Поэтому неудивительна контаминация сибирскости и канадскости или американскости, что характерно для британского автора, рассматривающего заморские территории королевства как несколько нечто отличное от английскости, с одной стороны, а с другой, как недотягивающее до стандартов цивилизации: «в Кяхте, Иркутске, Томске и других местах представители торгового класса <...> любят Сибирь как свой дом, точно так же, как канадцы любят Канаду, испытывая к далекому императору примерно такое же чувство преданности, какое канадцы испытывают к далекой королеве» (“at Kiakhta, Irkutsk, Tomsk, and elsewhere, the mercantile class is <...> loving Siberia as a home, just as the Canadian loves Canada, with much the same feeling of loyalty to a distant Emperor that the Canadian has to the distant Queen” [12, p. 147]; «Характерными чертами всех этих городов являются предприимчивость и прогресс, которые в некотором смысле отличаются от тех качеств, которые вы находите в европейской части России, и в некоторой степени аналогичны тем качествам, которые вы находите в американских и канадских городах» (“The characteristics of all these towns are enterprise and progress, in a sense distinct from those qualities as you find them in European Russia, and with somewhat of an analogy to the qualities that you find in American and Canadian towns” [12, p. 221]; «Я не могу провести параллель между этими сибирскими городками и какими-либо другими городами в Британии. <...> Можно провести параллель с некоторыми городами Америки» (“I am not able to draw a parallel between those Siberian towns and any towns in Britain. <...> The true parallel is with some towns in America”) [12, p. 225]. При этом Рид хотя и не рассматривает сибиряка как субэтнос, отмечает региональные отличия жителей Сибири от населения прочей России: «Сибирь населена выносливым и трудолюбивым русским крестьянством, более активным и прогрессивным, <...>, чем крестьянство собственно России. <...> они более прогрессивны во многом по той же причине, по которой мы находим прогрессивный дух сильным у тех англичан, которые эмигрировали в Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и другие страны» (“Siberia is peopled by a hardy and laborious Russian peasantry, more active and progressive <...> than the peasantry of Russia proper. <...> we find the progressive spirit strong in those Englishmen who have emigrated to the United States, to Canada, to Australia, and elsewhere. Generally speaking, among the labouring classes, the man who emigrates is more active and alert than the man who stays at home» [12, p. 147]. Далее, подчеркнута добровольность эмиграции русских в Сибирь как особенность сибирских переселенцев, которые не соответствуют западному стереотипу о грязных русских крестьянах: «Русские крестьяне, которые добровольно <...> пробирались с Юга России в Сибирь, не могли быть людьми, копошащимися в грязи» (“The Russian peasants who voluntarily <...> made their own way from Southern Russia to Siberia cannot have been stick-in-the- mud people») [12, p. 149]. По

сути, имплицитно сибиряк оценивается автором исходя из английского эталона *self-made-man*’а, что в этой логике приводит к закономерному выводу: «сибирский крестьянин - лучший человек и, вероятно, станет еще лучшим человеком, чем русский крестьянин» (“The Siberian peasant... is a better man, and is likely to become a still better man, than the Russian peasant”) [12, p. 149]; «сибирский крестьянин, родившийся в Сибири, не является крестьянином в том смысле, в каком это слово понимают на Юге России. Он землевладелец» (“the Siberian peasant, born in Siberia, is not a peasant as the word is understood in South Russia. He is a landowner”) [12, p. 150], т.е. исподволь все же проводится разграничение между «сибиряком» и «русским», хотя и не понятно, насколько оно глубоко. В то же время, с точки зрения Рида, сибиряки не дотягивают до британского идеала: «Если бы люди были американцами или британцами..., если бы они умели организовываться, изобретать и использовать все возможности, как это было сделано в Британии и Америке, было бы невозможно установить какие-либо границы численности населения, которую могла бы поддерживать Сибирь» (If the people were American or British..., if they were people to organize, to invent, and to take advantage of all conditions, as has been done in Britain and in America, it would be impossible to set any bounds to the population that Siberia might support”) [12, p. 163]. Таким образом, Рид выстраивает в рамках травелога свою градацию прогрессивности населения, понимая под прогрессивностью прежде всего экономическое развитие. Вершиной, недостижимой, заметим, для русских, являются англосаксы, за ними следуют сибиряки, а далее – русские из других частей России: «Я... не говорю, что эти сибирские города будут развиваться в том же темпе, что и американские города. Это невозможно, так как 50000000 славян в Сибири не будут иметь такой же экономической эффективности, что 50000000 англосаксов в Америке <...> Но <...> они создадут гораздо больше торговли, чем любые 50000000 жителей собственно России» (“I do not... say that those Siberian towns will progress at the same rate as the American towns. That is impossible, for 50,000,000 Slavonic people in Siberia will not have the same output as 50,000,000 Anglo-Saxons in America <....> But <...> they will create a great deal more trade than any 50,000,000 of Russia proper”) [12, p. 225–226].

Разумеется, Рид хотя и не контактирует с теми, кого он называет «местными азиатами» (“local Asiatics”) [12, p. 148] в Сибири, предпочитая европейцев-славян, все же касается вопроса межнациональных отношений, Впрочем, без особых подробностей и в духе, который сейчас бы назвали расистским. Так, к «местному азиатскому элементу» (“local Asiatic element”) автор относит «монголов, бурят и других» (“the Mongols, the Buriats, and others”) [12, p. 148]; в другом месте определяет неславянское население Сибири как «полумонгольское, полутатарское» (“half-Mongol, half-Tartar races”) [12, p. 270]. При этом автор отмечает тенденцию к русификации данных этносов путем смешанных браков, где русские женятся на монголках и бурятках, но не наоборот («these... have been becoming Russianized, since a considerable number of Russian men have married Mongol and Buriat women, while practically no Russian women have married Mongol or Buriat men») [12, p. 148]. При этом Рид смотрит на эти процессы через призму британского колониализма, указывая на различие русского подхода в Сибири и британского в Индии: «результатом

таких союзов не было – или не было исключительно так, как в Британской Индии, – образование, по общему признанию, низшей полукровной расы» (“The result of such unions has not been – or has not exclusively been as in British India, to produce an admittedly inferior half-caste race”), поскольку «славянин продемонстрировал большую способность к ассимиляции монгольской расы, чем британский колонист когда-либо проявлял к ассимиляции любой низшей расы, с которой он вступал в контакт» (“the Slav has shown a greater capacity for assimilating the Mongol race than the British colonist has ever shown for assimilating any inferior race with which he has been brought into contact”) [12, p. 148]. Более того, если британцы в колониях нацелены на насильственное взаимодействие с населением на территориях, не относящихся к метрополии, на войну («Нам, британцам, пришлось сражаться <...> за большую часть нашей империи» – “We who are Britons had to fight <...> for most of our empire”), то Россия «легко» «получила ... сибирскую территорию» (“easily Russia has gained... Siberian territory”) [12, p. 163]. С точки зрения британца, «это <...> немного досадно» (“It is <...> a little vexing”) [12, p. 163].

Отличие русского способа колонизации от британского, по Риду, заключается в способности принимать другие народности, частично сливаться с ними в духовной сфере, сохраняя при этом свою национальную идентичность: «в то время как русские эмигранты перенимали некоторые монгольские и бурятские обычаи в той мере, в какой они были полезны в местных условиях, они оставались полностью русскими не только по языку и чувствам, но и по своим домам и образу жизни» (“while Russian emigrants have adopted parts of the Mongol and Buriat customs so far as these were useful in the local conditions, they have remained thoroughly Russian, not only in language and in feeling, but in their houses and in their methods of living”) [12, p. 148]. Русские, как указывает автор, более настроены на уважение, симпатию и братские чувства по отношению к иным народам, чем британцы, что, помимо немногочисленности нерусского населения, обеспечили легкость русификации Сибири: «Русские ладят с татарами и монголами, а также с различными расами юга Центральной Азии <...> славяне... более близки к этим расам или испытывают к ним больше симпатии, чем мы. <...> мне кажется, что по всей России между всеми... больше семейных или братских чувств, чем в англоязычных сообществах. <...> братский или семейный настрой <...>, по-видимому, помогает русскому ассимилироваться с азиатским населением, с которым он встречается» (“The Russian gets on with the Tartar and the Mongol, and the various races of southern Central Asia, <...> the Slav is... more akin to, or more in sympathy with, these races than we are. <...> throughout all Russia there seems to me to be more of a family or a brotherly feeling between everybody... than exists in English-speaking communities. <...> a brotherly or familiar attitude of mind <...> seems to help the Russian to assimilate the Asiatic populations that he meets”) [12, p. 148]. Британцы, наоборот, настроены на разделение, на проведение четких границ между собой и населением колоний, которые имплицитно мыслятся ниже по положению по отношению к британцам: «Россия ассимилирует свои чисто азиатские народы так, как это не удастся Британии и как, возможно, последняя не желает делать» (“Russia is assimilating her purely Asiatic peoples in a manner that Britain does not succeed in doing, and possibly does not desire to do”) [12, p. 265]; «Co-

мневаюсь, что с такой задачей справились бы английские колонисты. Они бы быстрее заселили Сибирь, они развили бы его быстрее, но... они не англизировали бы туземцев так, как их русифицировали русские, и, конечно, англосаксонские поселенцы никоим образом не подверглись бы влиянию татарских рас, как русские поселенцы» (“I doubt whether in such a task English colonists would have succeeded. They would have filled up Siberia faster, they would have developed it more quickly, but... they would not have Anglicized the natives as the Russians have Russianized these, and certainly the Anglo-Saxon settler would not have been in any way influenced by the Tartar races as the Russian settlers have been”) [12, p. 270–271]. Однако Рид в своих наблюдениях остается британцем и подчеркивает, что не критикует британский межнациональный поход: “I do not make that as a criticism antagonistic to English methods of colonization” [12, p. 271].

Заключение

Таким образом, рецепция межнациональных отношений в Сибири в травелоге Рида осложнена целым рядом историко-культурных контекстов, включая ориенталистские и колониалистские установки автора с его ярко выраженной пробританской и прозападной позициями в условиях «большой игры» между Российской и Британской империями на Азиатском субконтиненте. Автор, которого заботит сохранение доминирования «англосаксонской расы» в мире и, в частности, в Азии, представляет «западный» взгляд на Сибирь и населяющие ее народы, высказываясь положительно о русском, или славянском (что для наратора синонимы) элементе как близком, европейском, своем начале. В этом случае Рид комплиментарен по отношению к русским/сибирякам, хотя его позиция отличается двойственностью, поскольку он не перестает одновременно видеть в «славянах» соперников-противников для англосаксов.

Амбивалентность и релятивизм позиции автора обусловлен также тем, что он видит в России/Сибири смешение западного и восточного (азиатского) элементов. Это проявляется, во-первых, в том, что русским легче ассимилировать азиатские народы, поскольку с последними у русских есть чувство родства. В результате Рид подчеркивает преимущественно мирный характер колонизации Сибири и частичной русификации местного нерусского населения (в основном, по авторскому определению, монгольского/бурятского и татарского), что резко отличается от насильственного/военного подхода британцев в колониях, а также от нежелания англосаксов смешиваться с другими «расами» как духовно, в смысле перенимания обычаев, так и физически – в результате браков. В этом плане некоторые элементы текста можно трактовать как расистские, поскольку азиатские народы и особенно потомки смешанных браков британцев с аборигенами оцениваются в качестве нижестоящих по отношению к «чистым» британцам. Поскольку Рид высказывает данные взгляды не в рамках систематической теории, трудно судить, идет ли здесь речь об идеях расового превосходства европейцев над прочими народами либо о более «мягком» цивилизаторском варианте, берущем свое начало в установках эпохи Просвещения, где европейцы оцениваются выше, поскольку они дальше продвинулись по пути абстрактного прогресса, на который должны равняться все народы.

Как бы то ни было, очевидно, что полуазиатскость России (и в еще большей степени азиатскость Сибири), актуализирует, во-вторых, оценочную иерархию в рамках оппозиции «цивилизованный Запад – частично цивилизованные русские/сибиряки». Причем лучшими, т.е. наиболее прогрессивными, представителями Запада мыслятся англосаксы, представленные двумя нациями – британской и американской. Эта оппозиция, однако, осложнена в травелоге Рида путем трансформации ее в триаду «англосаксы – сибиряки – русские (из условно европейской части России)», характеризующейся той же оценочностью, где по критериям предприимчивости и независимости доминирует англосаксонский элемент, в то время как сибирский образует промежуточный вариант. Сибиряки эксплицитно не выделяются в субэтнос русских-«славян», но по факту подчеркивается их отличие от прочих русских и, соответственно, Сибири от «собственно России». Наконец, отметим проецирование на сибиряков образов, связанных с колониальной сферой Канады и Соединенных Штатов Америки.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-20397 «Межнациональные отношения в Сибири в рецепции европейских путешественников конца XIX – начала XX вв.»), <https://rscf.ru/project/25-28-20397/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов И. В. Шесть лет в Сибири (о травелоге Сигерта Патурссона «От Фарер до Сибири») // Уральский исторический вестник. 2020. – № 2 (67). – С. 142–145. – DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-142-144
2. Алексеев П. В. Горный Алтай как «внутренний восток России» в английских травелогах второй половины XIX – начала XX вв. // Журнал фронтирных исследований. – 2024. – Т. 9, № 4 (36). – С. 15–36. – DOI: 10.46539/jfs.v9i4.558
3. Ершов М. Ф. Социокультурные контакты иностранных путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, вып. 1. – С. 124–130. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-124-130
4. Ланца Д. Образы Сибири в культуре Европы // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2019. – № 1 (3). – С. 77–82.
5. Мароши В. В. Глазами художника: Горный Алтай в травелог Т. У. Аткинсона // Культура и текст. – 2018. – № 4. – С. 181–198.
6. Мингати А. Путешествие по транссибирской магистрали: «сибирский текст» в итальянских травелогах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, – 2018. – № 5. – С. 82–91.
7. Прожорин Е. Л. Репрезентация Сибири XIX в. в травелог Дж. Симпсона // XIV Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых: материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда: Издательство ВГУ, 2020. – С. 186–191.
8. Сенюхин А. А. Образы Сибири в английских и американских травелогах рубежа XIX–XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 6. – С. 107–115. – DOI: 10.7256/2454-0609.2020.6.34114
9. Тайманова Т. С. Сибирь Доминика Фернандеза: травелог и место памяти // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 4. – С. 82–88.
10. Alekseev P. V., Alekseeva A. A., Boone P. Remembering India: Southern Altai in Harold Swayne's travelogue // The World of Science, Culture and Education. – 2020. – № 3 (82). – С. 558–559.

– DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00654

11. Byrne S. Glimpsing the Great Gobi: British Agents and other travellers in Mongolia from 1715 to 1935. A log of seventy British travellers who left a written or visual account of their visit to Mongolia.

– Tokyo: Yubunsha, 2022. – 255 p.

12. Reid A. From Peking to Petersburg. – London: Edward Arnold, 1899. – 300 p.

© *C. C. Жданов, 2025*

П. В. Алексеев^{1,2✉}, С. С. Жданов^{1,3}

Репрезентации южного пространства в путевых заметках К. Жукова: Одесса и Крым

¹ Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

² Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

³ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу путевых заметок К. Жукова «Заметки в пути на южный берег Крыма» (1865), описывающих путешествие по южным регионам Российской империи в 1864 году – Одессе и Крыму. Исследование сосредоточено на антропологических и пространственных репрезентациях, отражающих восприятие автора многонационального и культурно сложного южного пространства. Особое внимание уделяется описаниям этнического разнообразия, бытовых и поведенческих характеристик населения, а также визуальному и символическому осмыслению городского ландшафта. Одесса предстает в тексте как пестрая и динамичная торгово-культурная среда, в то время как Крым интерпретируется как пространство исторической памяти, природной экзотики и культурной неоднородности. Путевые наблюдения Жукова рассматриваются сквозь призму имагологического подхода и культурной антропологии, позволяя выявить особенности восприятия «Юга» как иного, полифоничного и одновременно включенного в имперское пространство.

Ключевые слова: К. Жуков, травелог, культурная антропология, южное пространство, Крым, Одесса, Российская империя, ориентализм

P. V. Alekseev^{1,2✉}, S. S. Zhdanov^{1,3}

Representations of the Southern Space in K. Zhukov's Travel Notes: Odessa and Crimea

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

³ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Abstract. The paper analyzes K. Zhukov's travelogue "Notes on the Journey to the Southern Coast of Crimea" (1865), which describe a journey through the southern regions of the Russian Empire in 1864 – specifically Odessa and Crimea. The study focuses on anthropological and spatial representations that reflect the author's perception of the multiethnic and culturally complex southern space. Particular attention is paid to depictions of ethnic diversity, everyday life, and behavioral characteristics of the population, as well as to the visual and symbolic interpretations of the urban landscape. In the text, Odessa emerges as a vibrant and dynamic trade and cultural hub, while Crimea is interpreted as a space of historical memory, natural exoticism, and cultural heterogeneity. Zhukov's travel observations are examined through the lens of imagological analysis and cultural anthropology, re-

vealing the specific ways in which the “South” is perceived as both Other and an integral part of the imperial space.

Keywords: K. Zhukov, Travel Writing, Cultural Anthropology, Southern Space, Crimea, Odessa, Russian Empire, Orientalism

Введение

Травелог К. Жукова «Заметки в пути на южный берег Крыма» (Санкт-Петербург: тип. В. Головина, 1865) представляет собой ценный, но в настоящее время практически не изученный источник, относящийся к корпусу русской путевой прозы середины XIX века. Написанный по итогам частного семейного путешествия, совершенного летом 1864 года по маршруту: Санкт-Петербург – Киев – Ржищев – Одесса – Южный берег Крыма, этот текст демонстрирует особенности восприятия южных территорий Российской империи в эпоху Великих реформ. В предисловии к книге Жуков прямо указывает, что его целью было проверить, насколько путешествие по стране может быть «удобным и доступным» [1, с. 2] (здесь и далее орфография и пунктуация оригинального текста приближены к современным – авт.), и, таким образом, предлагает не только субъективные впечатления, но и своеобразную эмпирическую проверку условий внутреннего туризма в рамках быстро модернизирующегося общества.

Особую значимость тексту придает контекст его создания. Путешествие было предпринято спустя 8 лет после окончания Крымской войны, в период активного восстановления полуострова и его интеграции в административное, транспортное и символическое пространство империи. Крым постепенно утрачивает однозначный статус военной твердыни или периферийной колонии и все чаще становится объектом культурного освоения – как зона южной экзотики, курортного потенциала и этнографического интереса [2, с. 152; 3, с. 274]. Именно в этом контексте травелог Жукова демонстрирует особую оптику: автор осознанно отказывается от распространенной в его среде практики выезда за границу и выбирает маршрут внутри России, тем самым противопоставляя свой жест ориентации на внешнее, чужое, модное – внутреннему взгляду на родное, но незнакомое.

Характер наблюдений, зафиксированных в тексте, позволяет говорить о травелоге Жукова как об особой форме прикладной наблюдательности. Это не только бытовое описание маршрута, но и попытка компенсировать отсутствие практических путеводителей, призванных помочь другим путешественникам. Такой подход роднит его с традицией описательной путевой прозы, ориентированной на конкретику, наблюдение и оценку. В этом смысле текст Жукова оказывается в одном ряду с такими произведениями, посвященными южным регионам империи, как «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И.М. Муравьева-Апостола (1823) [4], «Поездка в Крым в 1836 году» Н.А. Мурзакевича (1837) [5], «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу...» Н.С. Всеволожского (1839) [6], «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году» Е.М. Шишкиной (1848) [7], «Путешествие в Южную Россию и Крым» А.Н.

Демидова (1853) [8]. Эти тексты различны по авторским установкам, жанровым характеристикам и социальным статусам их авторов, однако объединены интересом к пространству Крыма и южнорусским территориям как зоне, сочетающей черты своего и чужого, обыденного и экзотического, «внутреннего Востока» и культурной периферии. В семиотическом отношении этот текст продолжает традицию русского ориентального травелога, репрезентирующего нарративные стратегии «русского человека на Востоке» [9, с. 46].

Несмотря на постепенно усиливающийся интерес русских и иностранных путешественников к Крыму, его символическое освоение в послевоенный период середины 1860-х годов находилось в том же плачевном состоянии, что и в довоенный. Критик С.С. Дудышкин, отзываясь в «Отечественных записках» о травелоге Е.М. Шишкиной «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году» (1848) справедливо охарактеризовал особенности восприятия Крыма петербургским обществом конца 1840-х, которые вполне можно использовать и для характеристики в 1860-е: «Не многим позволяют средства объехать Россию; других удерживает служба, иные боятся скуки и трудностей такого путешествия; некоторые, наконец, совсем не думают об этом, потому что считают такое дело неважным для своего узкого кругозора. Понятно после этого, как важно каждое сколько-нибудь совестливое путешествие по России, когда едущий удосужится посмотреть на людей, мимо которых он проезжает, на почву, по которой он едет, и на города, в которых он останавливается. А еще важнее, если такое путешествие будет описано и предложено любознательной публике» [10, с. 74]. Подобную установку можно наблюдать и у Жукова, чей травелог свободен от избыточной стилизации и предлагает читателю срез частного «совестливого» путешествия.

Таким образом, «Заметки в пути на южный берег Крыма» К. Жукова представляют собой значимый источник, фиксирующий процесс формирования внутреннего, «домашнего» взгляда на южные территории Российской империи в период их активного переосмысления после Крымской войны и на фоне социально-экономических преобразований 1860-х годов. Этот текст позволяет воссоздать конкретные бытовые и транспортные условия путешествия по югу страны, а также особенности культурного воображения, в рамках которого Крым и прилегающие пространства осмысляются как одновременно свои и «инаковые» – как зона «внутреннего Востока», требующая не просто посещения, но символического овладения и включения в национальное представление о России.

Методы и материалы

Методология настоящего исследования основывается на комплексном междисциплинарном подходе, включающем визуально-поэтический, нарративный и ориенталистский анализ, а также принципы литературной географии и социально-культурной герменевтики путешествия. Ключевое внимание уделяется визуальной поэтике – совокупности зрительных репрезентаций южнорусского и крымского пространства, рассматриваемых через призму семиотических практик описания, топоса инаковости, эстетики пейзажа и культурной географии как

способа осмысления имперской периферии. Теоретическую основу данного подхода составляют работы Д.Н. Замятина, А.Ю. Сорочан, О.А. Лавреновой, В.Л. Каганского, Е.В. Дорджиевой, Д. Аткинсона, Р. Пита, С. Дикинсон и др. [11–21].

Особое внимание уделяется проблематике восприятия «внутреннего Востока» как особого явления в структуре имперского воображения, связанного с символическим присвоением крымского пространства в рамках представлений о «своей» экзотике. Исследование опирается на идеи о русском ориентализме и культурном воображении империи, разработанные как в рамках постколониальной критики, так и в отечественной историко-культурной традиции (Л. Вульф, В. Кивельсон, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, В.С. Киселев, Т.А. Васильева, В. Проскурина, М. Долбилов, Е. Р. Пономарев, и др.) [22–28].

Нарративный анализ позволяет реконструировать структуру маршрута, выстроенного автором, а также логику движения повествования, в которой пространственные образы Крыма и южнорусских ландшафтов сопряжены с бытовыми, этнографическими и культурными наблюдениями. Повествовательная позиция Жукова рассматривается в контексте жанровых ожиданий и идеологических установок, характерных для русской литературы путешествий середины XIX века, ориентированной на осмысленное освоение южных окраин империи. Исследование учитывает работы по теории травелога как жанра автобиографического, культурно обусловленного и репрезентативного по отношению к пространству. Наконец, важное место в исследовании занимает анализ текстов, посвященных Крыму как особому культурному фронтиру: здесь опираемся на исследования репрезентаций Крыма в русской и европейской литературной традиции, а также на труды, посвященные эволюции восприятия полуострова после Крымской войны 1853–1856 гг. и в контексте реформ 1860-х годов.

Материалом настоящего исследования выступает травелог К. Жукова «Заметки в пути на южный берег Крыма» (1865), представляющий собой ценный источник для изучения репрезентации южных пространств Российской империи в контексте внутренних путешествий второй половины XIX века.

Результаты и обсуждение

Ввиду отсутствия достоверных биографических сведений о К. Жукове, реконструкция его социальной и профессиональной принадлежности может быть осуществлена лишь на основе анализа имеющегося текста. Ни в архивных источниках, ни в библиографических справочниках не обнаруживаются упоминания об авторе, публиковавшем под этим именем иные сочинения или занимавшем значимые должности в административной иерархии. Это позволяет предположить, как минимум, что перед нами не представитель литературной корпорации и не высокопоставленный чиновник, но, вероятнее всего, образованный человек с хорошим достатком, к моменту написания травелога живущий за границей, возможно, в Германии или Франции.

Нарратив Жукова выстраивается как имитация нейтрального, «трезвого» наблюдения, однако при внимательном прочтении обнаруживает ярко выраженную субъектную позицию, укорененную в представлениях жителя столичного

центра о провинциальном и «южном» пространстве. Стиль автора, действительно отличающийся функциональной сдержанностью и акцентом на бытовые детали (состояние дорог, стоимость услуг, социальный состав встреченных в пути людей), тем не менее не избавлен от идеологических импликаций. За кажущейся беспристрастностью скрывается наблюдатель, обладающий выраженным имперским взглядом, склонным к иерархизации этнического, культурного и социального иного. В описаниях представителей южных народов и «иностранцев» – особенно евреев и татар – отчетливо проступает риторика культурного дистанцирования, эстетического и нравственного превосходства, а в ряде случаев – и прямой антисемитизм. Тем не менее именно этот имперский наблюдатель, действующий под маской беспристрастности, наделяет свой текст определенной гражданской миссией: его путешествие служит формой «тестирования» южного пространства на предмет его пригодности для полноценного включения в имперское тело – с точки зрения комфорта, порядка и символического соответствия ожиданиям модернизирующегося общества. Но зачем ему это было нужно, если он совершает частный вояж?

Частное путешествие К. Жукова по южному побережью Крыма, предпринятое вскоре после Крымской войны, может быть интерпретировано как часть более широкой имперской стратегии по утверждению российского культурного и территориального доминирования в регионе. Если аннексия полуострова в 1783 году служила отправной точкой для долговременной политики вытеснения османского влияния с северного Причерноморья и закрепления России на Черном море, то риторика после 1856 года нуждалась в новых символических актах восстановления власти и контроля, хотя к этому времени нетатарское (и немусульманское) население полуострова составляло уже большинство [29, с. 128]. В этом контексте частное путешествие – с его призывами к русским читателям активнее посещать Крым, «узнавать» его и воспринимать как часть национального пространства – приобретает значение продолжения имперского дискурса. Репрезентации европейцев (французов и англичан) в травелоге Жукова, как правило, лишены прежнего ореола культурного превосходства, что можно трактовать как реакцию на травму Крымской войны.

Таким образом, частная поездка превращается в идеологический жест, направленный на внутреннее укрепление российского присутствия в символически уязвленном регионе и на вытеснение иных (османских, татарских, европейских) знаков принадлежности. Автор как бы берет на себя роль «гражданского наблюдателя», испытывающего внутреннее пространство империи на прочность – с точки зрения здравого смысла, повседневных потребностей и перспектив национального развития.

1. Маршрут травелога: пространство, мотивации, инфраструктура.

Одной из ключевых тем травелога Жукова становится сознательный выбор путешествия по Югу Российской империи вместо модной заграничной поездки – жест, имеющий публицистическую природу. Уже в первых абзацах автор выступает с критикой, распространившейся в образованном обществе «болезни путешествий за границу», указывая на «поразительное равнодушие» к внутренним марш-

рутам и подчеркивая, что «очень мало лиц, которые путешествовали по России и могли бы рассказать об ее богатствах и разнообразии» [1, с. 1]. Жуков вписывается в эту критическую линию, противопоставляя суетной миграции петербуржцев на дачи и за границу собственную установку: «решаюсь описать свою поездку на южный берег Крыма с целью разъяснить для многих вопрос об удобстве или неудобстве поездок по России» [1, с. 3]. Его маршрут становится социальной декларацией, где обнаруживается обостренное внимание к инфраструктуре, бытовым деталям и дорожным реалиям малоизвестного пространства, еще не нанесенного на карту столичной повседневности: он иронически замечает, что в книжных магазинах отсутствуют путеводители по южному Крыму, а по пути ему не встретилось ни одного печатного указателя. Это вполне соответствовало реалиям 1850–1880-х годов, когда путешествия в Крым «оставались преимущественной привилегией высших слоев общества и дорогостоящим развлечением» [30, с. 136], а имевшиеся путеводители были дороги и редки. Поэтому его собственный текст и манифестирует восполнение этой лакуны, совмещая черты путеводителя, газетной статьи, дневника и путевого очерка.

Уже в начале пути из Петербурга через Киев, Кременчуг, Екатеринослав, Херсон, Одессу и далее по Крыму, автор многократно фиксирует как положительные, так и отрицательные стороны путешествия. Он с одобрением описывает гладкое шоссе между Петербургом и Киевом, отсутствие проблем с лошадьми: «карета катилась по гладкому, прекрасному шоссе, и в лошадях не было недостатка» [1, с. 3]. Однако в тех местах, где инфраструктура отсутствует, он резко критикует административную небрежность: так, пересадка в Кременчуге описана как почти катастрофическая – «едва не утонули в дрянной рыбацкой лодке»; «нельзя не протестовать против такого равнодушия дирекции...» [1, с. 6]. Таким образом, Жуков не только фиксирует маршрут как ландшафт и сеть дорог, но и переосмысляет его как зеркало состояния общества и государства. Путешествие превращается в инструмент диагностики: насколько Россия доступна собственным подданным? какие условия сопутствуют познанию ее регионов?

Значение его маршрута – от плаванья по Днепру и степным переходам до Черноморского побережья и южного Крыма – заключается не только в широте охвата, но и в типе взгляда – это «пристальное странствие»: Жуков подробно описывает технические условия плаванья, грязные каюты, подводные каржи и буйки, но тут же переключается на этнографические наблюдения – молитвенные мантии евреев, чумаков в степи, городские обычаи. Топография местности обширна: Кременчуг, Екатеринослав, Херсон описаны через их архитектуру, гостиницы, свадьбы, рынок и др. На морском этапе маршрута (Херсон – Одесса – Севастополь – Бахчисарай – Южный берег Крыма) повествование приобретает черты эстетического и культурного гида. Одесса предстает как шумный, пыльный, но яркий и космополитичный город искусственного происхождения, в котором просматривается слияние Европы и Востока. Севастополь – как город памяти, руины которого говорят о трагедии Крымской войны. Южный берег Крыма – как «поэтическая точка сборки» путешествия: Байдарские ворота, Алушка, Ялта, Алушта описаны в духе натурфилософского восторга: природа,

аромат растений, утро, купание, покой тела.

Именно в кульминации – в описании Южного берега Крыма – Жуков достигает философского вывода: в России есть уголки, сравнимые по красоте и значению с Европой, но чтобы их открыть, необходимо не только желание, но и соответствующая инфраструктура. Его путь становится жестом всматривания в родное пространство, чья ценность долгое время оставалась недооцененной.

2. Одесса: эстетика многообразия и критика искусственности

Одесса занимает в структуре травелога Жукова особое положение – как пространственная граница между уездной Россией и черноморским югом, «окно» в космополитический, многонациональный, почти иностранный мир. Ее образ вводится задолго до прибытия в сам город: по мере продвижения к югу усиливается культурная плотность, появляется «южный колорит в лицах», упоминаются крымские вина, и разговоры спутников все чаще касаются Крыма и Одессы. Одесса возникает как предчувствие и апогей южного направления путешествия, город, завершающий днепровскую часть маршрута и предвосхищающий крымскую.

С первых строк описания Жуков подчеркивает активность и пестроту городской жизни: кипучая деятельность гавани, гомон разных языков, белые одежды и тюрбаны, лица разных наций – все это создает эффект культурного водоворота, захватывающего путешественника. Одесса предстает как пространство интенсивного обмена – экономического, культурного, телесного. При этом восприятие города многослойно: с одной стороны – эстетическое наслаждение от городской панорамы, музыки, купания в море и южных блюд, с другой – резкая критика инфраструктурных и санитарных условий: пыль, грязь, плохие дороги, завышенные цены, запущенность памятников.

В отличие от Севастополя, где доминирует поэтика руин и памяти, Одесса у Жукова – это живой организм с неустойчивым балансом между европейской утонченностью и восточной неряшливостью. Автор видит ее как «искусственное» создание («Одесса создавалась искусственно» [1, с. 18]), возникшее благодаря воли административной элиты (в первую очередь, князя Воронцова), а не органически развившееся поселение. Он сомневается в стратегическом выборе местности – неудобная бухта, отсутствие воды, пыль с Пересыпи – и предполагает, что без дальнейшей государственной поддержки город не сможет конкурировать с другими черноморскими портами. Отметим также, что мотив неестественности топоса Одессы мы встречаем ранее у Сумарокова в его «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», но в варианте чудесности, а не искусственности, как у Жукова: [31, с. 223].

Одесса выполняет в структуре жуковского травелога сразу несколько функций. Во-первых, это пространственная и сюжетная развязка днепровской части пути, своеобразный рубеж между материковой Россией и полуостровом. Во-вторых, это культурный контрапункт Крыму: Одесса – это город торговли, купанья, обедов и публичных пространств, тогда как Крым – место религиозного и природного уединения. В-третьих, это критическая площадка для социального анализа: Жуков исследует здесь феномены урбанистической эстетики, экономиче-

ских перекосов и повседневной практики горожан – от купания в море до манеры одеваться.

Таким образом, имагология Одессы у Жукова амбивалентна: с одной стороны, город вызывает восхищение масштабом, климатом, культурной пестротой; с другой – разочарование неустроенностью, искусственностью и зависимостью от внешних факторов. Именно поэтому Одесса занимает важное место в социально-географическом воображении автора – как символ имперского проекта, находящегося между цивилизацией и провинциальным хаосом.

3. Крым как культурный и символический ландшафт

Крымские топосы в травелоге Жукова открываются образами Севастополя. Этот порт в травелоге К. Жукова – не просто географическая остановка, а смысловой и эмоциональный центр всего путешествия, кульминация маршрута, в которой сходятся трагедия и надежда, разрушение и восстановление, тело и память. Автор выстраивает образ города как сложную и многослойную палимпсестную структуру, насыщенную символами и плотной материальной фактурой.

В описании Севастополя великолепие Юга соседствует с развалинами, таким образом, что «едва ли древний Вавилон располагал к более грустным чувствам» [1, с. 23]. Все вокруг – не просто руины, но руины ориентализованные, омытые «изумрудной водой» и освещенные «чудным солнцем» Востока. Свет здесь не противоположен разрухе, а подчеркивает ее, высвечивает зияния, делает их зримо красивыми и пугающе реальными артефактами лиминального пространства. Севастополь в восприятии Жукова – город мертвых и живых одновременно. Он пишет о «кладбищах», «развалинах», «могилах», но тут же акцентирует ясность неба, свежесть воздуха, игру света и перспективу «новой жизни». Это город-тело: израненное, но еще способное ощущать, обновляться, дышать. Это тело, в котором смерть и жизнь, память и настоящее находятся в постоянной динамической связи. Телесность ощущается в описаниях утреннего воздуха, «ароматного», «веселого», возвращающего человеку силы, и купания в море, которое «ласкает», «плещет», «обнимает».

Особое значение приобретает Малахов курган – сакральный центр города. Жуков с почтением описывает его как убежище, защищающее и укрывающее, «где защитники могли перевести дух и прийти в себя» [1, с. 30]. Даже происхождение названия кургана (от фамилии отставного писаря, исключенного из службы за пьянство [1, с. 31]) становится у него поводом для создания фольклорно-иронического анекдота, который вписывается в общий тон города – смешение высокого и низкого, героического и бытового. Здесь героическая история смешивается с повседневностью, как бы еще раз утверждая: тело истории не только в граните памятников, но и в уцелевших шрамах земли.

Севастополь – это одновременно и руины, и рынок. Пространства, прилегающие к бухте, полны следов французского присутствия – от деревянных барачных до железного «дома маршала Пелисье», от театра до лавок, торгующих трофеями войны. Этот урбанистический ландшафт создает ощущение фронта – между военным и мирным, прошлым и настоящим, историей и коммерцией. Даже бытовая сцена с французом, обманувшим русского покупателя, завершается симво-

лической расправой – насилие и насмешка оказываются частью репрезентации инаковости, в которой подлинный «русский» порядок восстанавливается через силу и моральное превосходство.

Антропологическая карта Севастополя включает греков, евреев, караимов, французов, англичан. Все они упомянуты в бытовом, социальном и визуальном ключе. Особенно показательны образы евреев, фигурирующих в роли подрядчиков при строительстве православной церкви, владельцев купален, торговцев. Именно с ними чаще всего Жуков ассоциирует «грязь», беспорядок, отсутствие духовности. Например, купальни, которые «содержит еврей-караим», описываются как неопрятные, постели не выколачиваются, белье грязное. Эта связь инаковости с беспорядком – типичная черта ориенталистского дискурса, где Восток (а еврей у Жукова – ориентализованный тип) оказывается телесным, нечистым, неподконтрольным. Этот описательный регистр совпадает с репрезентацией татар в европейских и русских травелогах XVIII–XIX веков, где они устойчиво обозначаются как «праздные», «невежественные» и «грязные», а сами татарские поселения – как остатки некогда цветущей земли, приведенной в упадок их «небрежностью» и «неумелостью». Как показывает Беатрис Тесье, подобный образ татар служил важным элементом российского «нарратива спасения» Крыма: их присутствие обосновывало необходимость колониального вмешательства и «очищения» пространства [32, с. 242]. Семиотика «грязи» функционирует как визуальный и моральный антагонист райской природы и ее поэтического потенциала – именно поэтому у Жукова эстетика «местности» исчезает при столкновении с телесной реальностью «Другого».

Бытовой антисемитизм Жукова – это не просто черта личного мировоззрения, а симптом широкой культурной оптики XIX века, в рамках которой осуществляется процесс оценки, установления иерархий: между центром и окраиной, русским и не-русским, чистым и грязным, героическим и «торгашеским». В этом смысле парадоксально, но показательно, что одна из самых пронзительных сцен – рассказ о девушке, спасенной английским офицером, – вписана в топос Севастополя. Это момент, когда национальная перспектива уступает место человеческой. И все же даже здесь чувствуется «высокая» постановка сцены: монах, надписи на доме, музыка, тишина – все оформлено как эмоциональная пантомима, и зритель должен испытать благоговение, как в театре.

Наконец, особую смысловую вертикаль образу Севастополя придает монастырский топос. Георгиевский и Херсонский монастыри становятся точками соприкосновения сакрального и физического. Особенно Георгиевский, с его видом на море, с его чувственностью («ароматный воздух», «пение птиц»), слиянием телесного и духовного, – это своего рода финал симфонии, в которой тело, пространство и душа обретают равновесие. Здесь паломничество становится одновременно и физическим подъемом, и метафизическим движением.

Таким образом, Севастополь в травелоге Жукова – это русская версия «Карфагена» [1, с. 29], где тело истории – осязаемо, зримое, покрытое шрамами, но еще дышащее. Это пространство руин и утопии, колониального взгляда и личного потрясения, в котором наблюдатель становится свидетелем, а путешествие

– актом телесной и гражданской трансформации. От Севастополя маршрут Жукова уходит далее – на южный берег Крыма, к красотам Байдар, Алупки и Ялты, но именно здесь, в городе-руине, концентрируются смысловые, визуальные и этические коды всего травелога.

Если Севастополь в нарративе К. Жукова предстает пространством трагической памяти, телесной уязвимости и исторического самоопределения, то Южный берег Крыма функционирует как арена эстетического наслаждения, культурной контемплации и экзотического «отдыха» от имперской повседневности. Этот фрагмент травелога формирует особую оптику юга как внутреннего «рая» Российской империи – пространство телесной свободы, визуального насыщения и этнографического многообразия, но одновременно – поле деологической репрезентации.

Въезд в Байдарскую долину маркируется как символический переход от привычного к чудесному: «как все дивно здесь, как мало похоже на окрестности Петербургской ямы <...> здесь, ближе к раю <...> так пусто» [1, с. 42]. Этот экзистенциальный сдвиг подается через бинарную оппозицию центра и периферии, севера и юга, урбанистического и природного. Жуков видит в Байдарских воротах не только географическую метку, но и своего рода ворота инициации, пропускающие наблюдателя в иное – почти метафизическое – пространство: «Пред вами бесконечное тихое море, около вас громадные скалы, и над ними парящие орлы» [1, с. 43]. Таким образом, Южный берег предстает как место видения – *locus visionis*, где визуальное приобретает почти мистическое измерение. Автор фиксирует себя как «северного» наблюдателя, для которого юг – это не только эстетическое удовольствие, но и культурный шок, вызванный вторжением инаковости.

Структура перемещений вдоль побережья напоминает квазипаломнический маршрут, в котором остановки становятся «станциями» особого чувственного и культурного опыта. Балаклава, древний Символон, предстает у Жукова как «морская гостиная» – топос соединения природной величественности, военной памяти и руинной поэтики. Укрепления Генуэзцев, бараки Крымской войны, греки-проводники – все эти элементы сливаются в палимпсест, в котором сочетаются остатки колониальной архитектуры и посттравматическая меланхолия. Особое внимание уделено фигурам греков – как бывших солдат, ныне обедневших, так и миссионера отца Паксимади, чья фигура вписывается в риторику цивилизаторской миссии и указывает на реликтовое присутствие Восточной христианской традиции в этом поликонфессиональном пространстве.

Однако уже в Байдарах Жуков интонирует откровенно иерархичный взгляд. Татарская деревня представляется как зримое доказательство культурной деградации: «столь грязная по своей обстановке, что всякая поэзия местности <...> исчезала при виде грязных и даже частью полунагих татар» [1, с. 41]. В этом фрагменте проявляется структура ориенталистского взгляда: татарин – визуально репрезентируемый как телесно неупорядоченный, эстетически дисгармоничный и культурно «недоразвитый». Женщины описываются через эмблему «закрытых чадрой глаз», что создает узнаваемый троп ориенталистской визуаль-

ности: сокрытое тело и «блестящие глаза» как фетишизируемая точка эротической проекции.

Алупка становится центральным узлом южного пространства, своеобразным *locus amoenus* – идеализированным пространством гармонии между человеком и природой. Описание дворца Воронцова как «образца Мавританского зодчества» [1, с. 48] и синтеза Востока и Запада маркирует высокую степень осознанной эстетической репрезентации. Природа и архитектура здесь не противостоят, а взаимно усиливают символическую значимость места. Однако и в этом рафинированном пространстве наблюдатель не отказывается от культурной и социальной критики. Гостиница, управляемая «французом, оставшимся от хвоста армии», превращается в место бытового фарса, культурного скепсиса и этнических стереотипов. Реплика о «жидовском расчете» [1, с. 44], казалось бы, мотивирована экономическим раздражением, но на деле демонстрирует глубоко укорененную этническую ангажированность автора. Жуков сливает бытовую неустроенность, нечистоплотность и ксенофобские архетипы в единый образ этнического инородца как антигражданского элемента.

Особенно ярко это проявляется в сценах из Ялты и Алупки, где персонажи с французскими, еврейскими и татарскими атрибутами обретают черты карикатурной дегуманизации: «грязный лакей», француженка-бестолочь, еврейка, кричащая как сумасшедшая. За гротескной комичностью этих образов проступает идеологический импульс – установить иерархию культурной нормы, в которой русская интеллигентность и эстетизм противостоят чужеродной экономической хватке и бытовой распущенности. Образ «торгаша без капитала», «откупщика» и «виноторговца» становится частью этнической типологии травелога, встроенной в визуально-антропологическую картину Южного берега.

Южный Крым у Жукова – это и сцена светской жизни, и площадка этнографического театра. В Ялте смешиваются купцы, французы, татары, военные и «невесты с тюрбанами» – последние становятся объектом легкой иронии за моду на кисейные украшения, имитирующие восточный стиль. Даже на базаре и в купальнях Жуков сохраняет вкус к экзотике: женские тела описываются фрагментарно, но с явной эротической интонацией. Татарки «приятны спереди, но не красивы сзади», «шлепают туфлями», «красивы, но красят зубы» [1, с. 52]. Женская телесность, всегда ускользающая, становится центром наблюдения – как бы случайного, но явно сексуализированного. В то же время мужские тела (татарские мальчишки, цыгане, купальщики) описываются как «почти голые», «потные», «кривоногие» – и это уже не эротика, а телесное отвращение, контрастирующее с «возвышенным» пейзажем.

Дальнейший маршрут – от Ливадии и Ореанды (у Жукова неправильно – «Ариянды») до Алушты – продолжает формировать топографию южного рая, в котором «каждая дача окружена особенной растительностью», а виноградники и камелии служат эстетическим и экономическим символом пространства. Никитский сад, табачные плантации Массандры, «грецкие орехи», кормящие целые семьи, – все это вписывается в мифологему юга как земли изобилия и телесного комфорта. Однако по мере приближения к Симферополю усиливается социаль-

ный контраст. Алушта представлена как «татарская деревня» с еврейской гостиницей, где героя встречает «красивая еврейская девушка, кричащая, как сумасшедшая» [1, с. 65]. Культурный пейзаж снова опрокидывается в бытовую клоунаду, в которой граница между документальным и фантастическим стирается – но всегда в пользу дистанцированного и превосходящего взгляда наблюдателя.

Особое место в структуре южного маршрута К. Жукова занимает посещение Бахчисарая и Чуфут-Кале – пространств, насыщенных культурной памятью и исторической символикой. Бахчисарай предстает как узловой пункт восточного воображаемого, где «восточное» и «древнее» становятся синонимами, поддающимися как эстетической, так и идеологической обработке. Город, некогда столица Крымского ханства, подается Жуковым как «застывшее прошлое», в котором архитектура, запахи, одежда и бытовая сцена конденсируют собой представление о Востоке как о пространстве архаики, неподвижности и этнической стагнации. Его внимание сосредоточено на гаремной эстетике, гробницах, татарских женщинах и детях, которые кажутся автору лишенными признаков прогрессивной культуры.

Чуфут-Кале, в свою очередь, маркируется как топос сакральной инаковости и этнической изоляции. Пространство караимского поселения оказывается в травелогe пространством почти метафизической отгороженности, где ландшафт, архитектура и ритуал создают ощущение «другого мира», выведенного за пределы привычной русской или даже крымской реальности. Жуков с интересом фиксирует особенности караимского культа, одежды, быта, но он наблюдает за ними так, как наблюдают за исчезающим видом – с вежливым удивлением и скрытым превосходством. Караимы, по его наблюдению, живут в «молчаливом городе», где каждый жест пронизан строгим ритуалом, но одновременно лишен перспективы развития. Таким образом, описания Бахчисарая и Чуфут-Кале становятся не только этнографическими зарисовками, но и риторическими жестами, фиксирующими границы между имперским субъектом и локализованной инаковостью.

Таким образом, Южный берег Крыма в травелогe Жукова – не просто описанный ландшафт, но целостная система визуальной и культурной организации. Это пространство, где природа, этничность и повседневность структурированы в иерархическую модель наблюдения, сочетающую элементы эстетической рефлексии и имперской власти. Жуков не стремится к этнографической объективности: напротив, он демонстрирует амбивалентность чувств – между восхищением и брезгливостью, романтизацией и ироническим отчуждением. Его ориентализм не статичен: он одновременно визуален, телесен и идеологичен. Южный берег становится местом, где наблюдатель, действующий от имени культуры центра, обнаруживает собственную чувствительность, свои страхи и желания – и где каждая этническая фигура оказывается отражением не только имперской топики, но и внутренних напряжений самого автора.

Заключение

Путевые заметки К. Жукова представляют собой ценнейший источник для изучения культурных, этнографических и визуальных репрезентаций южного

пространства Российской империи в середине XIX века. В отличие от канонических описаний, сосредоточенных на внешнем Востоке, текст Жукова выявляет внутренний ориентализм, направленный на собственные периферии – Крым, Юг, многонациональные и культурно неоднородные территории. В структуре его нарратива Одесса, Севастополь, Южный берег Крыма, Бахчисарай и Чуфут-Кале становятся не только географическими пунктами маршрута, но и символическими пространствами, в которых фиксируются напряжения между центром и окраиной, знанием и экзотикой, эстетическим наслаждением и культурной тревогой.

Жуков предстает наблюдателем, действующим в поле идеологически насыщенного взгляда, но при этом способным к эстетической рефлексии и культурной чувствительности. Его текст выстраивается как поэтика внутреннего странствия – движения сквозь знакомое и иное, привычное и чудесное. Через фиксацию визуальных, телесных и этнографических сцен он создает картину имперского Юга, в которой сочетаются элементы путеводителя, дневника и культурного эссе. Южный Крым в этом контексте – не только *locus amoenus*, но и *locus ideologicus*: место, где визуальное наслаждение сопровождается неявным утверждением иерархий, а наблюдение превращается в акт культурной интерпретации.

Таким образом, травелог Жукова позволяет не только реконструировать восприятие Крыма и южнорусских территорий в пореформенную эпоху середины 1860-х годов, но и понять механизмы формирования внутреннего имперского взгляда – взгляда, ориентированного на включение инаковости в культурную матрицу центра через визуальное, этнографическое и риторическое овладение пространством в синкретическом жанре полудневника-полупутеводителя.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жуков К. Заметки в пути на Южный берег Крыма. – СПб.: Печ. В. Головина, 1865. – 83 с.
2. Первых Д. К. Крым в записках путешественников периода Крымской войны (по материалам журнала «Современник» 1853–1856 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 2012. – №. 238. – С. 152–155.
3. Панухин П. В. Роль архитектурного наследия в позиционировании пространства Крыма после Восточной войны // Architecture and Modern Information Technologies. – 2023. – №. 1 (62). – С. 262–276. – DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-262-276
4. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб.: Печ. в тип. состоящей при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. – 337 с.
5. Мурзакевич Н. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. – 1837. – № 3, отд. 4. – С. 625–691.
6. Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константино-

- поль, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах. [В 2 т.]. – М.: Тип. Августа Семена, 1839.
7. Шишкина О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России, в 1845 году. [В 2 т.]. – СПб.: Тип. 2-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848.
 8. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию. – М.: Тип. А. Семена, 1853. – 543 с.
 9. Алексеев П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века. *Филология и человек*. – 2014. – № 2. – С. 34–46.
 10. [Дудышкин С. С.] Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году // *Отечественные записки*. – № 6. – Т. LVIII. – С. 73–76.
 11. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
 12. Сорочан А. Ю. Литература путешествий как литера тура: Монография. – Тверь: ООО «Альфа-Пресс», 2024. – 256 с.
 13. Лавренова О. А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. – М.: Ин-т Наследия, 2010. – 327 с.
 14. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
 15. Дорджиева Е. В. Образ города в репрезентациях путешественников: на примере восприятия Екатеринослава XIX – начала XX века // *Современное педагогическое образование*. – 2024. – № 3. – С. 316–322.
 16. Жданов С. С. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова) // *Два века русской классики*. – 2024. – Т. 6, № 3. – С. 30–63. – DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63.
 17. Жданов С. С. Образы крымских городов в травелог Н.С. Всеволожского // *Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим: материалы I Всероссийской научно-практической конференции*. – Симферополь: Изд. дом КФУ, 2025. – С. 16–21. – EDN: IDMQZI.
 18. Алексеев П. В., Жданов С. С., Шарыпова В. С. «Полуденная Россия» в ориентальном травелог Н.С. Всеволожского // *Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение»*. – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – С. 82–92. – DOI: 10.33764/2618-981X-2024-5-82-92.
 19. Atkinson D. *Cultural geography*. – London: I.B. Tauris, 2005. – 222 p.
 20. Peet R. *Modern Geographical Thought*. – Blackwell, Oxford, 1998. – 342 p.
 21. Dickinson S. *Breaking Ground. Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2006. – 291 p.
 22. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 567 с.
 23. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 357 с.
 24. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 419 с.
 25. Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) // *Имагология и компаративистика*. – 2015. – № 2 (4). – С. 20–42.
 26. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 322 с.
 27. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
 28. Пономарев Е. Р. Русский имперский травелог // *Новое литературное обозрение*. – 2017. – № 2(144). – С. 33–44.

29. Lazzerini E. The Crimea under Russian Rule. 1783 to the Great Reforms // Russian Colonial Expansion to 1917. – London–New York: Mansell Publ., 1988. – Pp. 123–138.
30. Молочко Е. В. Путеводители второй половины XIX - начала XX века как форма популяризации памятников истории и культуры Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2010. – №1. – С. 133–139.
31. Жданов С. С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 5. – С. 215–239. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239.
32. Teissier B. Crimean Tatars in Explorative and Travel Writing: 1782–1802 // Anatolian Studies. – 2017. – Vol. 67. – Pp. 231–53.

© П. В. Алексеев, С. С. Жданов, 2025

*А. Н. Кривых*¹✉

Антидопинговая политика в спорте – как и почему борются с применением запрещенных веществ

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: alexander.krivih@yandex.ru

Аннотация. Антидопинговая политика в спорте представляет собой ключевой элемент современной спортивной индустрии, ориентированный на поддержание справедливого состязания и сохранность физического состояния атлетов. В последние десятилетия проблема применения допинг-препаратов превратилась в одну из ключевых проблем в мире спорта. В статье особый акцент делается на значимости Всемирного антидопингового агентства WADA и Российского антидопингового агентства РУСАДА. В статье подтверждается необходимость совместных действий мирового сообщества для борьбы с данной проблемой и защитой спортивных принципов, для создания эффективной системы тестирования и контроля, направленной на обнаружение нарушений.

Ключевые слова: спорт, допинг, здоровье спортсменов, антидопинговая политика, международные организации, правила и регламенты, контроль за допингом

*A. N. Krivykh*¹✉

Anti-doping policy in sports - how and why people struggle with the use of banned substances

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: alexander.krivih@yandex.ru

Annotation. The anti-doping policy in sports is a key element of the modern sports industry, focused on maintaining fair competition and the preservation of athletes' physical condition. In recent decades, the problem of the use of doping drugs has become one of the key problems in the world of sports. The article focuses on the importance of the World Anti-Doping Agency WADA and the Russian Anti-Doping Agency RUSADA. The article confirms the need for joint action by the international community to combat this problem and protect sports principles, in order to create an effective testing and control system aimed at detecting violations.

Keywords: sports, doping, athletes' health, anti-doping policy, international organizations, rules and regulations, doping control

Введение

Антидопинговая политика является ключевым элементом современной спортивной системы, направленным на обеспечение справедливой конкуренции и поддержание здоровья атлетов. Злоупотребление допинговыми препаратами нарушает основополагающие принципы спорта, включая честную игру, и негативно сказывается на физическом благополучии спортсменов, что приводит к созданию неравных условий для участников соревнований. В рамках исследования

будет рассмотрена эволюция антидопинговой политики, ее методологические подходы и последствия применения допинга для здоровья и спортивной карьеры.

Цель исследования: комплексный анализ антидопинговой политики в спорте, изучение методов противодействия использованию запрещенных веществ и выявление ключевых проблем в данной сфере.

Задачи исследования:

1. Провести историко-аналитическое исследование формирования антидопинговой политики на глобальном и национальном уровнях, с акцентом на развитие системы в Российской Федерации.

2. Определить понятие допинга, рассмотреть современные методы его диагностики и верификации.

3. Изучить медицинские и социальные последствия употребления запрещенных веществ для профессиональных спортсменов.

История формирования антидопинговой политики

Антидопинговая политика, в её современном понимании, формировалась на протяжении многих веков, постепенно превращаясь в комплексную систему борьбы с применением запрещённых препаратов в спорте. Это явление связано с эволюцией спорта, в котором использование стимуляторов изначально считалось приемлемым.

На заре спортивных состязаний применение стимуляторов не осуждалось и было частью подготовки спортсменов. Древние Олимпийские игры: Греческие атлеты употребляли травяные настои, вино, мясо животных (особенно органов), веря в их способность усиливать выносливость. Римские гладиаторы использовали стрихнин в малых дозах, галлюциногены и медовые напитки для повышения выносливости. Викинги, перед битвами пили настой мухоморов, чтобы снизить боль и усилить агрессивность.

Эти примеры показывают, что стремление к улучшению физических возможностей через внешние средства существует с древности. Однако систематического контроля за их использованием не существовало.

XIX век начало системного применения стимуляторов

С развитием профессионального спорта и индустриализацией началось широкое использование стимулирующих препаратов. Французские велосипедисты пили «вино Мариани» (вино с листьями коки), а бельгийцы использовали сахар, пропитанный эфиром. Кокаин и героин становились популярными стимуляторами для борьбы с усталостью. В 1896 году на Олимпиаде спортсмены применяли коктейли из кофеина и эфира. Рост популярности стимуляторов привёл к трагическим инцидентам, которые стали причиной первых попыток запрета.

В начале XX века смесь стрихнина, героина, кокаина и кофеина широко применялась как спортсменами, так и их тренерами, причем каждый из них разрабатывал свою собственную уникальную формулу. 1928 году Международная федерация лёгкой атлетики (IAAF) впервые ввела запрет на допинг, определив его как использование любых стимуляторов, улучшающих результаты. Однако про-

верки не проводились. Первые шаги против допинга были декларативными и неэффективными из-за отсутствия технологий для контроля [1].

1930 – 1950-е годы технологический прогресс и усиление применения допинга. Учёные синтезировали тестостерон, что открыло путь к использованию анаболических стероидов. Тестостерон изначально применялся для повышения агрессивности у солдат, а затем – спортсменами.

Амфетамин стал популярен в армии США и Европы во время Второй мировой войны и перешел в спорт. В велоспорте его применяли под названиями «labomba» и «atoom», чтобы справляться с усталостью. Результаты использования были впечатляющими, но начали проявляться серьёзные побочные эффекты, что вынудило начать борьбу с допингом. 1960 году датского велосипедиста Кнуда Йенсена на Олимпиаде в Риме из-за передозировки амфетаминов привлекла внимание общественности. Через 7 лет МОК создал Медицинскую комиссию, ввёл первый список запрещённых веществ и утвердил обязательный допинг-контроль. Этот период стал переломным: антидопинговая политика начала формироваться на международном уровне [2].

В 1975 году МОК включил анаболические стероиды в список запрещённых препаратов после разработки методов их обнаружения. Широкое использование кровяного допинга и эритропоэтина, стимулирующего образование эритроцитов, стало новой проблемой. Несмотря на ужесточение контроля, спортсмены находили способы обходить тесты, что создавало "гонку вооружений" между атлетами и антидопинговыми службами.

В 1999 году Создание Всемирного антидопингового агентства (WADA) стало ответом на серию скандалов, включая систематическое применение допинга в ГДР. Скандал на велогонке «Тур де Франс», где обнаружили крупные партии эритропоэтина, продемонстрировал масштабы проблемы. ВАДА разработало Всемирный антидопинговый кодекс, стандартизив правила и процедуры на международном уровне.

2000 год стал началом внедрения биологических паспортов спортсменов, что позволило фиксировать изменения в организме даже без выявления конкретного препарата. В 2002 году американский биохимик Дон Кэтлин впервые разработал тест, позволяющий обнаруживать в моче спортсменов синтезированные анаболические стероиды, которые прежде не удавалось обнаружить с помощью существующих допинг-тестов.

10 октября 2005 года 176 странами на Генеральной конференции ЮНЕСКО был принят главный международный юридический документ о борьбе с допингом в спорте – страны обязались вести борьбу против применения допинга в соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом.

Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) было создано в 2007 году. Его формальное основание связано с решением Общероссийской общественной организации «Лига здоровья нации» и Российской академии образования. 1 мая 2008 года «РУСАДА» начал работать как центр сбора и транспортировки проб спортсменов для тестирования.

Основной целью агентства является обеспечение права спортсменов на честные соревнования без допинга. Просвещение общественности и спортсменов о вреде допинга. Реализация образовательных программ для формирования культуры нулевой терпимости к запрещённым препаратам. Планирование и проведение тестирования. Расследование возможных нарушений антидопинговых правил. Обработка допинг-проб и работа с системой ADAMS (Anti-Doping Administration & Management System).

РУСАДА работает с широким кругом спортсменов, включая российских граждан, резидентов, а также иностранных атлетов, участвующих в соревнованиях на территории России.

В 2015 году опубликован доклад независимой комиссии ВАДА, который выявил системные нарушения в работе РУСАДА. В следствие чего РУСАДА признано не соответствующим требованиям ВАК и с декабря 2015 года функции тестирования были переданы Антидопинговому агентству Великобритании (UKAD). В 2016 году ВАДА направило международных экспертов для реформирования РУСАДА. В 2017 году РУСАДА вернули полномочия по расследованию антидопинговых нарушений, а к 2018 году агентство полностью восстановило свои функции [1].

На данный момент РУСАДА остаётся ключевым игроком в борьбе с допингом в России: проводит тестирования, сотрудничает с международными антидопинговыми организациями и стремится к обеспечению международных стандартов.

Методы обнаружения допинга

Допинг – это использование веществ или методов, искусственно повышающих физическую или психическую работоспособность, что дает спортсменам преимущество перед конкурентами. В соответствии с антидопинговыми правилами, допингом считаются вещества или методы из Запрещенного списка Всемирного антидопингового агентства (WADA), обновляемого ежегодно.

Допинг нарушает медицинские и этические нормы, угрожает здоровью спортсменов и противоречит принципам честной конкуренции. Выявление запрещенных веществ осуществляется через анализ мочи и крови в аккредитованных WADA лабораториях с применением современных методов, таких как масс-спектрометрия и газовая хроматография.

Биологический паспорт фиксирует индивидуальные биомаркеры спортсмена (гематологические, стероидные и эндокринные показатели) в динамике. Изменения в этих показателях могут указывать на применение допинга, даже если конкретное вещество не обнаружено.

Генетический анализ используется для выявления генного допинга – методов, включающих изменение генома с целью улучшения физических характеристик. Специальные тесты на отдельные классы веществ, таких как эритропоэтин или гормон роста, выявляющие следы применения. Мониторинг конкретных видов деятельности, такие как аутогемотрансфузия, обнаруживаются косвенно через мониторинг изменений гематологических параметров. Обнаружение маски-

рующих агентов, анализы проверяют на присутствие веществ, которые используются для сокрытия применения допинга (например, диуретиков). Система администрирования, которая отслеживает местонахождение спортсменов для проведения внезапных допинг-тестов. Это позволяет усилить контроль вне соревновательного периода.

В предоставленном документе вопросы о последствиях приема допинга для здоровья и карьеры спортсменов обсуждаются в нескольких главах, включая главы о вреде допинга для здоровья и санкциях за нарушение антидопинговых правил.

Последствия приема допинга для здоровья

Несмотря на все прилагаемые усилия WADA, спортсмены по-прежнему продолжают принимать запрещенные вещества. Из-за чего подвергают свое здоровье рискам. Трудно предсказать побочные действия от использования спортсменом допинг. Неконтролируемое использование анаболических стероидов может вызывать проблемы с сердцем, печенью, почками и гормональным балансом. Также может привести к нарушению гормонального фона, ведущего к бесплодию, атрофии половых желез, вирилизации у женщин или феминизации у мужчин, психическим расстройствам (агрессия, депрессия, зависимости), повышению риска сердечно-сосудистых заболеваний (гипертония, инфаркты).

Большинство дозировок и комбинаций, улучшающих спортивные результаты, никогда не проходили официальные тестирования. Принимая неизвестную субстанцию, спортсмены берут на себя все риски возможного неблагоприятного эффекта.

Ниже перечислены некоторые возможные последствия для здоровья, связанные с использованием запрещенных комбинаций:

- депрессия;
- инсульт;
- инфаркт миокарда;
- нейроэндокринные заболевания;
- повышенное потоотделение, огрубление кожи и повышенный риск развития рака;
- поражения печени;
- и множество других негативных последствий.

Если спортсмен сможет обосновать и подтвердить, что запрещенное вещество оказалось в его организме, нес целью повышения его спортивных достижений, срок дисквалификации может быть уменьшен, отменен или заменен на альтернативные меры наказания [3].

Последствия для карьеры

Помимо вреда для здоровья использование запрещенных в спорте веществ и методов влечет за собой дисквалификацию, срок которой зависит от наруше-

ния и его прошлой «антидопинговой чистоты». Если спортсмен нарушил антидопинговые правила во время соревнований, то результаты аннулируются и спортсмена лишают медалей.

Дисквалификация на два года устанавливается, если за первое нарушение антидопинговых правил были зафиксированы следующих случаи:

- наличие в пробе спортсмена запрещенной субстанции;
- уклонение от сдачи пробы;
- подмена/попытка подмены пробы;
- обладание запрещенными в спорте веществами и методами;
- применение или попытка применения спортсменом запрещенных веществ и методов.

Дисквалификация на срок от четырех лет до пожизненной устанавливается за следующие нарушения:

- распространение или попытка распространения запрещенных в спорте веществ и методов,
- назначение или попытка назначения спортсмену запрещенного вещества и метода.

Спортсмен должен осознавать, что при приеме допинга он может повлечь за собой следующие потери:

- Дисквалификация;
- Репутационные потери, утрата доверия болельщиков, спонсоров и спортивных организаций;
- Финансовые последствия;
- Юридическая ответственность, в некоторых странах предусмотрены административные или уголовные наказания.

Применение запрещенных веществ имеет негативное влияние на физическое и психическое здоровье, а также на карьеру и репутации спортсмена [4].

Заключение

История антидопинговой политики демонстрирует, что проблема допинга существует с древности. Создание Всемирного антидопингового агентства (WADA) и разработка международных стандартов усилили контроль и унификацию мер борьбы с запрещенными веществами.

Несмотря на прогресс, допинг остается актуальным. Спортсмены, стремясь к быстрым результатам, рискуют здоровьем, включая необратимые повреждения организма, психические расстройства и летальные исходы. Последствия включают дисквалификацию, потерю результатов, репутации и финансовых средств.

Антидопинговая политика должна быть направлена не только на наказание, но и на просвещение. Образовательные программы и профилактика важны для формирования культуры честного спорта. Совместные усилия спортсменов, тренеров, врачей и других участников спортивной сферы необходимы для успешной борьбы с допингом. Соблюдение антидопинговых правил с учетом научных и этических стандартов обеспечит честность, здоровье и развитие спорта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кардаш Д.С. Инновации. Наука. Образование. // История возникновения допинга в спорте. - 2021. № 34. С. 255-258.
2. Всемирный антидопинговый кодекс. 2015 год : Всемирное антидопинговое агентство / Пер. с англ. А.А. Анцелович, А.А. Деревоедов. М. : РУСАДА, 2015. – 152 с.
3. Руководство по терапевтическому использованию запрещенных в спорте субстанций и методов. РУСАДА, 2018. – 213 с.
4. Антидопинговое пособие Международной федерации студенческого спорта (ФИСУ)-ВАДА. 2018. – 113 с.

© А. Н. Кривых, 2025

О. О. Крыжановская¹✉, В. В. Петрушина¹, Е. В. Лейман¹

Анализ участия студенческого спортивного клуба СГУГиТ «Пантеры» во всероссийских клубных соревнованиях

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
_e-mail: k.o.o24@mail.ru

Аннотация. Студенческий спортивный клуб "Пантеры" показывает высокие результаты во всероссийских клубных соревнованиях, однако сталкивается с вызовами, связанными с поддержанием конкурентоспособности и достижением поставленных целей. В работе представлен анализ текущей ситуации, выявляющий ключевые проблемы: сложности с участием в финалах, ухудшение командного духа, отставание в современных методах подготовки, а также ограниченность ресурсов. Для устойчивого развития и достижения поставленных целей, включая выход на федеральный уровень и расширение сотрудничества с Министерством спорта, предлагается комплексный подход. Рекомендации включают улучшение материально-технической базы, повышение квалификации тренерского состава, усиление мотивации спортсменов, внедрение современных тренировочных методик, работу с болельщиками и общественностью, а также диверсификацию источников финансирования. Особое внимание уделяется стратегиям преодоления ограничений по ресурсам, включая поиск спонсоров, грантовую поддержку и оптимизацию существующих активов. Реализация предложенных мер позволит "Пантерам" укрепить свои позиции, улучшить результаты и достичь поставленных целей.

Ключевые слова: студенческий спорт, ССК «Пантеры», результаты соревнований

O. O. Kryzhanovskaya¹✉, V. V. Petrushina¹, E. V. Leiman¹

Analysis of the participation of the SSUGT student sports club 'Panthers' in the nationwide club competitions

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: k.o.o24@mail.ru

Abstract. The Student Sports Club 'Panthers' demonstrates high results in national club competitions, but faces challenges related to maintaining competitiveness and achieving set goals. The report presents an analysis of the current situation, identifying key issues: difficulties in participating in finals, a decline in team spirit, lagging in modern training methods, and resource limitations. For sustainable development and achieving set goals, including reaching the federal level and expanding cooperation with the Ministry of Sports, a comprehensive approach is proposed. The recommendations include improving the material and technical base, enhancing the qualifications of the coaching staff, increasing the motivation of athletes, implementing modern training methods, engaging with fans and the public, as well as diversifying funding sources. Special attention is given to strategies for overcoming resource limitations, including seeking sponsorship, grant support, and optimizing existing assets. The implementation of the proposed measures will allow the 'Panthers' to strengthen their positions, improve results, and achieve their goals.

Keywords: student sports, SSC «Panthers», competition results

Введение

С 9 ноября 2018 года студенческий спортивный клуб «Пантеры» стал активным участником Общероссийской молодежной общественной организации АССК России и включён в Единый реестр студенческих спортивных клубов.

В клубе представлены следующие направления:

- сборная команда ССК «Пантеры»,
- клуб болельщиков,
- активисты,
- группа поддержки ССК «Пантеры»,
- спортивные секции СГУГиТ.

Студенческая команда «Пантеры», представляющая Сибирский государственный университет геосистем и технологий (СГУГиТ), принимает активное участие в региональных и всероссийских клубных соревнованиях.

Студенческий спортивный клуб «Пантеры» при ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет геосистем и технологий» (СГУГиТ) выполняет функции регионального представительства Ассоциации студенческих спортивных клубов России (АССК) в Новосибирской области. Клуб регулярно инициирует и проводит как региональные, так и всероссийские спортивные мероприятия и турниры [1].

Организационная и административная деятельность клуба осуществляется Управлением по воспитательной и молодёжной политике СГУГиТ (УВРиМП). В рамках своей деятельности клуб предоставляет студентам возможность участия в спортивных соревнованиях университетского, городского и всероссийского уровней, обеспечивая тем самым высокую конкурентоспособность представителей вуза.

Члены клуба имеют доступ к тренировочным программам, разработанным опытными специалистами, а также участвуют в организации и проведении масштабных спортивных мероприятий. Вступление в клуб способствует не только укреплению физического здоровья студентов, но и формированию сообщества единомышленников, объединённых общим интересом к спорту и активному образу жизни.

«Пантеры» – это не просто спортивный клуб, а сообщество, где каждый может раскрыть свои способности, добиться успехов в спорте и стать частью сплоченной команды, которая поддерживает и вдохновляет.

Основные направления деятельности ССК «Пантеры» включают:

- развитие физической культуры и спорта среди студентов СГУГиТ,
- организацию внутривузовских и межвузовских турниров и мероприятий,
- деятельность клуба болельщиков «Пантеры»,
- работу чир-дэнс клуба «Пантеры».

Цель настоящей статьи – проанализировать динамику достижений команды за последние годы, выявить причины изменения результатов и обозначить перспективы дальнейшего роста.

Методы и материалы

Исследование основано на методах сбора и обработки статистической информации, интервьюирования представителей команды и экспертного анализа ситуации. Основной упор делается на изучении официальных протоколов турниров, отчетов участников и внутренних документов спортивного клуба.

Результаты

Команда «Пантеры» прошла сложный путь становления и прогресса. Обозначим показанные результаты за последние пять лет в табл.1.

Таблица 1

Результаты команды ССК «Пантеры» за период 2019 – 2024 г.

Год	Этап турнира	Результат
2019	Полуфинальный этап	Второе место
2021	Полуфинальный этап	Первое место
2022	Финал России	Третье место
2023	Региональный этап	Победители региона
2024	Региональный этап	Третье места

Таким образом, пиковым моментом стало выступление в 2022 году, когда команда впервые вошла в тройку лучших на финальном турнире страны. В последующие два года наблюдается спад: сначала достижение золота регионального этапа, но отсутствие возможности попасть в финал, а затем лишь третьи места на региональной стадии.

Причины изменений результатов: в 2023 году произошла смена руководства клуба и главного тренера.

Положительные моменты

Прорыв 2022 года: Команда продемонстрировала высокий уровень подготовки, сумела преодолеть сильные региональные коллективы и достойно выступить на федеральном уровне.

Устойчивое первое место в регионе в 2023 году: несмотря на отсутствие финала, победа на региональном этапе подтверждает потенциал команды.

Отрицательные моменты

Отсутствие стабильности: несмотря на успехи в отдельных годах, команда пока не смогла продемонстрировать устойчивые результаты на протяжении нескольких сезонов подряд. Смена руководящего состава в 2022 году, смена поколений спортсменов и отсутствие качественных тренировок с начала 2024 года.

Ограничение ресурсов: нехватка современного оборудования, профессиональной тренерской базы, недостаточное финансирование затрудняют подготовку спортсменов высокого класса.

Проблемы организации: сложности с участием в финалах связаны с особенностями отбора и условиями допуска команд, часто зависящими от административных решений и финансовых возможностей [2].

Перспективы улучшения

Чтобы вернуть утраченные позиции и обеспечить стабильность высоких результатов, необходимо:

- Улучшить материально-техническую базу (приобретение необходимого оборудования, улучшение спортивных сооружений).
- Повысить квалификацию тренерского состава путем обмена опытом с ведущими специалистами отрасли.
- Усилить мотивацию участников посредством разработки эффективной системы поощрений

Изменение мотивации и морального духа: командный дух и личная мотивация спортсменов играют важную роль в достижении успеха. Ухудшение внутриклубной атмосферы, конфликты между игроками или тренерами могут привести к снижению мотивации и, как следствие, ухудшению результатов [3].

Проблемы с современными методами подготовки: необходимо адаптироваться к новым технологиям и методам подготовки, которые постоянно развиваются. Отсутствие внедрения современных тренировочных подходов и методов анализа игр может привести к снижению конкурентоспособности клуба.

Потеря доверия со стороны болельщиков: Ухудшающиеся результаты могут привести к падению интереса со стороны зрителей. Болельщики, особенно преданные, могут начать терять доверие к клубу и даже перестать его поддерживать.

Со слов председателя клуба Владимира Болукова, «Пантеры» стремятся поднять свой уровень на федеральном уровне, активно участвуют в образовательных и грантовых проектах АССК России, развивают направления волейбола, футбола, баскетбола, настольного тенниса и чирлидинга, а также поддерживают командный дух через символику и талисманы клуба.

Председатель студенческого спортивного клуба (ССК) СГУГиТ «Пантеры», Владимир Болуков, подчеркивает, что клуб стремится повысить свой статус до федерального уровня, усилить взаимодействие с Министерством спорта Российской Федерации и улучшить качество подготовки спортсменов, а также эффективность работы команд поддержки. Однако текущие спортивные результаты клуба не соответствуют поставленным целям.

Анализ участия ССК «Пантеры» в всероссийских клубных соревнованиях показывает высокую результативность, активную организационную работу и значительный вклад в развитие студенческого спорта на региональном и федеральном уровнях.

На предстоящий спортивный сезон ССК «Пантеры» планирует усилить подготовку спортсменов и повысить уровень выступлений на федеральном уровне. Также планируется расширение сотрудничества с Министерством спорта РФ и развитие команд поддержки, а также спортивных секций клуба.

Клуб намерен продолжать активное участие во всероссийских клубных соревнованиях, организовывать собственные турниры и развивать направления волейбола, футбола, баскетбола, настольного тенниса и чирлидинга. Также планируется усиление творческих и образовательных проектов для поддержки командного духа и привлечения новых участников.

Заключение

Команде «Пантеры» предстоит серьезная работа над устранением существующих недостатков и развитием потенциала для возвращения на лидирующие позиции российского студенческого спорта. Для этого необходимы комплексные меры, включающие повышение качества тренировок, расширение ресурсной базы и внедрение эффективных механизмов стимулирования спортсменов.

Ухудшение статистики в спортивном клубе – это комплексная проблема, которая требует внимательного анализа и взвешенного подхода к решению. В условиях жесткой конкурентной среды важно не только выявить причины падения результатов, но и разработать стратегию, способствующую восстановлению и повышению эффективности команды. Создание поддерживающей атмосферы, вкладывание в развитие инфраструктуры и использование современных методов тренировки являются неотъемлемыми частями успешного пути к преодолению трудностей и возврату к высоким достижениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт СГУГиТ (раздел о спортивной жизни). <https://sgugit.ru/atmosfera/studencheskie-obedineniya/klub-pantery/>
2. Матвеев А.М. Современные подходы к подготовке студентов-спортсменов // Молодежь XXI века: наука, образование, технологии. Материалы международной научно-практической конференции. — Тюмень, 2023.
3. Козловская И.Ю. Особенности подготовки сборных команд университетов России к всероссийским турнирам // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Социальные науки. — 2022. — №2.

© О. О. Крыжановская, В. В. Петрушина, Е. В. Лейман, 2025

А. В. Лопарев^{1✉}

Основы психического здоровья и психосоматическая физическая тренировка

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: virtual-81@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются фундаментальные аспекты психического здоровья как неотъемлемой части общего благополучия человека. Освещается определение психического здоровья, его ключевые компоненты и факторы, влияющие на его состояние в условиях современного мира. Особое внимание уделяется концепции психосоматики, подчеркивающей неразрывную связь между психическими процессами и физиологическими реакциями организма. Анализируется роль физической активности как важного инструмента поддержания не только физического, но и психического здоровья. Представлен интегративный подход – психосоматическая физическая тренировка, объединяющая осознанное движение, работу с дыханием и фокус на внутренних ощущениях для гармонизации психоэмоционального состояния и улучшения телесного самочувствия. Обсуждаются механизмы действия и потенциальные преимущества данного подхода для снижения стресса, повышения эмоциональной регуляции и общего качества жизни.

Ключевые слова: психическое здоровье, психосоматика, физическая тренировка, психосоматическая тренировка, стресс, тело и разум, здоровый образ жизни

A. V. Loparev^{1✉}

Fundamentals of mental health and psychosomatic physical training

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: virtual-81@ya.ru

Abstract. The article examines the fundamental aspects of mental health as an integral part of a person's overall well-being. The definition of mental health, its key components and factors influencing its condition in the modern world are highlighted. Special attention is paid to the concept of psychosomatics, which emphasizes the inextricable link between mental processes and the physiological reactions of the body. The role of physical activity as an important tool for maintaining not only physical but also mental health is analyzed. An integrative approach is presented – psychosomatic physical training that combines conscious movement, work with breathing and focus on inner sensations to harmonize the psycho-emotional state and improve physical well-being. The mechanisms of action and potential benefits of this approach for reducing stress, improving emotional regulation and overall quality of life are discussed.

Keywords: mental health, psychosomatics, physical training, psychosomatic training, stress, body and mind, healthy lifestyle

Введение

Психическое здоровье является краеугольным камнем полноценной жизни человека, определяя его способность реализовывать свой потенциал, справляться с жизненными стрессами, продуктивно работать и вносить вклад в общество. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), психическое здоровье – это состояние благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов [1]. В современном мире, характеризующемся высоким темпом жизни, информационными перегрузками и многочисленными вызовами, вопросы сохранения и укрепления психического здоровья приобретают особую актуальность.

На этом фоне возрастает интерес к психосоматическому подходу, рассматривающему человека как единую систему, где психические и физиологические процессы тесно взаимосвязаны. Эмоциональные переживания, стрессы, внутренние конфликты могут находить отражение в телесных симптомах, и наоборот, физическое состояние влияет на наше настроение и мышление [2].

Физическая активность традиционно признается важным фактором укрепления физического здоровья, ее роль в поддержании психического благополучия просто неоспорима: регулярные упражнения способствуют снижению уровня стресса, улучшению настроения, повышению когнитивных функций [3]. Интеграция принципов психосоматики в физическую тренировку открывает новые возможности для более глубокой и целенаправленной работы с психоэмоциональным состоянием через движение и телесную осознанность.

Целью данной статьи является рассмотрение основ психического здоровья и представление концепции психосоматической физической тренировки как перспективного подхода для его поддержания и укрепления.

Понятие и основы психического здоровья

Психическое здоровье включает в себя эмоциональное, психологическое и социальное благополучие. Оно влияет на то, как мы думаем, чувствуем и действуем. Ключевыми компонентами психического здоровья являются:

- Самопринятие и самоуважение: позитивное отношение к себе.
- Позитивные отношения с другими: способность строить и поддерживать здоровые межличностные связи.
- Автономия: способность к независимому мышлению и действиям, саморегуляции.
- Управление средой: способность эффективно управлять окружающей средой и справляться с повседневными задачами.
- Цели в жизни: наличие смысла и направления в жизни.
- Личностный рост: чувство непрерывного развития и самореализации [4].

На психическое здоровье влияют различные факторы: биологические (генетика, биохимия мозга), психологические (жизненный опыт, травмы, тип личности, копинг-стратегии) и социальные (уровень поддержки, социально-экономический статус, культурные нормы).

Психосоматика: связь психики и тела

Термин "психосоматика" (от греч. *psyche* – душа, *soma* – тело) обозначает направление в медицине и психологии, изучающее влияние психологических факторов на возникновение и течение соматических (телесных) заболеваний. Основная идея заключается в том, что неразрешенные эмоциональные конфликты, хронический стресс, подавленные чувства могут "соматизироваться", то есть проявляться через физические симптомы или способствовать развитию заболеваний [2].

Механизмы этой связи сложны и включают влияние стрессовых гормонов (кортизол, адреналин) на иммунную, сердечно-сосудистую и другие системы, а также формирование устойчивых паттернов мышечного напряжения в ответ на эмоциональные переживания.

Роль физической тренировки в поддержании здоровья

Физическая активность оказывает многогранное положительное влияние на организм:

- Физиологические эффекты: Улучшение работы сердечно-сосудистой и дыхательной систем, нормализация обмена веществ, укрепление опорно-двигательного аппарата.
- Психологические эффекты: Выработка эндорфинов ("гормонов радости"), снижение уровня гормонов стресса, улучшение качества сна, повышение самооценки, отвлечение от негативных мыслей [3].

Регулярные физические упражнения являются эффективным немедикаментозным средством профилактики и лечения легких и умеренных форм депрессии, тревожных расстройств.

Психосоматическая физическая тренировка: интегративный подход

Психосоматическая физическая тренировка – это подход, который целенаправленно использует движение и физическую активность для воздействия не только на тело, но и на психоэмоциональное состояние, опираясь на принципы осознанности и взаимосвязи психики и тела. Это не просто выполнение упражнений, а процесс, в котором внимание направлено на:

- Телесные ощущения: осознание напряжения, расслабления, дыхания, положения тела в пространстве.
- Связь движения и эмоций: как движение влияет на настроение и как эмоциональное состояние отражается в теле и движении.
- Дыхание: использование дыхательных техник для релаксации или активации.
- Присутствие "здесь и сейчас": фокусировка на текущем моменте выполнения упражнения, без отвлечения на посторонние мысли.

Примеры практик, включающих психосоматические элементы:

- Йога: сочетание асан (поз), пранаямы (дыхательных техник) и медитации для гармонизации тела и ума.
- Тайцзицюань и Цигун: плавные, осознанные движения в сочетании с глубоким дыханием, направленные на улучшение потока энергии и достижение внутреннего равновесия.
- Танцевально-двигательная терапия: использование танца и движения для исследования и выражения эмоций, проработки внутренних конфликтов.
- Осознанный бег или ходьба: практика фокусировки внимания на ощущениях в теле, дыхании, контакте стоп с поверхностью во время бега или ходьбы.
- Методы телесно-ориентированной психотерапии: используют специальные упражнения для снятия хронических мышечных зажимов, связанных с психологическими проблемами (например, метод Фельденкрайза, биоэнергетический анализ Лоуэна) [5].

Механизмы действия психосоматической тренировки:

- Снижение реакции на стресс: осознанные движения и дыхание влияют на парасимпатическую нервную систему, отвечающую за расслабление.
- Развитие «внимательности» тела: улучшает понимание сигналов, которые посылает организм (раннее распознавание стресса или эмоционального дисбаланса).
- «Проживание» эмоций через тело: движение становится способом выявления и освобождения от чувства подавленности.
- Единение разума и тела: развитие способности лучше понимать себя.

Заключение

Психическое здоровье – это состояние, которое постоянно меняется и требует обязательного контроля. Необходимо четко понимать связи между психикой и телом, лежащие в основе психосоматического подхода, что позволит достичь комфортного состояния организма в целом.

Физически активный человек чаще пребывает в хорошем настроении и меньше подвержен стрессу. Психосоматическая физическая тренировка характеризуется осознанностью, вниманием к телесным ощущениям и дыханию. Она не только укрепляет тело, но и помогает глубже понять себя, учит управлять своими эмоциями, эффективно справляться со стрессом и влияет на качество жизни индивидуума в целом.

Психосоматическая тренировка – это важный элемент активности человека, позволяющий достичь гармонии между разумом и телом и укрепить психическое здоровье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс] / Психическое здоровья – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Психическое_здоровье]. – Дата доступа: 14.04.2025.
2. Руководство по психологии здоровья / под ред. А. Ш. Тхостова, Е. И. Рассказовой. – Москва : Издательство Московского университета, 2019. – 840 с. – ISBN 978-5-19-011320-4.
3. Гильфанова А.И. «Влияние физической активности на уровень стресса и эмоциональное состояние человека» // Вестник Казанского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, 2024. – С. 819-825.
4. Жесткова Н.А. Сущность и структура понятия «психологическое здоровье человека» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 3. С. 384–392. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-384-392
5. Фельденкрайз, М. Осознанность через движение: Метод Фельденкрайза / М. Фельденкрайз; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с.

© А. В. Лопарев, 2025

В. А. Лопатин¹✉

Модернизация современной стратегии в системе физической культуры и спорта

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: 777_valery@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема воспитания здоровья у обучающихся в вузе, сохранения активности на академических занятиях, повышение мотивации и работоспособности. В статье представлена гипотеза, что физическая культура, уходящая своими корнями в глубокое прошлое, устоявшимися авторитетными наработками в этой сфере, тормозит инновационные подходы в реабилитационно-оздоровительных мероприятиях. Рассмотрены причины застоя в современном подходе к предмету «Физическая культура». Обозначение назревших изменений комплексной программы обучения. Анализ слабой физической подготовки у юношей и девушек с развитием цивилизации и научно-технического прогресса, пути поиска новых решений. Исследована заинтересованность обучающихся сознательного изучения источников, раскрывающих принципы оздоровительной и лечебной физкультуры.

Ключевые слова: здоровье, физическая культура, оздоровительные мероприятия, спорт

V. A. Lopatin¹✉

Modernization of the modern strategy in the system of physical culture and sports

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: 777_valery@mail.ru

Annotation. This article examines the problem of health education of university students, maintaining activity in academic classes, increasing motivation and performance. The article presents a hypothesis that physical education, rooted in the deep past, with established authoritative developments in this area, slows down innovative approaches to rehabilitation and health activities. The reasons for stagnation in the modern approach to the subject "Physical Education" are considered. Designation of urgent changes in the comprehensive training program. Analysis of poor physical fitness in young men and women with the development of civilization and scientific and technological progress, ways to find new solutions. The interest of students in consciously studying sources that reveal the principles of health and therapeutic physical education is studied.

Keywords: health, physical education, health activities, sport

Введение

Рассмотреть процесс физического воспитания на основе ценностей, ориентированных на здоровье. Выявить механизм развития в сфере физической культуры, учитывающий современную мотивацию в развитии личности в сфере физической культуры.

Методы и материалы

Формирование здорового человека, улучшение его физических и умственных возможностей – актуальная цель физического воспитания во все времена. Реализация оздоровительных мер происходит на академических занятиях в вузе, где повышается работоспособность и социальная активность в сохранении здоровья. Укрепление здоровья молодёжи с помощью системы физического воспитания, как важнейшей задачи направлено на гармоничное, функциональное состояние организма.

Современное общество со всеми своими преимуществами в цивилизационном развитии по факту представляет собой «айсберг», где малая часть видна в виде пропаганды здорового образа жизни и большая скрытая часть направлена на разрушение здоровья молодёжи, ориентация молодого поколения на ложные ориентиры, прикрытые модными веяниями, технологиями управления через гаджеты и другие средства информации. В чём это проявляется? Как ни странно, но таких причин можно перечислять на несколько докторских диссертаций. Если быть кратким, то на первый взгляд можно отметить снижение мотивации обучающихся в личном сохранении здоровья средствами физкультуры, повышенным потоком информации, что здоровье можно сохранять с помощью медицины. Услуги медиков во всех направлениях рекламируются, как единственно возможное средство быть здоровым. При этом не упоминается, что медицина занимается решением вопросов с проявившимися болезнями в теле человека и пытается лечить болезненные симптомы. В то время, как физическая культура могла бы поддерживать здоровье на должном уровне без обращения в медицинские учреждения. Этот фактор свидетельствует о том, что пропаганда физической культуры проигрывает в пропаганде здорового образа жизни. И сегодня, конечно, мы можем понимать, почему сложилось такое положение. Фармкорпорации имеют сильное влияние на средства массовой информации и задача бизнеса в платной медицине – это заработать больше денежных средств при продаже своей продукции. Как банально просто – бизнес и ничего личного. Что в такой ситуации может сделать преподаватель физической культуры? Многие скажут, какой может быть вопрос? Система физической культуры отшлифована столетиями практики. Всё продумано до мелочей, схема проведения занятий описана многими учёными. Настораживает только то, что не всё так хорошо в системе физического воспитания, что хорошо было вчера. Соглашусь, что предписанный двигательный режим оказывает своё позитивное воздействие на обучающихся в вузе. Но если вы имеете многолетний опыт преподавания, то обратите внимание, что мотивация двигательной активности на академических занятиях полностью отсутствует за редким исключением. И те обучающиеся проявляющие активность в скором времени переходят в спортивные секции, т.к. пассивность других обучающихся, которые пришли отбыть время для получения зачёта по предмету не способствует атмосфере бодрого настроения в получении новых навыков и знаний.

Торможению в реабилитационно-оздоровительных мероприятиях, так же способствует косность системных подходов, проверенных временем, но отвеча-

ющим реалиям сегодняшнего дня. Во все времена физическая культура и спорт были ориентированы на формирование качеств, необходимых в любых конфликтных ситуациях, готовности к труду и обороне [1]. Вот и вновь введённый комплекс ГТО подтверждает эту теорию. Устаревшие догмы в построении рисунка академического занятия утратили свою актуальность. В спортивные залы пришло новое поколение, пока не проявившее себя во всех сферах, но отличное от поколения вчерашнего дня. Молодые ребята хотят строить новое общество, ставят амбициозные задачи по улучшению жизни общества, а именно без вражды к ближним, а созидания, улучшения общего порядка в мире.

Однако в силу своего возраста и отсутствия жизненного опыта обучающиеся вынуждены выполнять приказы и задания преподавателей, которые не желают меняться вместе с новым поколением. По сей день проходят смотры строевой подготовки, строевые упражнения и перестроения на академических занятиях под благовидным предлогом патриотизма. Только, как подобные занятия могут благотворно повлиять на здоровье? Думаю, это вопрос, над которым необходимо задуматься многим специалистам в области физической культуры. Очередным уничтожителем мотивации обучающихся можно назвать гендерное противостояние.

Юноши и девушки в общем строю на равных в большей части упражнений занимаются вместе [2]. В такой ситуации невозможно использовать индивидуальный подход. Особенности женского и мужского организмов настолько разнятся, что занятия в общих группах приводят к психологическим срывам обучающихся. Девушка проигравшее единоборство с юношей в следующий раз обязательно пропустит занятие, если вообще не откажется от посещения занятий по физкультуре.

Улучшить положение помогут инновационные подходы, опять же повторюсь, при условии, что преподаватель имеет опыт, педагогическое образование и желание помогать обучающемуся получать новые знания, как элементов упражнения, так и наблюдения за собственным организмом, отслеживая различные параметры - пульс, дыхание, головокружение, тошнота, боли в мышцах и прочее.

Изменить застой в программе обучения, сделать занятия интересными, эмоциональными, приносящими радость от движения способны инновационные решения [3]. И здесь авторитарность принятых программ является камнем преткновения. Эти программы настроены на беспрекословное выполнение заданий, без учёта физических и моральных качеств студента. Оправданием этому может служить создание дисциплины на занятии, соблюдение техники безопасности. В этом кроется главная проблема – обучающийся лишён выбора для принятия самостоятельных решений и такое положение дел можно считать насилием над обучающимся. Хотя многие специалисты считают, что с введением элективных курсов они решили данную проблему. Но не всё так просто. Элективные курсы предлагают на выбор ограниченный круг занятий и большинство обучающихся записываются на курсы не от любви к определённому виду спорта, а как к наименьшему злу. В чём на мой взгляд можно активировать инновационный под-

ход? Первое, что лучше применить, это удалить барьер между студентом и преподавателем. Допустить, что обучающиеся имеют индивидуальные особенности и не похожи друг на друга. Каждый имеет свой характер, физическую и психологическую закалку. Учитывая эти показатели дать возможность в принятии решений обучающимся в создании интересного занятия. Здесь важна роль преподавателя-руководителя, основной стержень проведения занятия естественно остаётся в его руках. Но мнение каждого обучающегося должно быть услышано и обсуждено в группе для принятия общего решения.

Экологические и социальные факторы привнесли в общество подрастающего поколения негативные моменты в виде слабой физической подготовки и часто полностью отсутствующих навыков конкретных физическими упражнениями, как в гимнастике, так и игровых видах с мячом [4]. Это касается академических занятий, понятно, что малая часть обучающихся в школьном возрасте, благодаря родителям посещали спортивные секции и они продолжили совершенствование в соответствующих группах в вузе. В данном возрастном периоде очень важно донести до сознания обучающихся, что необходимо дополнительно заниматься самосовершенствованием, а именно не только делать физзарядку, но знакомиться со специальной литературой, где есть знания о строении тела, его функциях и как физическая нагрузка влияет на организм. Так же, например, как с помощью элементов лечебной физкультуры скорректировать свою осанку или улучшить состояние травмированной области. По моим наблюдениям обучающиеся не придают этому важного значения для дополнительного образования, но всегда прислушиваются если им рассказывает об этом наставник. Обобщая можно сказать, мотивация на здоровье послужит добрым знаком в развитии личности, человека сегодняшнего дня и будущего. Для освещения гипотезы и других вопросов, поднятых в этой статье, был проведён анонимный опрос среди 144 студентов в вузе города Новосибирска. 52 % респондентов поддерживают необходимость инновационных действий в структуре академических занятий. 84 % обучающихся не связывают академические занятия с позитивным воздействием на здоровье. 62 % отметили, что их физическая подготовка не соответствует требованиям при выполнении контрольных нормативов. 21 % готовы осознанно начать изучать дополнительную литературу по лечебной физкультуре. Так же больший процент опрошенных признали отсутствие мотивации для посещения академических занятий.

Заключение

Таким образом, проявляется картина полного отсутствия мотивации у студентов при старых подходах в взаимодействии с обучающимися. Образовательный процесс необходимо модернизировать исходя из новых потребностей студенческой молодёжи. Найти ключ к осознанному подходу к физическим упражнениям, преподавателю быть равным студентам и при этом оставаться старшим наставником.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лопатин В.А., Ковалева М.И. «Формирование здорового образа жизни современных студентов на занятиях по физической культуре.» Журнал: «Сибирский учитель». СГУГиТ, 2021. - № 5(138). – С. 48-51.
2. Дорошенко А. В. Дозирование физических нагрузок студенток с учетом особенностей типов телосложения на занятиях физической культурой /А. В. Дорошенко, В. В. Сычевич // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2021. - №201. – с. 166-177
3. Толстова Т.И. инновационный подход в повышении физической активности на основе формирования физической грамотности/ Т.И. Толстова, Г. В. Пономарёва, В. Д. Прошляков и др. // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. - №1. – С.259 – 264. Doi: 10. 24411/2073 - 3305 – 2022 – 1 – 259 – 264.
4. Лисицкая Т. С. Общеразвивающая и оздоровительная гимнастика. Теория и методика обучения: монография. /Т. С. Лисицкая, С. А. Кувшинникова, Л.А. Новикова, К. Г. Клецов. – М.: РУСАЙНС, 2022. – 202 с.

© В. А. Лопатин, 2025

В. А. Лопатин¹✉

Поиск компетентного подхода в преподавании физической культуры в вузе

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: 777_valery@mail.ru

Аннотация. В статье автор показывает предмет Физическая культура с точки зрения и восприятия его студентом высшего учебного заведения. Гипотетически предполагается определить недостаточность современных форм преподавания. С помощью, анализа, анкетирования, дискута и фокус – групп выясняется отношение к физической культуре у студентов. Обозначены проблемы обучающихся студентов в погружении в этот предмет. Зафиксировано внимание на оздоровительной, генеральной цели занятий физической культурой. Показаны возможные стратегии в углублении компетенций студентов на занятиях физической культурой с помощью междисциплинарного симбиоза и познания механизмов функционирования человеческого организма.

Ключевые слова: здоровье, физическая культура, оздоровительные мероприятия

V. A. Lopatin¹✉

The search for a competent approach in teaching physical education at the university

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies,
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: 777_valery@mail.ru

Annotation. In the article, the author shows the subject of Physical education from the point of view and perception of it by a student of a higher educational institution. Hypothetically, it is supposed to determine the insufficiency of modern forms of teaching. With the help of analysis. The students' attitude to physical culture is clarified through questionnaires, discussions and focus groups. The problems of students studying in immersion in this subject are outlined. Attention is focused on the health-improving, general purpose of physical education classes. Possible strategies for deepening students' competencies in physical education classes through interdisciplinary symbiosis and knowledge of the mechanisms of functioning of the human body are shown.

Keywords: health, physical education, recreational activities

Введение

В данной статье рассматривается проблема воспитания здоровьесбережения у студентов в вузе, сохранения активности на академических занятиях, повышение мотивации и работоспособности. Выдвинута гипотеза, что физическая культура, уходящая корнями в глубокое прошлое, своими наработками тормозит инновационные подходы в реабилитационно-оздоровительных мероприятиях. Рассмотрены причины застоя в современном подходе к предмету «Физическая куль-

тура». Обозначены назревшие изменения комплексной программы обучения. Проведён анализ слабой физической подготовки у юношей и девушек с развитием цивилизации и научно-технического прогресса, пути поиска новых решений. Исследована заинтересованность обучающихся в сознательном изучении источников литературы, раскрывающих принципы оздоровительной и лечебной физкультуры.

Методы и материалы

Для изучения вовлеченности студентов в освоение прикладных аспектов оздоровительной и лечебной физической культуры был применен комплексный методологический подход, включающий анкетирование, проведение фокус-групп, дискуссии и аналитические процедуры.

Анкетирование осуществлялось с использованием специально разработанного инструментария, включающего вопросы, направленные на оценку уровня информированности студентов о принципах оздоровительной физической культуры, их мотивации к занятиям физическими упражнениями, предпочтениях в выборе видов физической активности, а также на оценку эффективности существующих программ физической культуры в университете.

Анкета была анонимной и распространялась среди студентов всех институтов университета. Обработано более 200 анкет. Результаты получены с помощью статистического анализа. Просмотрены фокус-группы с участием студентов (по 8 – 10 человек в группе), представляющих различные уровни физической подготовки и мотивации к занятиям физической культурой и спортом. Проведены дискуссии в группах.

Результаты

Результаты анкетирования показали низкий уровень осведомленности студентов о принципах оздоровительной и лечебной физкультуры, только 17 % респондентов смогли озвучить 2-3 принципа физического воспитания (систематичность, оздоровление, постепенность) с помощью наводящих вопросов преподавателя [1]. В слабой и волнообразной мотивации к самостоятельным занятиям признались 48 % опрошенных. Многие студенты испытывают трудности с выбором подходящих видов физической активности, таких выявилось 23 %. Об отсутствии навыка в организации самостоятельного занятия физическими упражнениями сказали 32 %. Посещают занятия для здоровья 18 % опрошенных, 68 % – для получения зачёта. На тренировочные занятия по различным видам спорта для получения зачёта ходят 12 % и 6 % посещают с целью повышения спортивного мастерства.

В ходе обсуждений были определены ключевые препятствия и факторы, мотивирующие студентов заниматься спортом, а также разработаны рекомендации по совершенствованию программ физического развития. В ходе обсуждения, 64 % участников сослались на большую занятость в процессе обучения в вузе, необходимость работать и отсутствие энергии, необходимой для здорового образа жизни. Стимуляторами движения и познания своего здоровья были выдвинуты:

желание соответствовать современным эталонам красивого, здорового человека и желание быть «как все», «ходить на спорт». Фокус-группы подтвердили эти данные, выявив ряд факторов, снижающих мотивацию: нехватка времени, отсутствие интереса к предлагаемым видам спорта и неудобный график занятий.

Проведен анализ действующих программ физической культуры в вузе, сравнение их с современными методическими рекомендациями и лучшими мировыми практиками. Анализ эффективности программ осуществлялся на основе изучения информации о физической форме учащихся (тесты на выносливость, силу, гибкость), а также их удовлетворённости занятиями и изменений в состоянии здоровья. Выяснилось, что существующие программы не в полной мере учитывают индивидуальные особенности студентов и не связаны с другими предметами, такими как анатомия и психология, которые способствуют формированию здорового образа жизни [2].

Обсуждение

Современная стратегия физической культуры в вузе нуждается в кардинальной модернизации. Необходимо перейти от традиционной модели общефизической подготовки к индивидуализированному подходу, учитывающему потребности и возможности каждого студента [3]. Предлагается внедрить инновационные методы обучения, использовать интерактивные технологии, развивать мотивацию студентов через игровые формы занятий и включение в программы интересных и доступных видов спорта. Важно также усилить образовательную компоненту предмета «Физическая культура», сосредоточившись на принципах оздоровительной и лечебной физкультуры, профилактике заболеваний и формировании навыков здорового образа жизни [4]. Необходима тесная коллаборация с другими подразделениями вуза (медицинская служба, пункты питания, психологическая служба, геодезический полигон) для создания широкой системы здоровьесбережения студентов СГУГиТ. Внедрение системы мониторинга здоровья студентов позволит своевременно выявлять проблемы и принимать необходимые меры по их предотвращению. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность процесса физического воспитания в вузе и будет способствовать формированию здорового и активного образа жизни у студенческой молодёжи. Формирование здорового человека, улучшение его физических и умственных возможностей – актуальная цель физического воспитания во все времена. Реализация оздоровительных мер происходит на академических занятиях в вузе, где повышается работоспособность и социальная активность в сохранении здоровья [5]. Укрепление здоровья молодёжи с помощью системы физического воспитания, как важнейшей задачи направлено на гармоничное, функциональное состояние организма.

Заключение

Таким образом, становится очевидным факт, что в образовательном процессе произошёл перекосяк в сторону развития силы, скорости, координации движений, а вопрос о целостности организма остаётся открытым [6]. Обучающиеся

имеют пробел в знаниях, как функционируют органы и системы организма на спортивных площадках и в обычной жизни. Как самостоятельно провести для себя занятие. Это недостающее звено в понимании всех процессов смогут компенсировать дополнительные обучающие программы в виде лекционных вливаний и проговаривании преподавателем на практических занятиях основ физической культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лопатин В.А. Формирование здоровьесберегающих компетенций в вузе средствами физической культуры // Педагогика, психология, общество: новая реальность: мат. всерос. науч.- практ. конф. с международным уч. (г.Чебоксары, 22 января 2021 г.) / под ред. Ж. В. Мурзиной. Чебоксары: Среда, 2021. – 260-262.
2. Лопатин В. А., Ковалева М.И. Формирование здорового образа студентов посредством занятий физической культуры // Научная электронная библиотека eLibrary.ru – 2021. – 48-51с.
3. Михайлов С. Л., Беличева Т. В., Боков А. В. Повышение эффективности занятий физической культурой в вузе на основе изучения мотивов и интересов физкультурной деятельности студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2018. - № V12. - 0,4 п. л.
4. Пономарева И.А., Физиология физической культуры и спорта: учебное пособие / И.А. Пономарева: Издательство Южного федерального университета, 2019. – С. 16.
5. Пащенко Л. Г. Самостоятельная физкультурно-спортивная деятельность молодежи в условиях досуга в аспекте социологического анализа /Л. Г. Пащенко, О. А.
6. Губа В. П. Современные реалии физкультурно-спортивного образования / В. П. Губа, С.Д. Неверкович // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2021. - №5. – с. 31-34

© В. А. Лопатин, 2025

Е. А. Малютина¹✉, Д. В. Панов¹, С. В. Пахомова¹, Н. Ю. Пичугина²

Влияние учебных занятий по плаванию на качество физической подготовки будущих специалистов СГУВТ

¹ ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта»,
г. Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: malutinakatya1983@mail.ru

Аннотация. Основная тема статьи – влияние учебных занятий по плаванию, включая прикладное и адаптивное плавание, на качество физической подготовки будущих специалистов СГУВТ. Исследование направлено на анализ эффективности учебного процесса и его воздействия на физическое развитие и подготовленность будущих специалистов. Проведен анализ динамики физической подготовленности студентов в результате систематических занятий, а также рассмотрены особенности методик обучения с учетом специфики профессиональной деятельности. Представлены результаты экспериментальных исследований, подтверждающие эффективность плавательной подготовки для формирования профессионально важных физических качеств. Результаты показывают, что систематические занятия плаванием значительно улучшают общую физическую подготовку студентов, способствуя формированию необходимых навыков и укреплению здоровья.

Ключевые слова: плавание, прикладное плавание, студенты, физическая подготовка

E. A. Malyutina¹✉, D. V. Panov¹, S. V. Pakhomova¹, N. U. Pichugina²

The Influence of Swimming Training on the Quality of Physical Training of Future Specialists of SSUWT

¹Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russian Federation

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: malutinakatya1983@mail.ru

Abstract. The main topic of the article is the impact of swimming training sessions, including applied and adaptive swimming, on the quality of physical training of future SSUVT specialists. The study is aimed at analyzing the effectiveness of the educational process and its impact on the physical development and preparedness of future specialists' professional activity. The results of experimental studies confirming the effectiveness of swimming training for the formation of professionally important physical qualities are presented. The results show that systematic swimming classes significantly improve the overall physical fitness of students, contributing to the formation of the necessary skills and health promotion.

Keywords: swimming, applied swimming, students, physical training

Введение

Физическая подготовка играет ключевую роль в системе профессионального обучения будущих специалистов Сибирского государственного университета водного транспорта (СГУВТ). Она тесно связана с различными учебными дисциплинами профессиональной подготовки и вопросами безопасности жизнедеятельности. Междисциплинарные связи обеспечивают формирование целостной психофизической и функциональной готовности выпускников к профессиональной деятельности. Это включает способность эффективно действовать в условиях длительной плавательной практики на судне, а также в экстремальных ситуациях. Особую актуальность в этом процессе приобретают прикладное и адаптивное плавание, оказывающие комплексное воздействие на организм и психику, позволяющие не только укреплять здоровье, но и формировать специфические навыки и качества обучающихся, необходимые в будущей профессиональной деятельности, в том числе студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Методы и материалы исследования

В исследовании использовались методы анализа и обобщения наблюдения за педагогическим экспериментом на базе ЛВСП (лаборатории водноспортивной подготовки) университета [1]. В качестве объекта исследования выступали студенты СГУВТ 1 – 3 курсов, обучающиеся по плавающим специальностям, в том числе лица с ограниченными возможностями здоровья. Всего в эксперименте участвовало 50 человек (юноши и девушки в возрасте 17 – 24 года). Занятия по плаванию проводились в течение учебного года с периодичностью 2 раза в неделю, длительность одного занятия – 90 минут. Практические занятия проходили в 25-метровом бассейне с шестью дорожками, оборудованном залами для общей и специальной физической подготовки [1].

В учебном плане СГУВТ в блоке Элективных дисциплин разработаны в соответствии с ФГОС рабочие программы дисциплин «Общая физическая подготовка», «Адаптивная физическая культура» [2]. Программа обучения рассчитана на 3 года.

В 1, 3, 5 семестрах на практических занятиях студенты изучают и совершенствуют технику плавания стилей кроль на груди, кроль на спине, брасс. Повышают уровень функциональных и двигательных способностей, формируют качества и свойства личности, практически овладевают методами и средствами плавания через приобретение личного опыта [3].

Во 2, 4, 6 семестрах студенты проходят разделы плавание и прикладное плавание:

- приемы страховки, помощи, само страховки. Овладение приёмами поддержки дыхания, продолжительного плавания под водой, способами «продувки» ушей [3];
- расширение двигательных навыков прикладного плавания. Овладение приёмами доставания со дна и транспортировки пострадавших;

- повышение устойчивой способности сохранять двигательные действия в воде. Совершенствование навыков проведения поисково-спасательных работ [3].

Для оценки динамики использовались результаты мониторинга контрольных нормативов физической подготовленности, предусмотренные в каждом разделе и семестре обучения – тест Купера 12-минутное плавание вольным стилем.

Результаты

По итогам проведенного эксперимента зафиксировано достоверное улучшение показателей физической подготовленности студентов. Средние результаты по тесту Купера увеличились с 250 м до 450 м, что свидетельствует о росте выносливости и функциональных резервов организма. Проведённые занятия показали, что систематическое использование плавания способствует формированию у обучающихся уравновешенного и сильного типа нервной деятельности, способствует профилактике и коррекции ряда заболеваний. У студентов, участвовавших в адаптивных и прикладных занятиях, отмечено не только улучшение осанки, повышение подвижности суставов, укрепление мускулатуры и увеличение общей выносливости, но и снижение уровня ситуативной тревожности, повышение стрессоустойчивости и эмоционального тонуса. Гидромеханические свойства воды, такие как гидростатическое давление и сопротивление, способствовали улучшению кровообращения, лимфооттока и обмена веществ. Занятия плаванием повысили резистентность организма к простудным заболеваниям и стрессовым воздействиям.

Обсуждение

Особое значение имеют прикладные и адаптивные методики, позволяющие учитывать индивидуальные особенности студентов и специфику профессиональной деятельности будущих специалистов водного транспорта. Полученные результаты подтверждают высокую эффективность плавания как средства физической, психической и профессиональной подготовки будущих специалистов СГУВТ плавающих специальностей.

Прикладное плавание представляет собой совокупность навыков и умений, позволяющих человеку эффективно выполнять задачи в водной среде. Оно включает в себя не только способность поддерживать плавучесть, но и выполнение специфических действий, направленных на обеспечение безопасности и спасение в экстремальных ситуациях. В частности, прикладное плавание подразумевает:

- Выполнение жизненно необходимых функций в водной среде.
- Оказание помощи лицам, терпящим бедствие на воде.
- Преодоление водных преград.
- Выполнение длительных заплывов.
- Поиск и извлечение предметов со дна водоема с последующей буксировкой на берег.

Включение элементов адаптивного плавания в образовательный процесс способствует укреплению здоровья и развитию профессионально важных качеств: стрессоустойчивости, способности к быстрому принятию решений в экстремальных условиях, командной работе, позволяет повысить доступность и эффективность занятий для студентов с ограниченными возможностями здоровья, формируя дополнительные профессиональные компетенции. Особое значение имеет доступность спортивной инфраструктуры, позволяющая организовать занятия для широкого круга обучающихся, включая лиц с инвалидностью. Важно отметить, что положительный эффект достигается при условии систематичности, индивидуализации и соблюдения принципов безопасности.

Заключение

Условия работы на морском и речном судне проходят в условиях связанных с определенным риском для здоровья и жизни членов экипажа. Факторы, формирующие судовую среду обитания: ограниченность пространства, гиподинамия, климатические условия, качка, шум, вибрация [4].

Учебные занятия по плаванию, в том числе прикладному и адаптивному, оказывают положительное влияние на физическую подготовленность, профилактику профессиональных заболеваний, обеспечивают оптимальный уровень сохранения здоровья студентов плавающих специальностей СГУВТ будущих специалистов [4]. Его интеграция в образовательный процесс способствует укреплению здоровья, развитию профессионально важных качеств, профилактике и коррекции различных нарушений. Развитие спортивной инфраструктуры университета создает условия для реализации комплексных программ физической подготовки, что положительно сказывается на качестве профессионального образования и социальной интеграции студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Навыки и умения в плавании важны для тех, чья работа напрямую или косвенно связана с водной стихией: моряков, строителей гидроэлектростанций и спасателей. Полученные результаты, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования программ плавательной подготовки с учетом профессиональных требований и индивидуальных особенностей обучающихся. Внедрение современных методик способствует формированию устойчивых профессионально важных физических и психоэмоциональных качеств.

Человек, который уверенно держится на воде, знает, как спастись и выжить в воде, не поддаётся панике и способен адекватно оценивать ситуацию, может помочь тем, кто попал в беду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байков, Е.П. Кафедра физического воспитания и спорта: страницы истории Ч.1/ *Е.П. Байков*. – Новосибирск: Новосиб. гос. акад. вод. трансп., 2013. – 83 с.
2. Рабочая программа дисциплины «Физическая культура» в СГУВТ Режим доступа: [[https://www.ssuwt.ru/sveden/files/zia/2024-2025_26_05_07_01-ETU-24-ofo-24-25_plx_Obschaya_fizicheskaya_podgotovka_Ekspluatatsiya_sudovogo_elektooborudovaniya_i_sredstv_avtomatiki\(1\).pdf](https://www.ssuwt.ru/sveden/files/zia/2024-2025_26_05_07_01-ETU-24-ofo-24-25_plx_Obschaya_fizicheskaya_podgotovka_Ekspluatatsiya_sudovogo_elektooborudovaniya_i_sredstv_avtomatiki(1).pdf)]. – Дата доступа: 04.05.2025.

3. Байков Е.П., Пахомова С.В., Малютина Е.А. статья Влияние учебных занятий по физическому воспитанию студентов СГУВТ на физкультурно-спортивную работу университета. Актуальные проблемы развития и совершенствования системы физического воспитания для подготовки специалистов в транспортной отрасли: сборник трудов VI Междунар. науч.-практ. конф. / Ред. колл.: Т.Ю. Маскаева, М.А. Овсянникова. – М.: РУТ (МИИТ), 2024. – 206 с.

4. Сафонова, С.В. Физическая культура и спорт. Методика самостоятельных занятий при длительном пребывании в условиях ограниченного пространства и риске гиподинамии: учебно-методическое пособие / С.Н. Сафонова, Э.П. Цепелев, С.В. Пахомова, Е.Н. Перова. – Новосибирск: Сибир. гос. унив. водн. трансп., 2022.

© Е. А. Малютина, Д. В. Панов, С. В. Пахомова, Н. Ю. Пичугина, 2025

А. В. Мирный¹✉

Влияние образа жизни современного студента вуза на качество обучения

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: mirn-alexandr@yandex.ru

Аннотация. Образ жизни современного студента оказывает огромное влияние на качество обучения в ВУЗе. Можно предположить, что образ жизни складывается из нескольких факторов: физическая активность, подверженность стрессу, социальная жизнь студента, сбалансированное питание для поддержания когнитивных функций и общего здоровья. Физическая активность, такая как медитация и занятия спортом, повышает продуктивность, снижает стресс и повышает качество жизни. Важность социальных связей и поддержки со стороны сверстников также выделяется как фактор, способствующий эмоциональному благополучию и успешному обучению. Важно исследовать эти и другие факторы, чтобы понять их влияние на качество обучения.

Ключевые слова: студенты, образ жизни, успеваемость, качество обучения, активность

A. V. Mirny¹✉

The Impact of the Lifestyle of a Modern Student on the quality of Education

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: mirn-alexandr@yandex.ru

Annotation. The lifestyle of a modern student has a huge impact on the quality of education at the university. It can be assumed that the lifestyle consists of several factors: physical activity, exposure to stress, social life of the student, balanced nutrition to maintain cognitive functions and general health. Physical activity, such as meditation and exercise, increases productivity, reduces stress, and improves quality of life. The importance of social connections and peer support is also highlighted as a factor contributing to emotional well-being and successful learning. It is important to investigate these and other factors in order to understand their impact on the quality of education.

Keywords: students, lifestyle, academic performance, quality of education, activity

Современные студенты сталкиваются с ускорением темпа жизни, возрастанием учебной нагрузки и динамичными изменениями в образе жизни. Образ жизни представляет собой сложную систему факторов, оказывающих разностороннее влияние на академическую успеваемость. Одним из ключевых детерминантов академической успешности является здоровье, понимаемое как состояние физического, психического и социального благополучия индивида, при котором отсутствуют патологические процессы и функциональные нарушения в организме [1].

Элементы образа жизни можно классифицировать по нескольким категориям:

1. Питание;
2. Режим дня;
3. Физическая активность;
4. Психоэмоциональное состояние, социальные связи.

Питание является ключевым фактором, определяющим качество жизни студентов и их академическую успеваемость. В условиях современного образовательного процесса, характеризующегося высокой интенсивностью и постоянным стрессом, значение сбалансированного питания часто недооценивается. Тем не менее, именно оно играет центральную роль в поддержании как физиологического, так и психоэмоционального здоровья, что напрямую влияет на когнитивные функции, способность к обучению и уровень концентрации. Научные исследования подтверждают, что студенты, придерживающиеся сбалансированного рациона, имеют более высокий уровень энергии, демонстрируют лучшую стрессоустойчивость и реже испытывают проблемы со здоровьем.

В то же время дефицит эссенциальных нутриентов, таких как омега-3 полиненасыщенные жирные кислоты, витамины группы В и антиоксиданты, может негативно сказываться на когнитивных функциях, включая память и концентрацию.

Среди студентов часто наблюдаются проблемы, связанные с питанием: из-за нехватки времени часто едят фастфуд, кондитерские изделия и полуфабрикаты. Это может способствовать появлению избыточной массы тела и более серьезных патологий организма, что часто влияет на их физическое состояние и академическую успеваемость.

Занятия физкультурой положительно влияют на весь организм: улучшается работа сердечно-сосудистой системы, улучшаются силовые качества, нормализуется масса тела. При двигательной активности вырабатываются эндорфины, что положительно влияет на психоэмоциональное состояние. Регулярные физические нагрузки позволяют поддерживать психическое здоровье и снизить уровень стресса. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рекомендует взрослым уделять физической активности не менее 2,5 часов в неделю при умеренной интенсивности или 1,5 часа при высокой интенсивности. Для этого можно задействовать аэробные упражнения, силовые тренировки и комплекс упражнений на растяжку [2].

Из-за длительного нахождения в положении сидя студенты часто сталкиваются с проявлениями гиподинамии. Двигательная активность позволяет не только бороться с гиподинамией, но и снизить уровень стресса, улучшить психоэмоциональное состояние, что важно для студентов во время академических нагрузок. К сожалению, студенты не всегда имеют должную мотивацию и время для занятий физкультурой и спортом по причине высокой учебной нагрузки и занятости профессиональной деятельностью. Актуальным становится разра-

ботка и внедрение стратегии, направленной на интеграцию физической активности в повседневную жизнь студентов.

В условиях современного высшего образования, характеризующегося высокими требованиями, конкурентной средой и значительными нагрузками, студенты часто сталкиваются с различными стрессовыми ситуациями, которые могут негативно сказываться на их психическом здоровье и учебной успеваемости [3].

Хронический стресс вызывает эмоциональное выгорание, снижение мотивации и когнитивных функций, что негативно сказывается на успеваемости студентов. Социальная поддержка уменьшает стресс и улучшает психоэмоциональное состояние. Участие в групповых проектах и спортивных секциях укрепляет социальные связи.

Режим дня и качество сна существенно влияют на успеваемость. Недостаток сна ухудшает внимание, аналитические способности и память, что затрудняет учебный процесс.

Оптимальная продолжительность сна для молодежи составляет 7 – 9 часов в сутки. Соблюдение режима сна, помогает сделать отдых более качественным и повысить эффективность работы организма в течение дня [4].

Среди студентов ВУЗа «СГУГиТ» была проведена серия опросов касательно описанных составляющих для оценки образа жизни студентов 1 – 4 курсов. В опросах приняло участие 217 обучающихся разных направлений.

При анализе режима питания студентов выяснилось, что лишь 29 % респондентов едят не менее трех раз в день. Большая часть (44 %) питаются как минимум дважды, а 27 % ограничиваются одним приемом пищи. Временные промежутки между приемами пищи варьируются: 25 % опрошенных делают перерыв в 3 – 4 часа, у 71 % опрошенных промежутки между приемами пищи составляет более 6 часов. У большинства участников опроса основной прием пищи по объему и калорийности происходит в вечернее время. Кроме того, 40 % студентов отмечают, что употребляют фастфуд или полуфабрикаты не реже одного раза в неделю.

В результате опроса касательно физической активности выяснилось, что лишь 29 % респондентов занимаются физической активностью не реже трех раз в неделю. Большинство (50 %) студентов занимаются спортом или физическими упражнениями 1 – 2 раза в неделю, в то время как 21 % опрошенных не занимаются физической активностью вообще. Что касается предпочтений в видах активности, 40 % студентов предпочитают командные виды спорта, такие как футбол и волейбол, тогда как 30 % отдают предпочтение индивидуальным тренировкам, включая бег и фитнес. Около 20 % респондентов занимаются другими видами физической активности.

В ходе анализа ответов на опрос о «режиме дня» среди студентов было установлено, что большинство из них спят от 6 до 8 часов в сутки, хотя оптимальная продолжительность сна составляет 7 – 8 часов. Примерно половина респондентов не высыпается. При этом не учитывается дневной сон, который стал нормой для более чем 50 % опрошенных. Из тех студентов, которые спят днем, 42 %

испытывают недостаток сна или высыпаются лишь в выходные дни. Также было выявлено, что лишь 30 % респондентов придерживаются стабильного режима дня. Большинство (55 %) студентов имеют нерегулярный распорядок. Около 15 % опрошенных признались, что вообще не имеют четкого режима.

В заключении можно сделать вывод: образ жизни современного студента ВУЗа оказывает значительное влияние на качество его обучения. Здоровое питание, регулярная физическая активность, поддержание психоэмоционального состояния, развитие социальных связей и эффективное управление временем – все эти факторы играют ключевую роль в формировании успешного студента. Важно осознавать значимость этих аспектов и стремиться к созданию гармоничного образа жизни, который будет способствовать не только академическим достижениям, но и общему благополучию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Давыдов О. Ю. – Характеристика профессиональной направленности личности студентов: социологический аспект – URL: <http://sportlib.info/Press/TPFK/2007N8/p71-72.htm> (дата обращения: 30.04.2025)
2. Вопросы здравоохранения: физическая активность – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/physical-activity> (дата обращения: 01.05.2025)
3. Шукуров Ф.А. – Психоэмоциональное состояние студентов в сравнении с их успеваемостью – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihomotsionalnoe-sostoyanie-studentov-v-sravnenii-s-ih-uspevaemostyu> (дата обращения: 02.05.2025)
4. Международный студенческий научный вестник: Сон и его продолжительность – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13983> (дата обращения: 04.05.2025)

© А. В. Мирный, 2025

Формирование ценностных ориентаций у студентов на занятиях по физической культуре и спорту

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: tepluxin73@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос формирования ценностных ориентаций студентов через занятия физической культурой и спортом (ФКиС) в вузах. Обосновывается важность физической культуры как средства воспитания не только физических, но и духовно-нравственных качеств. Теоретически рассмотрены аспекты формирования ценностей здоровья, нравственности, волевых качеств и эстетического восприятия через спортивную деятельность. На основе анкетирования студентов выявлены доминирующие ценности (здоровье) и определены направления для совершенствования воспитательной работы: усиление нравственного и волевого компонентов, повышение внутренней мотивации и преодоление формального подхода к занятиям. Предложены пути оптимизации процесса формирования ценностных ориентаций.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенты, физическая культура, спорт, здоровый образ жизни, мотивация, педагогический процесс

Е. И. Tepluhin¹✉

Formation of students' value orientations in physical education and sports classes

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: tepluxin73@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the problem of forming students' value orientations through physical education and sports in universities. The importance of physical education as a means of educating not only physical, but also spiritual and moral qualities is substantiated. Theoretically, aspects of the formation of values of health, morality, volitional qualities and aesthetic perception through sports activities are considered. Based on the survey of students, the dominant values (health) were identified and areas for improving educational work were identified: strengthening moral and moral components, increasing internal motivation and overcoming the formal approach to classes. The ways of optimizing the process of forming value orientations are proposed.

Keywords: value orientations, students, physical education, sports, healthy lifestyle, motivation, pedagogical process

Введение

Современное общество предъявляет высокие требования к личности, ее духовному миру, жизненным установкам и ценностным ориентациям. В системе высшего образования одной из ключевых задач становится не только подготовка высококвалифицированных специалистов, но и воспитание гармонично развитой личности, обладающей устойчивой системой ценностей. В этом контексте занятия ФКиС приобретают особое значение, выходя за рамки простого физического

развития и становясь мощным инструментом формирования ценностных ориентаций студентов [1].

Ценностные ориентации – это избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выражающаяся в поведении и определяющая направленность его жизнедеятельности. Они служат внутренним стержнем личности, регулируют ее поведение и мотивируют деятельность. ФКиС, обладая огромным воспитательным потенциалом, способны оказывать существенное влияние на формирование таких ценностей, как здоровье, целеустремленность, ответственность, коллективизм, уважение к сопернику, стремление к самосовершенствованию и др. [2].

Теоретические аспекты формирования ценностных ориентаций

Процесс формирования ценностных ориентаций является сложным и многогранным. Он включает в себя когнитивный (знание о ценностях), эмоциональный (переживание ценностей) и поведенческий (реализация ценностей в деятельности) компоненты. Занятия ФКиС дают возможность задействовать эти компоненты.

1. Ценность здоровья: принятие «здоровья» жизненно важной основой для формирования здорового образа жизни. Регулярные занятия способствуют укреплению физического состояния, появляется потребность в двигательной активности, наблюдается отказ от вредных привычек [3].

2. Нравственные ценности: занимаясь спортом приходится соблюдать правила, проявлять уважение к соперникам и судьям, состязаться честно. Это способствует формированию дисциплинированности, пунктуальности, ответственности. Игровые виды спорта развивают чувство коллективизма и взаимопомощи.

3. Волевые качества: для достижения высоких спортивных результатов необходимо проявление силы воли, настойчивости, терпения. Эти качества, формируемые в спорте, переносятся и на другие сферы жизнедеятельности, включая учебную и будущую профессиональную [4].

4. Эстетические ценности: Красота человеческого тела, грация движений, гармония физического развития также являются важными ценностями, которые могут быть усвоены через занятия ФКиС.

Методика и результаты исследования

С целью изучения текущего состояния и потенциала формирования ценностных ориентаций у студентов на занятиях ФКиС было проведено анкетирование среди 85 студентов 1 – 3 курсов СГУГиТ. Анкета включала вопросы, направленные на выявление доминирующих ценностей, связанных с физической культурой, и оценку влияния занятий на их формирование.

Основные вопросы анкеты (примерные формулировки):

- Что для Вас является наиболее важным результатом занятий физической культурой? (выбор нескольких вариантов: укрепление здоровья, развитие физических качеств, снятие стресса, общение с одногруппниками, получение зачета, формирование характера, другое)

- Считаете ли Вы, что занятия спортом помогают воспитывать такие качества, как целеустремленность и сила воли? (да/нет/затрудняюсь ответить)

- Насколько важна для Вас атмосфера взаимного уважения и поддержки на занятиях? (очень важна/важна/не очень важна/совсем не важна)

- Помогают ли Вам занятия физической культурой лучше организовать свое время и быть более дисциплинированным? (да/нет/затрудняюсь ответить)

- Согласны ли Вы с утверждением, что спорт учит честной борьбе и уважению к правилам? (полностью согласен/скорее согласен/скорее не согласен/полностью не согласен)

Анализ результатов

Обработка полученных данных (85 анкет) позволила сделать следующие выводы:

1. **Доминирующая ценность – здоровье:** Абсолютное большинство опрошенных (72 студента, или 84,7 %) отметили "укрепление здоровья" как наиболее важный результат занятий. На втором месте – "развитие физических качеств" (58 студентов, 68,2 %). "Снятие стресса" выбрали 45 студентов (52,9 %), а "формирование характера" – 38 студентов (44,7 %).

2. **Осознание роли в формировании волевых качеств:** 65 студентов (76,5 %) считают, что занятия спортом помогают воспитывать целеустремленность и силу воли. Однако 12 студентов (14,1 %) затруднились с ответом, что указывает на необходимость акцентирования внимания на этом аспекте.

3. **Значимость социально-нравственных аспектов:** для 69 студентов (81,2 %) "очень важна" или "важна" атмосфера взаимного уважения и поддержки. Это подчеркивает потенциал занятий для формирования коммуникативных навыков и коллективизма. При этом 55 студентов (64,7 %) "полностью согласны" или "скорее согласны", что спорт учит честной борьбе и уважению к правилам.

4. **Влияние на самоорганизацию:** 51 студент (60 %) отметил, что занятия помогают лучше организовать свое время и быть дисциплинированным. Однако 25 студентов (29,4 %) не видят такой связи, что может указывать на недостаточную интеграцию принципов самодисциплины, получаемых на занятиях, в общую жизнедеятельность.

5. **Формальное отношение:** к сожалению, для 18 студентов (21,2 %) основной мотивацией является "получение зачета". "Общение с одногруппниками" как

важный результат отметили 30 студентов (35,3 %). Это тревожный сигнал, указывающий на то, что для части студентов ценностный потенциал физической культуры остается нераскрытым.

Пути оптимизации процесса формирования ценностных ориентаций

На основе анализа результатов и теоретических положений можно предложить следующие направления работы для преподавателей физической культуры:

- **Акцентирование на ценностном содержании:** не просто проводить занятия, а объяснять студентам, какие именно качества и ценности они развивают, выполняя те или иные упражнения или участвуя в играх. Использовать методы убеждения, дискуссии на темы здорового образа жизни, этики спорта [5].

- **Разнообразие форм и методов:** применение широкого спектра средств физического воспитания (подвижные и спортивные игры, элементы различных видов спорта, ОФП) с учетом интересов и возможностей студентов, чтобы повысить их вовлеченность и внутреннюю мотивацию.

- **Создание воспитывающих ситуаций:** моделирование на занятиях ситуаций, требующих проявления волевых усилий, взаимопомощи, ответственности, честности. Например, организация соревнований с четкими правилами и акцентом на уважительное отношение к соперникам.

- **Личный пример преподавателя:** преподаватель физической культуры должен сам быть носителем тех ценностей, которые он стремится привить студентам (приверженность здоровому образу жизни, справедливость, требовательность к себе и другим, оптимизм).

- **Интеграция с другими дисциплинами:** по возможности устанавливать междисциплинарные связи, показывая, как ценности, формируемые на занятиях физической культурой (например, целеустремленность, работоспособность), важны для успешной учебы и будущей карьеры.

- **Вовлечение студентов в организацию:** привлекать студентов к планированию и проведению спортивно-массовых мероприятий, судейству, что способствует развитию ответственности и организаторских способностей.

Заключение

Занятия ФКиС в вузе обладают значительным потенциалом для формирования системы ценностных ориентаций студентов. Это не автоматический процесс, а результат целенаправленной педагогической деятельности. Как показали результаты анкетирования, несмотря на общее признание ценности здоровья, другие важные аспекты, такие как формирование волевых качеств, нравственных устоев и самодисциплины, требуют большего внимания со стороны преподавателей.

Превращение занятий физической культурой из формальной обязанности в осознанную потребность и средство личностного роста – ключевая задача, решение которой будет способствовать воспитанию гармонично развитых, социально активных и ответственных граждан. Систематическая и грамотно выстроенная работа в этом направлении позволит в полной мере реализовать воспитательный потенциал физической культуры и спорта в системе высшего образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пономарев Г.Н., Филиппова С.О., Абзалов Р.А. Физическая культура в высшем образовании: учебник. – М.: КНОРУС, 2018. – 366 с.
2. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие. – М.: Академия, 2010. – 272 с.
3. Виленский М.Я., Горшков А.Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента: учебное пособие. – М.: КноРус, 2018. – 240 с.
4. Ильин Е.П. Психология спорта. – СПб.: Питер, 2016. – 352 с.
5. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – 12-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 496 с.

© Е. И. Теплухин, 2025

*Е. А. Шаталов*¹✉

Земельно-имущественный метод в изучении предмета историко-юридической науки

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: penalize@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, признаки, функции земельно-имущественного метода и его гносеологическое значение в научном исследовании и комплексном осмыслении многообразных общественных отношений прошлого в области развития и эволюции социально-правового, государственного строя, отдельных закономерностей правогенеза на тех или иных стадиях исторического развития человеческого общества.

Ключевые слова: история имущественных отношений, историко-юридическая наука, история государства и права, методология

*E. A. Shatalov*¹✉

The place and role of the land-property method in studying the subject of historical and legal science: theoretical and methodological context

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: penalize@rambler.ru

Abstract. The article examines the concept, features, functions of the land-property method and its epistemological significance in scientific research and comprehensive understanding of diverse social relations of the past in the field of development and evolution of the socio-legal, state system, individual patterns of legal genesis at certain stages of the historical development of human society.

Keywords: history of property relations, historical and legal science, history of state and law, methodology

Предмет историко-юридической науки в силу своей природы охватывает бесконечное множество пластов информации о государственных, общественных и правовых вопросах и делах прошлого, преследуя тем самым возможность глубинного погружения в их существо и контекст исторического времени, изыскивая, тем самым и новые инструментарию, подходы, время от времени выдвигая очередные методологические требования к исследовательскому процессу. Считаем важным, пополнить их число и ввести в дальнейший научный оборот земельно-имущественный метод, который можно определить, как способ комплексного познания истории развития и эволюции некоторых аспектов института собственности, сквозь призму инвентаризационной и оценочной деятельности, установления стоимости имущества, правового режима, отдельных вопросов владения, пользования, распоряжения землей и расположенных на них объектами недвижимости, учреждения регулятивных, контрольных механизмов,

разрешения юридических конфликтов в этой области отношений и влияния указанных процессов на иные сферы юридической жизни общества.

В связи с данным определением, можно сформулировать следующие признаки, характерные для земельно-имущественного метода, с позиции исследования исторического прошлого, подчеркивающие его научную значимость в этом направлении:

1. Ориентирован на изучение вектора развития земельно-имущественных отношений, указывая тем самым, на сколько глубоко происходили изменения в формах собственности на земельные ресурсы, юридическую упорядоченность их использования, сохранение в различные периоды времени, отражая в том числе закономерности влияния на разнообразные социальные отношения, приемы, способы, подходы административного управления общественными делами со стороны государственных институтов.

2. Позволяет проследить историческую судьбу недвижимого имущества, изменения статуса объектов, в том числе родовых имений передававшихся из поколения в поколение, раскрывая тем самым её социальную роль и важные детали генезиса самого понятия недвижимой вещи, как де-юре, так и де-факто.

3. Формирование взгляда на общие закономерности эволюции правового положения государства и как регулятора частных, публичных земельно-имущественных отношений, и как собственника земли.

4. Демонстрация особенностей изменения содержания юридических, обычно-правовых, канонических норм в связи с усилением земельно-имущественного расслоения общества и вытекающих из этого устойчивых конфликтов, в том числе в форме гражданских войн, революций, вооруженных мятежей сельского населения против крупных землевладельцев, общинных крестьянских междоусобиц и т.д.

5. С помощью изучения специфики означенных отношений в определённый период истории он создает комплексное представление о квинтэссенции государственно-правовых реформ в области сельского хозяйства, обосновывает их необходимость, достоинства и недостатки, в зависимости от степени эффективности решаемых, главным образом земельно-имущественных вопросов.

Считаем излишним объяснять экономическую значимость земли для производственного развития человечества на всех стадиях его существования. Скажем больше, что всемирная история содержит массу свидетельств как догосударственного периода, так и на этапах его складывания у разных этносов - процессов распределения имущественных благ, где земле как объекту социальных отношений отводилась особо важная роль. Чрезвычайная экономическая значимость и ценность земли во все времена объяснялась повышенным интересом законодателя к ней, что обуславливается превалирующим количеством норм земельного права в юридических памятниках, установлением серьезных нормативных ограничений на её оборот и пристальный учет таковой, санкционированием экстраординарных и сложных обыкновений, процедур сделок с необычным порядком

их заключения. Как правило, обязательными условиями их совершения являлось исполнение сторонами символических действий, ритуалов, произнесением специальных юридических формул, совершение процедуры манципации. Подтверждение этому, без особого труда можно найти в книгах римских юристов. Например, в положениях Институций Гая довольно детально разъясняется порядок и сама значимость таких действий в отношении поземельных участков как особого вида вещей.

Таким образом, через изучение системообразующих для общественно-экономического развития земельно-имущественных вопросов и отношений можно вычленил и познать множество других малоизученных отечественной историко-юридической наукой самых разных значимых нюансов: причин и природы классового антагонизма в разрезе распределения имущественных благ и в связи с этим закономерностей трансформации исторической сущности права, народных обычаев, традиций и основанных на них юридических норм, с уклоном в имущественные отношения, связанных с ними элементов народного быта, отображающего его правовую культуру, определить положение отдельных групп населения, членов общества, поскольку земля, её размеры, характер, цена, местонахождение, особый порядок учета, несомненно являлись показателем статусности её владельцев. В этой связи абсолютно прав Воронцов С.А., выдвинувший в своей диссертации тезис о том, что изучение опыта трансформации земельного строя государства, сравнение его с существовавшими в истории отношениями позволяет найти ответы на многие вопросы.

Исследование земельно-имущественных отношений позволяет определить методы правового регулирования режима землепользования как части государственной политики, тем самым глубже погрузиться в её положения и принципы. Посредством анализа земельно-имущественных отношений, связанных непосредственно с ними секуляризацией, или наоборот налоговыми преференциями возникавших между государством и духовными учреждениями, например, Древнего мира или Средних веков можно открыть довольно важную информацию о превалировании духовной или монархической власти в процессе управления обществом, и конечно же об уровне их легитимности и политического влияния, и могущества.

Распределение земли довольно часто в истории человечества сопровождалась вытекающими отсюда юридическими конфликтами, спорами, которые урегулировались довольно радикальными способами, в том числе военно-силовыми, карательными, порой сменяя политические режимы, монархические династии в той или иной стране. Через познание земельно-правовых отношений и сопровождающие их конфликты, их сущности, причины, возможно установить множество важной и ключевой для государственно-правовой истории информации о правосознании в области имущественных отношений, характере социальных норм и выражающих ими классовых интересов, в том числе правил обычаев, применявшихся для их разрешения, и конечно же сущность, организованность правоприменительной, в том числе судебной практики в этом направлении, при-

близиться к пониманию семантики и этимологии официально-деловой и неофициальной юридической лексики в области имущественного оборота.

Содержательная часть заключающихся в ходе отчуждения земельных участков договоров и прочих сопутствующих им правореализационных актов: купчих, вкладных грамот, степень их совершенства с позиции юридической техники позволяет судить о правовой грамотности народа. Характер и разнообразное число форм собственности на землю и способов её учета, контроля целевого использования, являются своего рода индикатором, демонстрирующий уровень развития позитивного права, культуру законодателя и общества в целом.

Указанный метод имеет важное значение и в познании истории уголовного права. Погружение в земельно-имущественные отношения прошлого позволяет параллельно вскрыть некоторые тонкости в вопросах эволюции институтов преступления и наказания применительно к различным правовым семьям. В частности, определение стоимости земли и её роли в жизни общества имеет существенную гносеологическую, онтологическую и непременно аксиологическую важность, поскольку представляет возможность идентифицировать степень тяжести отдельных имущественных по своим свойствам уголовных правонарушений, закрепленных в памятниках права, а также и их общественную опасность. Он позволяет понять насколько прописанные в законодательстве меры наказания за преступления, где предметом выступали отдельные категории земель, были соразмерны степени общественной опасности уголовно-наказуемого деяния и целесообразны с позиции исторического отрезка времени, а в этом ключе еще и сопутствующим образом осмыслить положения, принципы уголовно-правовой политики государства по борьбе с имущественной преступностью.

Всестороннее исследование истории залоговых правоотношений также немислимо без прояснения вышеуказанных данных, поскольку позволяют объективнее взглянуть на соотношение ценности земли в различных национальных правовых системах применительно к другим недвижимым вещам, в конкретный промежуток времени, а также подвергнуть анализу их сущность и природу.

Изучение правореализационных актов, связанных со сделками купли-продажи земли имеет еще одно гносеологическое значение – определение степени правовой идентичности народа его свободы или зависимости от законодательства и воли завоевателей, колонизаторов, в тот или иной исторический отрезок времени, подверженность национального законодательства влиянию права других стран мира, иных народов, цивилизаций. Так, например, документооборот средневековой Руси на рубеже XIV-XV вв. указывает на явное отсутствие элемента влияния татарской орды на процессы развития института собственности на землю в Московском княжестве, поскольку в купчих и других актах упоминаются достаточно традиционные для русского народа приемы способы составления документов, формы заключения гражданско-правовых сделок, предметом в которых выступали земельные участки. Сопутствующая им юридическая лексика в свою очередь отличалась довольно аутентичным характером, а оценка, расчёты по договору производились в отечественной валюте, сугубо в рублях,

оборот недвижимости и вытекающие из них земельные споры разрешались на основе старорусских обычаев - «по старине».

Таким образом, земельно-имущественный метод как в отдельности, так и в совокупности с другими общенаучными приёмами и способами: критический, сравнительно-правовой анализ и т.д., усиливают и повышают эффективность первого с точки зрения погружения в сокровенные вопросы правового быта разных народов и жизни цивилизаций прошлого, внося свою лепту в познание важного для историко-юридической науки политического, социального, культурно-правового наследия, сквозь призму хозяйственного и других видов оборота недвижимости, в том числе земли и разрешаемых в этом контексте регулятивных, организационных проблем, тем самым оказывая значительное влияние на отношения в обществе и множество сфер его развития, что представляет собой колоссальную теоретическую, методологическую, а возможно, с высокой долей вероятности и прикладную научную значимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богатырева Н.А. Российское земельное право: эволюция и развитие // Национальная ассоциация ученых (НАУ). - 2015. - IV (9). / Юридические науки. - С. 16-17.
2. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1. / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. - М. – Юристъ. - 1996. – 392 с.
3. Плоцкая О.А. Обычно-правовое регулирование земельных отношений у Коми (Зырян) в период общинного владения землей // Lex Russica. (Том XCV). - Октябрь. 2014. - № 10. - С. 1214-1220.
4. Крупейников К.В. Функции государства в истории развития земельных правоотношений в России // Право и государство: теория и практика. - 2016. - № 10. - С. 20.
5. Козлов Д.В. История земельных отношений в Византийском праве // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2014. – № 2. - С. 44-47.
6. Воронцов С.А. Становление и развитие земельных отношений в России: история и современность: автореф. канд. юрид. наук. - Краснодар. - 2008. - 29 с.
7. Гавриленко В.М., Сырых К.Е. Историко-правовое развитие земельно-имущественных отношений в Советский период // Международный научный журнал «Вестник науки». - Т. 1. Июнь 2023. - № 6 (63). - С. 668-671.
8. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., - Санкт-Петербургская археологическая комиссия. - 1838. – 511 с.
9. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России: Том I. Киев. – типография Давиденко. - 1860. - 500 с.
10. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Том первый. СПб., - Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг. - 1841. – 551 с.

© Е. А. Шаталов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

1. С. С. Жданов. Репрезентация Новороссии в травелоге Н. С. Всеволожского	3
2. С. С. Жданов, Н. В. Федотова. Американская городская образность в очерке «Вокруг света» Н. Г. Гарина-Михайловского.....	17
3. С. С. Жданов. Рецепция межнациональных отношений в Сибири в травелоге «Из Пекина в Петербург» А. Рида	30
4. П. В. Алексеев, С. С. Жданов. Репрезентации южного пространства в путевых заметках К. Жукова: Одесса и Крым	42
5. А. Н. Кривых. Антидопинговая политика в спорте – как и почему борются с применением запрещенных веществ	57
6. О. О. Крыжановская, В. В. Петрушина, Е. В. Лейман. Анализ участия студенческого спортивного клуба СГУГиТ «Пантеры» во всероссийских клубных соревнованиях.....	64
7. А. В. Лопарев. Основы психического здоровья и психосоматическая физическая тренировка	69
8. В. А. Лопатин. Модернизация современной стратегии в системе физической культуры и спорта	74
9. В. А. Лопатин. Поиск компетентного подхода в преподавании физической культуры в вузе.....	79
10. Е. А. Малютина, Д. В. Панов, С. В. Пахомова, Н. Ю. Пичугина. Влияние учебных занятий по плаванию на качество физической подготовки будущих специалистов СГУВТ	83
11. А. В. Мирный. Влияние образа жизни современного студента вуза на качество обучения	88
12. Е. И. Теплухин. Формирование ценностных ориентаций у студентов на занятиях по физической культуре и спорту	92
13. Е. А. Шаталов. Земельно-имущественный метод в изучении предмета историко-юридической науки	97

CONTENTS

1. S. S. Zhdeanov. Representation of Novorossiia in the travelogue by N.S. Vsevolozhsky	3
2. S. S. Zhdanov, N. V. Fedotova. American city imagery in the sketch “Around the world” by N.G. garin-Mikhailovsky	17
3. S. S. Zhdanov. Reception of inter-ethnic relations in Siberia in the travelogue “From Peking to Petersburg” by A. Reid.....	30
4. P. V. Alekseev, S. S. Zhdanov. Representations of the Southern Space in K. Zhukov’s Travel Notes: Odessa and Crimea.....	42
5. A. N. Krivykh. Anti-doping policy in sports - how and why people struggle with the use of banned substances.....	57
6. O. O. Kryzhanovskaya, V. V. Petrushina, E. V. Leiman. Analysis of the participation of the SSUGT student sports club 'Panthers' in the nationwide club competitions	64
7. A. V. Loparev. Fundamentals of mental health and psychosomatic physical training	69
8. V. A. Lopatin. Modernization of the modern strategy in the system of physical culture and sports	74
9. V. A. Lopatin. The search for a competent approach in teaching physical education at the university.....	79
10. E. A. Malyutina, D. V. Panov, S. V. Pakhomova, N. U. Pichugina. The Influence of Swimming Training on the Quality of Physical Training of Future Specialists of SSUWT	83
11. A. V. Mirny. The Impact of the Lifestyle of a Modern Student on the quality of Education	88
12. E. I. Tepluhin. Formation of students' value orientations in physical education and sports classes	92
13. E. A. Shatalov. The place and role of the land-property method in studying the subject of historical and legal science: theoretical and methodological context	97

Научное издание

ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ

XXI Международный научный конгресс

Сборник материалов в 8 т.

Т. 5

Международная конференция

**«ЭЛЕКТРОННОЕ ГЕОПРОСТРАНСТВО:
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНОЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»**

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *А. П. Бочарникова*

Изд. лиц. ЛР № 020461 от 04.03.1997.

Подписано в печать 29.08.2025. Формат 60 × 84 1/16.

Усл. печ. л. 6,04. Тираж 34 экз. Заказ 99.

Гигиеническое заключение

№ 54.НК.05.953.П.000147.12.02. от 10.12.2002.

Редакционно-издательский отдел СГУГиТ
630108, Новосибирск, ул. Плеханова, 10.

Отпечатано в картопечатной лаборатории СГУГиТ
630108, Новосибирск, ул. Плеханова, 8.